

Российская Академия Наук
Институт философии

И.И. Кравченко

ПОЛИТИКА И СОЗНАНИЕ

Москва
2004

УДК 320
ББК 66.01
К 78

В авторской редакции

Рецензенты

доктор филос. наук *Юлина Н.С.*
доктор филос. наук *Глаголев В.С.*

К 78 Кравченко И.И. Политика и сознание. — М., 2004. — 216 с.

Политика во всех своих формах — идеальных (замыслы, теории, проекты и т.д.) и материальных (политические формы — учреждения, документы и др.) представляет собой результат работы сознания. Действительные и превращенные формы сознания многообразны, так же как и создаваемая ими многообразная политика. В книге рассматриваются ее рациональные и иррациональные типы, формы и отношения политики и науки, идеологии и религии. В работе рассмотрены некоторые проблемы политических и других социальных ценностей, связанных с политикой.

Книга рассчитана на специалистов в области философии, политологии и широкий круг читателей, интересующихся проблемами политики.

ISBN 5-201-02127-1

© Кравченко И.И., 2004
© ИФРАН, 2004

Введение

Известно, что политика, как и власть, — средство ее воплощения, — существуют в двух формах: идеальной и материальной, то есть интеллектуальной (идеи, замыслы, проекты, теории, прогнозы, борьба взглядов, мнений и т.п.) и ове­ществленной в деятельности, информационных процессах, политическом письме, речи, институтах, символике и мн.др. Отсюда и два подхода к исследованию политики — анализ замыслов, программ, психологии и логики политического выбора, принятия решений, политической культуры, мотивов политического действия и поведения и т.д.; и субстанциональный подход, деперсонализированный («правительство решило», «политика требует», «ситуация вынуждает») и т.п.

Эти две ипостаси политики и власти связаны причинно-следственными отношениями, в которых ведущим началом выступает интеллектуальное начало, как и во всех других общественных системах¹, видах деятельности и ее этапах — это онтологическая, по смыслу, функция связывает политику со знанием во всех его действительных и превращенных формах и с соответствующей работой сознания с его рациональными и иррациональными функциями, интуитивными, подсознательными.

Особое место в познавательных, критических, прогностических функциях политического сознания задают отношения политики и науки. Они распространяются и на интеллектуальные формы политики и на их материальные воплощения, такие, например, как государство и его институты. Наука в этих отношениях предстает во всех ее воплощениях — рациональном знании, его иррациональных превращениях, в подсознательных интуитивных движениях сознания, в вытесняющих знание мифологических представлениях о действительности. Поэтому в предлагаемой книге объединены отношения политики с тремя общественными системами, о которых подробно говорится в только что упомянутых работах автора: «больших общественных системах»,

большая часть которых рассмотрена в названных выше публикациях, а три — наука, идеология и религия — исследуются в их отношениях с политикой в последующем изложении.

Понятие знания — одно из самых фундаментальных для политики и власти. Это знание смысла, знание человека, общества, их интересов, нужд, целей, задач, способов их решения, результатов деятельности. Знание — это жреческое, сакральное начало политики, оправдание ее существования: «знание тайны». Политик знает («научная политика»), поэтому он может вершить делами общества, судьбами стран и людей. Это знание законов, истин, причин и следствий. Знание — атрибут политики и власти, и самого политика. Отсюда и идеальный, платоновский образ политика-ученого, мудреца и философа.

Разное по содержанию, предмету и функциям знание образуется политической философией и наукой. Философское знание и составляет «жреческое знание» «политической тайны».

Знание поэтому — власть, орудие, инструмент политики, ее средство.

Знание в политике на равнозначно науке. В политическое знание включено и политическое искусство, в нем присутствует специфическая техника власти, политическое мастерство, вплоть до приемов воздействия на сферу подсознания. Наука постигает и эти глубины политики, помогает ей и вмешивается в нее. Но ученый может не все знать о политике; с другой стороны, авторитет науки не всегда высок; политик же может не понимать науки и не считаться с ней.

Отношения политики и науки, знания вообще представляются, таким образом, достаточно сложными. Обратимся же к их анализу.

РАЗДЕЛ I. ЗНАНИЕ И СОЗНАНИЕ В ПОЛИТИКЕ

Политика/власть и наука

Большие общественные системы, названные автором организационными и регулятивно-контрольными, связаны с политикой (которая входит в состав этих систем и равноправна с ними), связаны друг с другом атрибутивными отношениями, то есть способностью не просто взаимодействовать друг с другом, но проникать друг в друга. Инклюзивность (проникающая способность от лат. *include*) некоторых систем может быть агрессивной, экспансивной. Тогда возникает проблема допустимых пределов проникновения, нарушение которых разрушает атакуемую систему и ее союз с проникающей системой. К экспансивным системам относятся: идеология, сама политика и религия. Известно разрушительное воздействие чрезмерного проникновения политики в экономику (например, ее милитаризация), идеологии — в политику, культуру и право, религии — в право (мусульманский опыт). В то же время ряд систем (наука, или в более общем смысле, система научного знания, культура, мораль) могут и должны ассимилироваться другими системами сколь угодно глубоко, не причиняя им вреда, и чем глубже, тем лучше. Знание тем самым не может быть избыточным. Поэтому все системы предрасположены создавать собственные познавательные, критические и предсказательные философские и научные области знания (экономические науки, политические и политическая философия, философия права и правовые науки и т.д. и т.п.).

Разумеется, атрибутивные отношения избирательны: политика, например, не совместимая с наукой, может использоваться в инструментальных целях. Политика может определять приоритеты научно-технического развития, цели и задачи производства. Экономика может принуждать систему права и сферу ее наук принимать те или иные решения и т.д. Проблемы возникают, когда та или иная система начинает эксплуатировать науки или, иначе говоря, применение либо использование науки переходит в ее подчинение задачам, которые могут быть ей не свойственны или противопоказаны. Эта ситуация настолько неизменна в истории человечества, что может оказаться фатальной, способной не только усугубить имманентное созидательной деятельности противоречие — ее сочетание с разрушением (расходом ресурсов, производством отходов, загрязнением и пр.), но и с целенаправленным созданием все более могущественных и опасных средств разрушения. Речь идет, как нетрудно понять, о создании все более опасного оружия. Попытка выделить из совокупности вооружений особый класс «оружия массового уничтожения» с тем, чтобы как-то обуздать его изготовление и применение, достаточно лицемерна. Во время второй мировой войны практически не применялось никакое оружие массового поражения, но это не помешало истребить 50 млн. людей. Атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, действительно поразила 200 тыс. человек. Но бомбардировка Дрездена обычными фугасными и зажигательными бомбами привела точно к таким же жертвам. В бесчисленных конфликтах и войнах послевоенного времени также не применялось никакое сверхъестественное оружие, что не помешало истребить такое же количество людей, как в хорошо организованной войне 1939—1945 гг. Обычное стрелковое оружие (в том числе десятки миллионов автоматов Калашникова) исправно делает свое губительное дело.

О социальных и исторических последствиях политического принуждения сферы познания и технико-промышленного производства можно было бы сказать еще многое*, но нас здесь интересует результат политической агрессии в науку, когда нарушаются границы допустимого проникновения одной системы в другую, когда политика, выступая заказчиком, принуждает исполнителя подчиняться ее требованиям**.

Избыточная политизация (и идеологизация) науки и ее подчинение власти порождаются не самой по себе политической волей, а режимом, который приводит эту волю в движение. Так возникает специфическая для авторитарных и тоталитарных обществ ситуация подчинения с политическим и идеологическим контролем и системой льгот и привилегий для науки, превращенной в инструмент, призванный решать не свойственные ему задачи. Так появляются общественные науки (а также многие формы культурного творчества), поглощенные поддержанием, объяснением и оправданием политики и власти и деградирующие в этой несвойственной им сервильной функции. Когда же, при кризисах и смене исторических вех политики, и в самом деле требуется квалифицированная помощь, такая наука оказать ее не может. Она либо разрушается, либо топчется на месте.

* Следовало бы особо отметить обманчивость взаимной преданности власти, политики и оружейников. Военно-техническая революция и ее научная матрица вольно или невольно интернационализируются, расплозание оружия, торговля им ведет в конечном счете к вооружению преступных режимов и террористов. В недавнем прошлом наука служила вооружению и своих собственных террористических милитаристских режимов. Эти факты слишком хорошо известны, чтобы на них останавливаться.

** Известно также, что политический заказ может быть вполне созидательным и общественно полезным при создании новых отраслей знания и производства, решении различных общественных задач, на чем нам еще предстоит остановиться. Во всяком случае, политическое обращение политики к науке для решения позитивных созидательных задач не сводится к принуждению.

Вспомним, как медленно и трудно восстанавливалась в послевоенные годы некогда цветущая философская и общественная мысль Германии, как сложилась судьба обществознания в России постсоветского периода. Несмотря на усиленное размножение всевозможных экономических, политологических, социологических институтов, центров, Академий, школ, от них пока так и не поступило сколько-нибудь серьезных проектов общественного развития. Можно вспомнить и вполне анекдотические по своей наивности предложения реформировать плановую экономику за 100 или 500 дней (!) и объявление новой рыночной экономики в России монетаристской, хотя это типичная меркантилистская экономика с поборами и налогами с целью хоть как-то наскрести деньги — настоящий XVII век. Не удивительно поэтому, что политике и реально действующей власти пришлось и все еще приходится действовать по собственному разумению («шоковая терапия», приватизация и т.п.) и получать затем оправданные и неоправданные упреки.

Еще сложнее складываются нередко отношения политики с естественными науками. Их мобилизация для решения больших общественных задач (и прежде всего военных) — обычная процедура нашего времени. Однако она то и означает подчинение науки политике, создание научно-технического агломерата, известного под именем военно-промышленного комплекса. Эта ситуация неизбежна и терпима в чрезвычайных условиях ведения вооруженной борьбы или подготовки к ней. Однако она становится нетерпимой и дисфункциональной, если оказывается постоянной, если поглощает лучшие силы науки и производства, ослабляет и разрушает экономику и развращает привилегиями и льготами ученых, способных гордиться своими чудовищными изделиями. Такой плененный гигант способен выйти из повиновения (например, саботировать конверсию военного производства в гражданское). Поэтому вольно или невольно, заботясь о развитии военного потенциала или сохраняя его «про запас», государство под-

кармливает непроизводительную, затратную сферу науки из своих нередко скудных средств и перестает обращать внимание на остальные сферы.

Этатизация науки

Научное творчество и в наши дни считается сферой деятельности одаренных индивидов, наделенных специальным знанием. Совокупность способных к творчеству людей определяет инвентивность общества, его творческую характеристику. Реализация же открытий и изобретений, творческое новаторство, инновативность — характеристика деловой активности — в нарастающей степени становится коллективной, общественной задачей, очень часто заботой и целью государства, а значит и предметом политики. Часть новаторских усилий последние два столетия брали на себя постепенно разраставшиеся частные и корпоративные предприятия (судоостроение и самолетостроение, например), а часть — непосредственно государство, особенно область эксплуатации открытий (например, железные дороги, средства электросвязи и др.).

Расширение масштабов и задач научного творчества с началом массированной индустриализации в XX в. еще более изменило отношения политики и науки. Наука, как мы знаем, стала важнейшим средством научно-технических, экономических, политических, культурных задач общества, особенно в связи с обострением политической ситуации в мире, международными политическими и идеологическими конфликтами.

Положение науки и ее политические функции еще более изменились в середине прошлого века в связи с начавшейся научно-технической революцией, а именно, превращением науки в исходный фактор производства, когда оно становится средством реализации научных замыслов, кото-

рые, в свою очередь, часто оказываются исполнением политико-экономических, военно-политических и идеологических задач.

Наука, способная решать подобные задачи, либо вливается в военно-промышленный комплекс, либо не выходит за свои пределы, но настолько усложняется и коллективизируется, что превращается в крупные научные отрасли фундаментальных и прикладных исследований.

Естественно, в этот процесс органически включается в роли организатора, контролера и финансиста государство, то есть политика. Оно, государство, способно форсировать решения тех или иных задач (индустриального развития, например), работу научных учреждений, подготовку кадров науки, производить мобилизацию этих кадров, производить научные, финансовые интервенции в исследованиях и т.д.

Этатизация науки не только позволяет ее развивать, но и дает возможность ее эксплуатировать, однако отношения политики и науки, как и следовало ожидать, достаточно симметричны. Наука в нашем мире — опора государства, залог его развития и самого существования. В то же время попытки превратить «свою» науку в исключительное государственное достояние, скрыть ее от процесс традиционной интернационализации завесами государственной тайны или национальной безопасности ослабляют взаимодействия обеих систем и заставляют подозревать существование нездоровых отношений между ними. Для политики же современного крупного государства особенно губителен отказ от науки, трудно восполняемые задержки ее развития. Никакие претензии на великодержавность и всемирность государства, не сумевшего сбросить и развить в своей стране науку не могут состояться.

Роль науки

Современная наука — это целостный и сложный социальный институт, обеспечивающий знанием интеллектуальное и материальное развитие общества. Дисфункции отно-

шений между ним и политикой, о которых шла речь выше, преодолимы. И потому в истории их отношений взаимные охлаждения чередуются с попытками создать между ними прочные взаимоотношения. Один из путей к их союзу ведет в обратном только что описанному пути — к проникновению науки в политику. С точки зрения политики этот путь также можно расценить как иную форму обладания. Речь идет об атрибутивном сочетании двух систем — политической науке. В эту атрибутивную связь включена также и философия. Ее объединяет с политикой общее тяготение политического процесса и философии к универсальным закономерностям и эссенциальным определениям бытия человека и общества, в данном случае — политического бытия, его смысла. Наука включается в эту связь в качестве конкретных воплощений универсальных политических сущностей познавательными философскими средствами*. Отсюда возникает еще один современный путь, пользовавшийся в XX в. большим успехом.

Партнерство равных

Опыт XX века показал, что не подчинение, а автономное сотрудничество разных и равных общественных систем приводит к действительно плодотворным результатам, идет ли речь об отношениях экономики и политики (так называемые «рыночные отношения» так, собственно говоря, и организуются), либо о политике и праве или культуре и т.д. Сошлюсь для доказательства этой закономерности на историю глубокого исторического кризиса мирового масштаба конца XIX—XX веков и опыт его разрешения.

* Вспомним основные принципиальные характеристики политики (см. указанные выше работы): она всеобща (присуща всем отношениям в обществе, всем регулятивно-контрольным организационным системам); универсальна (присуща любой эпохе, любому общественному строю); инклюзивна и атрибутивна, о чем уже шла речь выше.

Пресловутый «общий кризис капитализма», о котором так много писали и говорили и у нас и за рубежом, действительно имел место и сопровождался невиданными в истории катастрофами — мировыми и гражданскими войнами, экономическими кризисами и кризисами культуры, массовой гибелью людей и ростом жестокости вместе с уже упоминавшимся невиданным разрастанием средств уничтожения. Все эти факты хорошо известны, описаны в обширнейшей литературе и потому, как я полагаю, не нуждаются в иллюстрациях и доказательствах. Тем не менее несколько замечаний на эту тему как видно следует сделать.

В марксистской (Ленин, Гильфердинг) и в немарксистской антикризисной критике кульминация кризиса связывалась с возникновением финальной империалистической стадии развития капитализма и обострением противоречий между империями. Не будем здесь обсуждать вопрос о переходе капитализма в его империалистическую форму (дело в том, что все европейские империи были феодальными по происхождению и их историческому пути), но кризис империализма действительно стал главным фактором кризиса и привел не только к межимперским столкновениям, но и к распаду самих империй. В этот процесс была включена и Россия с феодальным самодержавием. Она же и стала одной из первых жертв кризиса. Распад империй начался, как известно, сразу после первой мировой войны, но затянулся до середины прошлого века. В конце концов западный капитализм избавился от его бремени, и тогда встал вопрос: что дальше? Сразу после войны началась бурная интеллектуальная модернизация общественнознания, социальной и политической философии. Возникли концепции социального прогнозирования, модернизации, нового современного общества, нового мирового порядка, научно-технической, демографической революции и мн.др. Политика не управляла этим познавательным и конструктивным процессом. Его движущей силой было самосознание философов и ученых, отзывавшихся на запросы времени и общества.

Результатом активной и разносторонней интеллектуальной деятельности стали теории и концепции общественного развития, возникшие из агрегации исследований социального роста (экономического, политического, культурного, демографического и др.), социального изменения (начавшихся еще в 30–е годы и связанных с именами Сорокина, Парсонса, Мертона, Мура, Хаули и мн. других известных ученых), анализа кризисов и общественных катастроф, изучения глобальных и, прежде всего, экологических проблем и связанные с прогнозированием будущего (футурологией и прогностикой). В итоге произошла настоящая революция в сфере социального и политического знания, не без влияния марксизма, надо сказать. История была признана управляемой, ее движение — поступательным и предсказуемым. Этапы исторического процесса получили названия и были истолкованы. Так появились, в частности, концепции индустриального и постиндустриального общества и их конкретные модификации. Но прежде, чем остановиться на деталях этого движения, отметим, что советская общественная наука и социальная философия заметно опередили западное общественно-политическое знание по времени появления.

Если западная общественная мысль вплоть до окончания второй мировой войны обходилась без идеи будущего, то советское обществознание, напротив, как все мы знаем, было целиком ориентировано в будущее: построение нового общества, воспитание нового человека и т.д. Тематика развития советского марксизма и западной общественной мысли во многом совпадала, однако формировалась принципиально различным образом. Западное обществознание шло традиционным путем — исследованием действительности, обнаружением трендов закономерностей, тенденций и построением в той или иной степени вероятных гипотез, прогнозов и проектов развития. Даже самые революционные предложения несомненно инструментального характера, обслуживающие политику, строились таким образом (кейнсианская терапия кризиса, мониторингистские теории, исходив-

шие из идеи общего блага, в соответствии с «принципом Парето» — «благо не может быть общим, если не распространяется на всех» гипотеза постиндустриального общества, идея Нового мирового порядка и мн.др.). В отличие от этого метода советская теория развития строилась в рамках политического программирования и исходила не столько из наличного, сколько из желаемого бытия, которое конструировалось как реализация большого исторического проекта. Когда же выяснилось, что этот проект не был реализован и не мог осуществиться, такая теория развития оказалась не у дел. Несмотря на ряд заслуживающих внимания работ (особенно в области философской и социально-политической историографии), такое обществознание не могло участвовать в антикризисном противостоянии, что уже отмечалось. Многие идеи западных теоретиков развития также не были реализованы или еще не осуществлены, но в целом они существенно помогли выйти из кризиса, создали интеллектуальную платформу для дальнейшего развития.

Отмечу здесь, что условием успеха антикризисных теорий развития было радикальное критическое самосознание нового обществознания. В разгар кризиса возник настоящий поток критических исследований сложившейся ситуации — десятки и сотни работ таких известных авторов, как Д.Белл, Дж.Форрестер, К.Боулдинг, доклады Римскому клубу и мн., мн. др.

Безусловно, отношение политики к науке неоднозначно. Покорению науки сопутствовала огромная работа по ее созданию. В самом деле, в странах с политической диктатурой создание науки было результатом не ее саморазвития («большой науки») и тем более — фундаментальной, а делом политической воли и готовности государства нести необходимые для этого расходы, какие бы соображения к этому не побуждали.

Владение наукой — несомненное достижение, но и большая ответственность. Если она оказывается несостоятельной, и государство становится равнодушным к своему созданию, это говорит лишь о справедливости мысли о пределах допустимого проникновения одной системы в другую.

Политическая наука и научная политика

Что разумеется под наименованием «политической науки», казалось бы, не требует пояснений — термин говорит сам за себя. Однако наберемся некоторого терпения и попробуем уточнить это понятие, а главное, выясним, как соединяются две такие разные социальные сущности: политика и наука, когда их соединение произошло и что оно дает.

Начнем с того, что современная политическая наука — это собирательное имя сложного комплекса наук и научных дисциплин, школ и направлений, исследующих совокупность политических процессов и феноменов, таких, как государство, политическая система, власть, лидерство, политические процессы разных типов, политические режимы и мн.др. Такая наука (или науки) составляет часть более общей и сложной системы политического знания, образованной ею вместе с политической философией. Но раз мы говорим о многих науках, то есть о целой системе наук, то в ней окажутся науки о разных предметных областях (скажем, внутренней и внешней политики), но и различным образом относящихся к эмпирической политической практике и к ее теоретическому исследованию, иначе говоря, в их состав входят и теоретические и эмпирические дисциплины. Здесь мы вспомним новое наименование политических наук — политология. Это обозначение политического знания, принятое в некоторых странах (Германии, в отечественной науке, в меньшей степени во Франции и Италии и некоторых других), но не получившее признания в других (например, в США). Термин «политология» сравнительно недавнего происхождения, начала 70-х гг. В европейской науке этот термин еще недавно не был известен. Значение его толкуется весьма различно: либо как синоним политической науки, либо как исследование ее эмпирической сферы: конкретной политической практики (электората, например), политической техники и «техники» власти: организации работы аппарата, органов власти — парламента, выборных лиц, раз-

работка норм повседневной политической жизни и т.п. Таким образом, политология — это своего рода аналог конкретной социологии. Но так как существует и теоретическая социология, новое наименование распространилось на всю науку. Проблема политической науки, впрочем, не в том, как ее называть, а в понимании ее истоков, функций, целей, ее структуры и знания ее места в общей системе политического и еще шире — общественного знания.

Одна из самых древних и самых молодых наук

Первым актом становления политической науки, назревшим уже в античной политической мысли, стало ее обособление от политической философии, аналогичное выделению естественных наук из натурфилософии. Датировать это событие невозможно — оно совершилось как бы втайне от ее создателей, ибо ими и были сами философы: их политическое творчество во все времена отнюдь не сводилось к философскому размышлению о сущности политических проблем. Платон и Аристотель, Цицерон и христианские мыслители — от Августина, Фомы Аквинского до теоретиков Нового времени постоянно обращались к политической практике, были нередко конкретны и знали эмпирический мир реальной политики. Античный полис, город-государство надо было знать и философу, и Аристотель построил свою классификацию политических режимов, обобщив описание 58 полисных политических структур. Конкретика Платона и Аристотеля позволяет считать их родоначальниками политической науки, как и философии политики. Синкретизм политической мысли, античный или более поздний (а он сохранился и в наши дни и, по-видимому, имеет вечное право на существование), не служит, как видно, основанием не признавать столь давних истоков политико-научного знания, подобно тому, как мы не обнаруживаем в древности естественных наук, если не говорить о математике и астрономии.

Синкретизм философии и научного, эмпирического по происхождению, знания имел и особые функции: он формировал облик политической философии, философии практической, обращенной к жизненно важным проблемам истории и общества и ищущей их решения. Может быть, именно поэтому первичный синкретизм политической мысли сохранялся так долго и по существу сохраняется и поныне.

Однако происходившие в самой политической философии процессы разрушали ее синтез с нефилософским знанием. Она вырабатывала его все больше, и ее открытия и постоянные сюжеты — государство, власть, идеи лучшего политического устройства совместной жизни людей, создания гражданского общества по мере их накопления приводили к дифференциации политического знания, подобно тому, как параллельно дифференцировались вслед за философией природы философия права, истории, давая начало специализированным правовым и историческим дисциплинам. К началу XIX в. от этих двух ветвей философии более определенно обособилась и сама философия политики. Разделение труда между ними ознаменовалось, кстати сказать, оформлением и ряда политических идеологических учений, идеологий (и самого понятия идеологии): либерализма, индивидуализма и консерватизма, затем социализма (утопического и научного) и анархизма.

Следующим шагом нового научного знания стало его включение в новое обществознание XIX в. Собственно политическая наука рождается и, во всяком случае, опознается как таковая уже в XIX в. В период прогресса новых наук об обществе, были получены и их первые значительные результаты, связанные, как известно, с исследованиями политических режимов А. де Токвиля, прогностикой утопистов, исследованиями общего блага Дж. Ст.Милля, социологией О.Конта и Г.Спенсера, исследованиями К.Маркса, теоретиков отечественного и зарубежного анархизма (П.Ж.Прудона, М.А.Бакунина и др.), последователей различных направлений социалистической мысли и в целом с работой рево-

люционной мысли прошлого столетия. Идея разделения властей, увлекавшая своей рациональностью и социальной эффективностью Дж.Локка, Ш.Монтескье и ряд их современников, в конце XVIII в. стала центральным положением американской конституции и затем структуры власти всех конституционных государств мира.

Постепенное обособление научного знания политики от его философской матрицы уже в XVIII в. вылилось в своеобразное разделение труда между политическим философом и ученым-теоретиком политики. Открытия, идеи и концепции, возникавшие традиционно, в лоне философской мысли, переходили в область нефилософского знания, ближайшим образом связанного с практикой, и затем сами становились практикой. Таков был путь концепции гражданского общества, задуманного Ж.Боденом и Т.Гоббсом.

В середине, а еще точнее — со второй половины XX в. произошел настоящий взрыв политико-научной активности. К внутринаучным, философским и межнаучным импульсам, развивавшим политическое знание, присоединились новые социальные факторы, побуждавшие политическое исследование ускоренно развиваться. Общественная потребность в политическом знании, которая и прежде ориентировала его, приобрела в этот период особый смысл. Марксистская концепция политического знания к тому времени оформилась в систему взглядов на политику как управление обществом, опирающееся на познание однозначно направленного закономерного исторического процесса, направленное творение истории, создание совершенного общества и предопределение его лучшего будущего. Задача исследования состояла, следовательно, в формулировании способов решения этих задач. Речь шла, иными словами, о логическом развитии функций самой политики — управлении обществом: переходе к управлению общественным развитием, т.е. историческим процессом, об управляемости самой истории. Отметим, кстати, что задолго до осознания этой задачи, со времен античной Греции Платона и Аристотеля по-

литика уже считалась учением или искусством хорошего, возможно более совершенного, мудрого правления, а великие политико-философские проекты гражданского общества, республиканского государственного устройства, демократии, правового государства, т.е. учения XVII—XVIII и XIX столетий также были проектами управления историей и будущим. Но вернемся в XX век и заново поставим вопрос о соотношении науки и политики. Вся их связь была одновременно и связью научного и философского знания.

В самом деле, самые значительные труды политических мыслителей, такие как «Государство» и «Законы» Платона, «Политика» Аристотеля, «О государстве» и «О законах» Цицерона, «Шесть книг о Республике» Ж.Бодена, «Левиафан» Т.Гоббса, «Два трактата о правлении» Дж.Локка, «Политический трактат» Б.Спинозы, «О духе законов» Ш.Монтескье, «Об общественном договоре» Ж.-Ж.Руссо, «Метафизические начала учения о праве» И.Канта, «Основы естественного права» И.Фихте и «Философия права» Г.В.Гегеля не без самых веских оснований могут быть отнесены в равной мере и к философским и к научным, в нашем сегодняшнем понимании, нефилософским исследованиям феноменов политики. К какому из этих двух жанров отнести «Правление государей» Фомы Аквинского и такую же работу Э.Колонна или «Государя» Н.Макиавелли? Синкретическая политико-философская мысль столетиями объединяла в учениях о политике и проблемы истины, свободы, справедливости, толкования политической сущности человека и объединение самой политики с классификациями политических режимов, типов правления, характеристиками власти, со всей той работой, которая впоследствии перешла в сферу научных исследований.

Представление о возможности науки о феноменах политики, которая формируется в общей матрице политической мысли, возникло сравнительно поздно, но постепенно прививалось. Т.Гоббс уже включает «философию государства» в общую систему наук, которую он разработал. Сама фи-

лософия политики (которую он так еще не называл) рассматривается как наука с соответствующими требованиями к последовательности и строгости изложения. Он и сам примерно им следовал, разрабатывал, например, учение о естественном состоянии, естественном праве и законе². Столетием позже (1744 г.) Дж.Вико публикует «Основания новой науки об общей природе наций»³. Наука, впрочем, еще долго не обособляется от философии. И не случайно знаменитая гегелевская «Философия права» имела подзаголовок «Наука о государстве». В первой половине XIX в. образование самостоятельной науки о государстве, а затем и целой системы политических наук стало фактом европейской политической мысли, так что в 1884 г. уже появляется антология «Политических наук о государстве Нового времени» А. Бруниальти.

Обособление политических наук позволило пересмотреть и представления о той части политической мысли, которая традиционно относилась к философии, а также несколько определеннее очертить и предметную область ее исследований. Унаследованное от древних понятие политики как учение о государстве (ср. синонимии исследований Платона, Аристотеля, Цицерона и их последователей «Государство» — «Республика» — «Политика» — «Государь») перешло в область научного знания, философские учения о государстве, власти и политике постепенно сами начали специализироваться, но уже в собственно философском исследовании политики. В чем оно состоит, еще предстояло выяснить, и метафилософские изыскания в этой области сами по себе стали одним из предметов философского исследования, которое не завершилось и по сей день, как и определение его функций и методологических принципов. Но существование политической философии как самостоятельной философской дисциплины в XX в. сомнений более не вызывало.

Собственно политическая наука рождается и во всяком случае опознается как таковая во второй половине XIX в., из развития наук об обществе и общего прогресса науки. Она дала свои самые значительные и влиятельные результаты в

позитивизме Сен-Симона и Конта, в марксизме и «социальном дарвинизме». Рождение политической науки связано с ее отделением от права (особенно публичного). Не следует забывать, что и сама философия политики от Гоббса до Канта была непосредственно слита с философией права, была частью традиции естественного права, в котором государство представляется как юридическое образование, созданное юридическим актом общественного договора, определяющего легитимность государства, которое после своего создания само создает право. Отделение от этой юридической матрицы ясно декларировано в работах авторов, которых можно считать основателями современной политической науки: Людвигом Гумпловицем в книге «Социологическая идея государства» (1896 г.) и Гаетано Моска, автора еще более определенно названного произведения — «Элементы политической науки» (1896).

Предметная область политической науки: традиция и новые темы

Древние концентрировали внимание на государстве и ¹¹⁰управлении им; «политика» — это все, что относится к полису, ¹¹¹городу-государству. Вспомним еще раз, что вплоть до самоопределения самой политической науки центральной была политическая наука и трактовалась как учение о государстве, а вместе с ним — и о праве и законе, так что формирование политической науки потребовало ее обособления и от философии права и комплекса юридических наук — государствоведения и правоведения. Гегелевская «Философия права» (1821 г.), «Система наук о государстве» Лоренца фон Штейна (1852 г.) или «Общее учение о государстве» Георга Еллинека (1900 г.), политические и правовые науки, как и политику, государство и право еще не разделяют. И не случайно уже в XX в. Бенедетто Кроче писал о государстве в книге, которая называется «Элементы политики» (1925 г.).

Так, взаимодействуя с философским знанием и смежными дисциплинами и обособливаясь от них, политическая наука формировала свою собственную проблематику. Обычно такая эпистемологическая, формирующая теория процедура начиналась (и начинается всегда) в лоне самой философии. Поэтому в учении о формах правления государством или о его типах Аристотеля, т.е. в учении о демократии, аристократии, тимократии, деспотическом правлении Аристотеля и Платона и нет, как мы знаем, ничего специфически философского. Переход этого знания в ранг науки был предопределен изначально. Происходившая таким образом дифференциация философского и научного знания отнюдь не завершающийся на каком-либо этапе конечный процесс. Та же наука о государстве, формах и режимах правления остается предметом философского исследования, хотя подобная проблематика давно стала достоянием целого комплекса специальных наук.

Связи науки и философии в политическом анализе весьма функциональны и имеют характер разделения труда. Если в обращении к обществу наука открывает и исследует общее, массовое, закономерное, коллективное, повторяющееся для конкретной эпохи, наличного типа общества и цивилизации, то философия открывает идеальное, универсальное, всеобщее и общеисторическое. Поэтому возможно взаимное, встречное движение от философии к науке и обратно.

Возникает вопрос о политических открытиях, в сфере какого знания они совершаются. Конкретные возникают в науке или даже ее эмпирических разделах (например, функции законодательной и исполнительной власти, парламентские механизмы, анализ эмоциональной жизни власти и т.п.). Однако общий, содержательный смысл этих открытий доступен лишь в философском аспекте — и это тоже открытие. Но наиболее значительные открытия — философской теории, такие, например, как концепции свободы — замысла — всегда возникали в философии в силу их универсаль-

ного и идеального характера и особых функций самой философии — критической и конструктивной. Политический проект, возникающий в философии (политика как свобода, равенство, гармония власти и общества, гражданское общество, правовое государство, справедливость и т.п.), обязательно проходит утопическую стадию, т.е. этап истории, на котором он временно неосуществим. Политическая наука, напротив, обращена к реальным в данный момент или уже совершившимся событиям.

По мере разработки новой политической идеи и проявления ее утопической стадии (неосуществимости в данных условиях) идея (теория или концепция) переходит в область теории и от нее — в практику. Идеи суверенитета (государя, власти, народа), общественного договора, правового государства (XVII—XVIII вв.) стали теориями конституционализма, государства и права, концепциями конкретных свобод (XIX в.) и т.д. Политическая философия разгружается от готовых идей для новых универсалий. При этом она, на определенных этапах, иногда очень длительных (этапах утопии и ее преодоления) сама занимается конкретной теорией. Платон и Аристотель, Гоббс и Локк, Гегель и Маркс и мн. др. разрабатывали теорию государства, организации общественных отношений — политических, гражданских, форм власти, общественного порядка и т.д.

Науку и философию при этом связывает равное отношение к действительности; единство разума и эмпирии, как говорил Б.Кроче. Иначе говоря, и теоретический анализ и философское рассуждение исходят из реальных и конкретных политических фактов, событий и процессов. Однако их связывают с ними два разных типа рациональности. Наука призвана рационализировать действительность — это рациональность конкретного опыта и его познания. Хотя наука может и должна проектировать действительность, она делает это, исходя из настоящего. Философия связывает все три времени, опыт настоящего с историческим опытом и с гипотезой будущего. Кроме того, она рационализирует

понимание этого опыта, т.е. саму науку. Разумеется, и у этой рациональности есть рационализирующая ее эмпирическая основа.

Читатель, должно быть, уже давно ожидает вывода, к которому стремится автор: без хорошей философии не может быть серьезной и глубокой политической науки. Иначе и точнее говоря, все сказанное здесь (достаточно кратко, хотя анализ и примеры такого рода можно было бы продолжать до бесконечности) подсказывает, как я думаю, несколько выводов. Во-первых, между философией и наукой по-прежнему, как и в натурфилософский период их истории, нельзя провести абсолютную и даже иногда достаточно четкую грань. Во-вторых, трудно датировать появление и политической науки и политической философии — проблема, которая, кстати сказать, с некоторых пор сильно занимает многих исследователей. Проблема, может быть, сама по себе не столь принципиальная, но нет, так может показаться, пожалуй, только с первого взгляда. На самом деле ее решение вынуждает поближе присмотреться к более содержательным проблемам союза науки и философии и к тому, что они собой представляют в интересующей нас области знания, как в конце концов их различать? Решение такой проблемы — в интересах борьбы за превращение политической философии в систематизированное знание, начавшейся с самых ранних времен ее создания, и за преодоление эссеистского импрессионизма (там и тогда, когда он не оправдан), особенно развившегося в современных постклассических философских течениях. Не случайно Лео Штраусс, один из крупных представителей политической философии XX в.⁴, а за ним и другие исследователи признают заслугой Т.Гоббса (это, напомним, середина XVII столетия) превращение политической философии в науку, т.е. систематизированную часть единого знания о природе, человеке и обществе с «исчислением последствий» исследуемых явлений⁵. Это также отклик на стремление восстановить высокий статус политической философии и научного мышления, его «веберовский» стиль,

включающий в специализированное научное знание представление об универсальных принципах и процессах, без знания которых неизбежно снижается статус собственно научного анализа, отделенного от «философского пространства», где вырабатывается знание о самой науке. Исследование и сопоставление разных уровней или типов политического знания это и ответ на претензии на «научность» политической практики.

Науку о политике должно отличать, по самому определению, более полная и систематизированная предметная область исследования, даже если оно достаточно специализировано. Это обычно целостная область политических явлений, теорию которых призвана построить соответствующая (специализированная для этих целей) наука. Такой анализ должен отличаться достаточной проблемной полнотой. Так, например, принципы и формы демократического правления в научной теории систематизируются и объединяются в определенную концепцию, как это и сделал в свое время Аристотель. Философское исследование такого же масштаба может быть посвящено не совокупности проблем, а принципам демократического процесса, но может быть достаточно развитым и при решении менее общих задач, например при анализе проблемы справедливости либо свободы в демократическом обществе и систематизироваться в рамках подобной темы. Концептуальный характер полученной в исходе такого анализа теории, ее предсказательные (прогностические или перспективные) функции в философском и научном исследовании не могут в принципе различаться. Если, однако, научная теория дает систематизированную картину (модель) процесса, предсказание (сценарий, проект, гипотезу) его будущих состояний, то философская концепция того же процесса выглядит как постижение наиболее глубоких связей, образующих процесс, причин и следствий, понимание сущности такого процесса и его связи с фундаментальными историческими, культурными, экономическими, идеологическими, этическими характеристиками

смежных процессов. Философ, в отличие от исследователя-специалиста, имеет возможность выйти за границы исследуемого политического пространства в поисках его объяснения и притом иногда самым неординарным образом. Т. Гоббс и Ж. Локк, например, изучали процесс становления государства Нового времени и гражданского общества прежде всего как проблему человека, его «телесности», инстинктов, его первозданной природы, трансформации формирующегося общества цивилизационным процессом — говоря современным языком. Чувственная человеческая природа политики открывала им облик политики, путь к анализу, который позволил построить концепции гражданского общества. В XX в. (мы минуем другие аналогичные исследования) французский философ и историк Мишель Фуко сходным образом исследовал проблему власти через чувственную жизнь человека, его «телесность». Если и Гоббс, и Локк, и Руссо занимались исследованием формирования человека как политической проблемой, то и Фуко шел тем же путем, хотя и еще более необычным: как дисциплину тела⁶. Но и в политической науке нашего времени проблемы человека и власти, человека в сфере власти и их взаимоотношения занимают центральное место. Общий, заданный философской мыслью, модус современного политического исследования все более ориентирует научные изыскания именно в этом направлении.

Сегодня мы имеем уже итоги этого долгого исторического процесса, во многом скрытого философским знанием: политической наукой. Эта наука, которая, как выясняется, и одна из самых древних и самых молодых, и сама интенсивно и быстро развивается.

Политическая наука сегодня

Уточним теперь предметную область современной политической науки.

Во второй половине XX века сложился и новый синтез политического и гуманитарного, социального и исторического знания. Политическое исследование ориентируется на т.н. точные методы, в него широко проникает моделирование, построения прогностических сценариев, методика теории игр, исследования вероятностных процессов, системной теории, кибернетика и др. Быстро расширяется проблематика политических наук, и происходит их дальнейшая дифференциация по более узким и четко обобщенным специальностям и уровням знания — макрополитического: внешняя и внутренняя политика, теория организации, теория управления — *political studies* или *political science*, теории политических систем, конкретных политических механизмов, процедур и процессов — выборов, самоуправления, муниципальных, государственных и др. институтов и т.д. — совокупности теорий и эмпирических изысканий, получивших наименование *political analyse*, или *political science* (собственно политической науки).

В самом общем виде предмет политической науки можно обозначить как исследование политического общества⁷ и всего политического в обществе или исследование общества с политической точки зрения, конкретных фактов, процессов и явлений реального общества». Такими фактами для нее служат, во-первых, **политические формы** — институты, системы, структуры власти, ее аппараты, политические ассоциации (партии, политические движения, группы) — весь институциональный, объективированный в этих образованиях и материализованный в документах, политической речи, символических образах (ритуалах, эмблематике) непосредственно наблюдаемый мир политики, политическая жизнь общества в самом полном смысле. Во-вторых, это сфера человека, его сознания, политической культуры, политического поведения, политических настроений, эмоций, надежд и т.д. Третьей актуальной сферой предмета научного исследования будет объективированная в политических концепциях, идеях, теориях, взглядах, продуктах — политическая

мысль современников, обобщающая актуальную политическую практику (что, конечно, не исключает, скорее предполагает и обращение к историческому опыту).

Человек неизменно присутствует в политике и в политическом исследовании, пусть и неявно, в персонифицированных образах власти, символических выражениях политики («правительство решило», «парламент заявляет» и т.п.). Тем не менее при всей неизбежности человеческого алгоритма политического исследования политическая наука была и остается во власти формализма, посвященная изучению политических форм. Она может отвлекаться, в противоположность политической философии, от проблем человека, а может просто не доходить до них. Определенные, объективированные и материализованные формы политики, ее механизмы, процессы, институты, системы могут отчуждаться от скрыто присутствующего в них человека, и тогда само политическое знание способно формализоваться. Степени такой формализации различны в зависимости от задач исследования, его материала и искусства исследователя. Колебание, а лучше сказать, движение политического исследования между его формальными и человеческими основами в принципе закономерно и может быть представлено «чистыми» формами институционального либо психологического типов, вплоть до крайних: проникновения в сознание, психологию и глубинную психологию (бессознательное). За границами этих двух предельных типов исследования возможна и его отчужденная форма, когда политическое знание конструируется по образу отчуждающей политической практики и соответствующих ей концепций (вспомним, например, сталинскую версию отношений власти и общества, т.е. государства, партии и пресловутых «приводных ремней» — профсоюзов, комсомола и других «общественных организаций», передающих движение народу и стране).

Предметную область политических наук, как и их методологическую и функциональную специфику определяет не только их развитие и внутренняя дифференциация и

их связи с философией политики, но и отношения с другими общественными науками. Политическая система — одна из систем или подсистем более общей («большой», как принято определять такие системы в системном анализе, или сложной) общественной системы. Поэтому политическая наука должна в принципе исследовать свои объекты как общественные.

Политические и другие общественные науки при всем различии их предметов исследуют многие общие объекты разных масштабов — от государства, общественных групп и отношений между ними, от организации жизнедеятельности, управления обществом и до ситуаций в малых группах, отношений между ними и т.п. Связи политической науки с обществознанием и проблематику самой этой науки определяет и делает особенно значимой их общая центральная тема — человек. Поскольку человек — существо не только политическое, но и идеологическое, и общественное, то политическое знание обращено и к ценностям культуры, мировидению, человеческим отношениям и, естественно, к идеологическим процессам в обществе и в политике.

Культурные, человеческие, гуманистические и идеологические ориентации политической науки объясняют легкое проникновение в сферу политического знания анализа психологии политического поведения и соответствующей исследовательской методологии — пресловутой психологизации политической науки, которая привела к созданию специальных направлений в исследовании «политического человека» — бихевиорального и бихевиористского⁸.

Связи с науками о человеке — психологией, педагогикой, социальной экономией, с другими общественными науками сильно повлияли на формирование и внутреннюю дифференциацию политического знания, особенно же они проявились в образовании системы политических наук, входящей одновременно в систему политического знания (политическая философия — теоретическая наука — эмпириче-

ские, политологические исследования) и в систему других общественных наук. Сочетание с ними дало ряд смежных дисциплин. Таким образом, мы имеем сейчас:

1) политические науки, включающие исследования внутренней и внешней политики, политической борьбы, власти, политических режимов и систем, управления (о чем уже выше упоминалось), организации политической жизни общества, политических идеологий и т.д.;

2) цикл наук, изучающих внешние отношения государства, с которыми тесно связаны военно-политические дисциплины (теория вооруженной борьбы, стратегические исследования и др.); политическую социологию, занимающуюся теорией политических режимов (авторитаризм, демократия и т.п.), систем (партийных, управляющих), ассоциаций, вообще ассоциативной жизнью общества, конфликтами (совместно с социологической конфликтологией), отношениями между классами и группами и мн.др. проблемами; эмпирическую политологию, исследующую действие администраций, процедуры политической (например, парламентской) работы, избирательные и прочие массовые политические действия; социологию политики, изучающую политические отношения в малых группах, функции и роли политических деятелей, поведение человека в политической роли и пр.; политическую антропологию, исследующую догосударственные формы власти и политики первобытных обществ, кровнородственные, родоплеменные основы примитивных политических отношений.

Статус политической науки в системе политического знания (в отличие от философского и первичного эмпирического) определяется исследованием политики как общественного служения, инструмента познания и практики, орудия рационального конструирования бытия и ее научной функцией — конкретизации и практической разработки идей и открытий политической мысли, получения эмпирического знания и создания теоретико-практического знания уже в сфере самой политической науки: частных теорий и тео-

рий среднего уровня. Таким образом, в общей системе политического знания наука занимает место срединного звена, между философией и эмпирическим познанием общества (политологией конкретного уровня), непосредственно взаимодействует с ними и связывает эти два уровня — уровень высших обобщений, анализа сущностей и их общую эмпирическую первооснову.

Место и роль политической науки в познании политических объектов определяет ее познавательные и конструктивные функции и функции создаваемого в ее рамках теоретического арсенала.

Функции политической науки можно суммировать или классифицировать по разным признакам: ее инструментального назначения (обслуживания политической практики), познавательных, исследовательских задач, взаимодействия с другими уровнями политического знания и иными областями общественнознания и т.д. Так или иначе это, во-первых, познавательные функции (знание, понимание, объяснение политики), во-вторых, обучающие, в-третьих, рекомендательные (указание целей, методов, средств и т.п.), в-четвертых, нормативные, в-пятых, планирующие (политические процессы, изменения, реформы и пр.; участие в них общества и власти), в-шестых, организационные (принятие решений и его процедуры, исполнение решений, описание политических систем, политической жизни общества, формирование институтов, политических движений, изучение и оформление политической деятельности и т.д.), в-седьмых, критические (верификация замыслов, предложений, их проверка, эксперимент) и, в-восьмых, прогностические — как и всякая наука и научная теория, политическая наука обозначает тенденции, закономерности, перспективы политики.

Политическая теория, как и любая другая научная теория, осуществляет предсказательные, прогностические функции, во всяком случае, предвидение составляет ее научный и практический общественный смысл. Разумеется, способность предвидеть и в политической теории определя-

ется глубиной познания предмета исследования и обнаружением закономерных, а следовательно, возможных событий, их ожидания обществом или ведущими политическими силами (творцами политики), что обычно повышает вероятность событий и соответствующих расчетов.

Непосредственно практическая и предсказательная функция политической теории обусловлена и созданием собственной методологии политических дисциплин, которая отличает науку от философии. Если философское исследование свободно обращается к любому фрагменту политической реальности или в истории, даже в будущем, то политическая наука, по определению, ведет систематизированное исследование той или иной предметной сферы, будь то макромасштабный анализ демократии или только исследование механизмов снятия конфликтов в этом режиме. Для решения подобной задачи требуется специальный познавательный инструментарий, и политическая наука использует его применением количественных методов, математического аппарата, моделирования и т.п., изучение политических процессов и образований как систем, взаимодействующих с таким же системным окружением (партийные, избирательные, парламентские, административные, управляющие, управляемые и самоуправляющиеся системы и мн.др.), нередко с экономическими расчетами и обоснованиями (рентабельности) тех или иных политических действий и форм. В центре внимания политической науки — государство, и в этом отношении она продолжает исконную традицию политической мысли от античного мира до наших дней.

Политическую теорию определяют две традиции. Одна восходит к социологии Э.Дюркгейма—М.Вебера. Другая состоит в применении моделирования и тяготеет к прогнозированию, и переходит к разработке типологий⁹.

Применяются и идеи критического рационализма, его методы фальсификации, наряду с опытной проверкой (политическим экспериментом): предварительное теоретичес-

кое допытное исследование политической идеи, испытания истинности теории, проекта, программы с целью подтверждения, одобрения или отклонения (т.е. доказательство их ошибочности) и их опытная проверка. Для этой работы познания принципиально важен двоякий разнонаправленный процесс; накопления (кумуляции) знания фактов, данных разного рода (расчетов, сведений, статистических материалов и пр.), который может служить показателем прогресса науки, и сокращения этого запаса посредством предложенной постпозитивистской методологией в духе критического рационализма процедуры фальсификации и отсева избыточного и ошибочного знания, которая также повышает эффективность науки.

Основные операции политической науки поэтому связаны с классификациями, обобщениями частных и конкретных фактов, формулированием законов, определений, обнаружением тенденций и перспектив. Классификации включают разработку типологий, подобных типологии политических режимов, которую в свое время разработал Аристотель (три «чистых» и три «испорченных» формы правления или его же трехчленной классификации форм власти, видоизмененной впоследствии Монтескье и Вебером).

Политические науки используют сравнительно-сопоставительное исследование (метод дифференциации сходных объектов — ср. Милль Дж. Ст. «Система логики») ¹⁰. Определенная сравнительно-историческая работа совершается при классификации стадий политического развития. Соответствие социально-экономическим стадиям (формациям или эпохам) прослеживается при исследовании политического класса (политических элит). Каждому режиму отвечает его «политическая формула», которую стремится определить политическое исследование: это организованное определенным образом меньшинство, или ограниченное число относительно малых меньшинств, находящихся во взаимной борьбе за правление («железный закон» олигархии Роберта Мичелза). Научное исследование открывает такие законы,

как концепция политической жизни (Дэвид Истон и его оппозиции: запрос — спрос — ответ/отклик власти, которые порождают новые запросы).

Одна из основных познавательных и методологических задач политической науки — осознание ее собственной специфики, ее отличия от политической философии и общественных наук, исследующих их общие политические объекты (например, государство, политические системы, власть и ее институциональные формы и мн.др.). Следующая, смежная задача — точная идентификация ученого со своим предметом, предметной областью, соответствующей методологией и целями, реализация своих специфических возможностей в верно избранном жанре исследования, не смешивая политологию и философию, социологию и др. дисциплины.

Однако самая значительная проблема, основная задача политической науки — соединение двух начал — знания и практики.

Наука, политика и общество XX-XXI вв.

Реализация функций политического знания, а следовательно, и решение его исследовательских и общественных задач должно было бы настолько сблизить науку и политику, что стало бы, наконец, возможна пресловутая «научная политика», к которой так стремились еще не забытые политики недавнего прошлого, что, казалось, уже достигли предела вековых мечтаний лучших политических умов, от Платона, который помышлял о правлении философов, до первых руководителей послереволюционной России, когда к правлению и в самом деле пришли философы. Знание (если не подлинная наука) и политика и в прошлом и в наше время всегда взаимодействовали и были нераздельны: сама политика — это знание, власть — это знание, как и знание — это власть. Рядом с вождем всегда находился жрец, с королем или президентом — ученые и мудрые советники, разделение

властей не случайно объединяло компетентность законодателей, практические знания исполнительной власти и профессиональный контроль судебной. Прогресс отношений политики и науки объединил вокруг политических центров мозговые центры и специализированные советы партий, правительств, государственных учреждений. Усложнение политических задач правления современным государством и межгосударственными отношениями предъявляет к союзу политики и науки постоянно растущие требования и делает их союз все более ответственным.

И все же нет и не может быть тождества науки и политики, как не могут быть тождественны практика и теория. Есть и должно или может быть лишь взаимное понимание, постижение, приближение. Их отношения асимметричны: наука понимает политику, помогает ей и вмешивается в нее, но не занимается политикой. Но мера воздействия ученого на политику ограничена не только и не столько его авторитетом или положением науки в обществе (что немаловажно), но собственным пониманием политиком и науки, и действительности, с которой ему приходится иметь дело, а это понимание небес — предельно и небесспорно, как и умение и желание политика прислушиваться к рекомендациям науки. Политик же, со своей стороны, если не определяет, по праву заказчика, научное исследование и не предопределяет его результаты (что бывает весьма часто), то волен считаться с ними или нет. Выступая как ученый-теоретик, политик перестает быть им, действуя как политик, он теряет связи с наукой. Немногочисленные в истории попытки сочетать обе эти функции в одном лице обычно приводили к весьма драматическим, если не к трагическим результатам. Ленин, несомненно крупный политический ученый и практический политик, как правило, уступал науку политике, когда решал ее практические задачи — отсюда и постоянные смены политического курса послеоктябрьского периода, и исторические просчеты в определении самого его направления (строительство социализма в неподготовленную для этого эпоху

и в неготовой для этого стране и т.п.), поиск решений «на ходу» и многие другие. В то же время ему нетрудно было отвергать протесты его оппонентов — меньшевиков, либералов — в стратегических просчетах: они и в самом деле не мыслили политику как политические практики. Но Ленин по крайней мере сознавал противоречия теории и политики. В этом сочетании политика полностью доминировала, не оставляя места подлинной науке. Есть, однако, не одни, идущие от политики, но и принципиальные, объективные причины, которые не позволяют реализовать идеал полного слияния или хотя бы гармонии научного знания и политики.

Отношения политики и науки определяются и ограничиваются различием их специфических свойств, как и вообще различие практики и теории: непосредственного творения действительности и создания ее относительно верного или желаемого образа, проекта. Это отношение ограничивается уже в пределах самой практики (подобно всякой иной деятельности) вероятностным характером политического процесса, его неопределенностью и многими специфическими началами политики, такими, как вера, миф, иллюзии, вольный или невольный самообман, пристрастия, искусство, азарт, игра. Рациональные и иррациональные, эти ограничения не допускают сколько-нибудь полного совмещения политики и науки, как бы они ни взаимодействовали: у них разные методы, средства, задачи и функции.

И политика, и наука открывают истину, но не одну и ту же, а разные истины одной и той же политической действительности: истины политического действия, борьбы, характеров, страстей, истины момента и истины обобщений принципов, сравнений, систем и структур. Взаимодействие политики и науки и состоит в согласовании этих истин. При этом политика и научная теория не противостоят друг другу как нечто иррациональное — чему-то заведомо рациональному. Оба начала им присущи, но для политики иррациональное специфично в большей мере. Политик, особенно самонадеянный или чуждый научному знанию, всегда испы-

тывает искушение действовать по своему собственному разумению, особенно, если он не любит и не ценит интеллектуалов и уверен, что нашел более мощные и реальные силы, чем наука — единомышленников, партию, массы и свое собственное политическое мастерство или «чутье».

Чем опасны разрывы отношений науки и политики, мы теперь хорошо знаем: в XXI в. профессиональное участие в политической деятельности требует высокой и постоянно возрастающей компетенции (что совсем не снимает и проблемы политического искусства, необходимости и неизбежности интуитивных решений и прочих атрибутов политической техники). Значительные же политические акции революции, реформы, перестройки всякого рода требуют, кроме того, и предварительной разработки соответствующей масштабам и глубине концепций политического изменения. Импровизации бывают вынужденными, это особенность политики, тем не менее они не должны быть совершенно произвольными, иррациональными и несвязанными с учетом их последствий — вспомним правление Н.С.Хрущева, не раз подводившего к опасной черте то сельское хозяйство, то внутренний мир в стране, то ее внешнюю политику. Самый свежий пример такого рода — современная перестройка, начатая без концепции обновления и так и оставшаяся без нее, с безуспешными попытками составить по ходу исторического действия программы развития и фактическими действиями на ощупь, стихийным распадом политических и социальных структур и в ситуации перманентного дискомфорта во всех сферах жизни общества — экономической, национальной, геополитической, культурной, нравственной.

Есть поэтому основание вернуться к проблеме исторического развития и роли политики и науки в ее решении, в частности и в особенности — к их роли в разрешении кризисов этого развития, их совместном участии в их разрешении.

По существу речь идет обо всей послевоенной социально-политической теории Западной Европы и Америки, обо всех концепциях развития, проектах посткапиталистическо-

го общества — теориях модернизации, индустриального и постиндустриального развития¹¹, всевозможных иных, «новых» обществ¹².

Какие из подобных обществ действительно возникнут когда-либо, покажет будущее, но это будет, надо полагать, будущее, приготовленное с помощью науки, вместе с ней и не вопреки ей. Какое будущее ожидает нас — вопрос, на который можно сейчас, пожалуй, ответить только другим вопросом: есть ли наука, которая поможет это будущее создать? Ответ на него, однако, не обязательно должен быть отрицательным. Правда, состояние нашей политической науки пока не обнадеживает. Однако существует гигантский опыт мировой и отечественной общественной и политической мысли, к которому мы только начинаем приблизаться. Может быть, в этом опыте и наше будущее?

* * *

Двойственность отношений политики и науки порождена, как видно, столкновением и взаимодействием двух начал, слитых в сознании человека — отчетливого, познающего, критического и безотчетного, несамокритичного, живущего в сфере непознанного или, другими словами, рационального и иррационального. Сочетание этих двух начал весьма подвижно, граница между ними постоянно перемещается от объективного знания и отчетливого сознания до бессознательного и иллюзорного. И так как эта двойственность в высшей степени присуща политике, остановимся на этом ее качестве несколько подробнее.

РАЗДЕЛ II. ДВА УНИВЕРСАЛЬНЫХ НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Утопия, место и событие, которых нет, утопия, для которой, казалось бы, и в самом деле не осталось места в современном, рационализированном мире, где наука быстро заполняет все еще остающиеся вакантными места, где не иссякает эйфория безграничных возможностей знания, не только не исчезла, не только не изгнана из своих мест, которые она успела занять, но процветает и занимает в мире все новые «места».

Процветает утопия и в политике (что, впрочем, само по себе отнюдь не ново). В чем причины живучести утопии, не оказывается ли она вечной спутницей политики, навязчивой превращенной формой политического сознания или его опорой?

Если читатель знаком с книгой «Бытие политики», он знает, что новый взгляд на природу утопии, обоснованный новым и необычным философским направлением, разработанным Блохом, во многом проясняет и загадки политической утопии.

Э. Блох создал учение об имманентном действительности утопическом начале бытия человека. Онтология утопии Блоха заслуживает обстоятельного анализа — она оказала значительное влияние на современную философию и теорию утопии. Здесь придется ограничиться самыми краткими отсылками к ней.

Блох исследует бытие как процесс становления, непрерывного перехода от одного состояния («мгновения») к другому, как переход к новому, вечно незавершенному и потому непознанному и непережитому и оттого иллюзорному бытию мира¹³.

Современная теория утопии преодолела лапидарное отношение к ней в духе изречения известного чеховского персонажа: «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда»¹⁴.

Исходным моментом новой теории утопии стала конкретизация и дифференциация отдельных ее видов, отделение их от общей им всем социальной матрицы. Тем самым стало возможным перейти от традиционных исследований социальной утопии к утопиям культурным, политическим, идеологическим и другим, чтобы изучать их как самостоятельные явления. Теоретическое и практическое значение открывающейся таким образом области исследования неоспоримо. Опыт К. Маннгейма, стремившегося выявить идеологическую природу утопии, хотя и все той же социальной, представляется важным шагом к анализу ее специфических форм. Он приблизил онтологический анализ утопии к исследованию ее конкретных проявлений. Тем самым открывалась возможность нового понимания конкретности утопического — не только как его укорененности в действительности (у Блоха), но и как реальности отдельных видов деятельности и сознания.

Напомним, что значительные политические и социальные концепции возникали именно как утопические проекты (гражданского общества, правового государства, прав человека, свободы, равенства и др.), т.е. неосуществимые в момент их появления, но отвечавшие вековым тенденциям общественного развития и универсальным идеалам складывающейся цивилизации. С этой их природой и связана современная дифференциация утопического в зависимости от условий и возможностей реализации таких проектов при создании в будущем соответствующих предпосылок.

В структуре созидательного (или разрушительного) действия утопия латентно присутствует как побуждающее конструктивное начало, ориентирующее на свершение, достижение максимально возможного в каждом конкретном случае результата, идеального в своем роде и тем самым

приближенного к универсальному идеалу — от реализации идеальных ценностей, таких, как ценности свободы, права, равенства, постижение истины и т.п., до решения самых прозаических политических задач. Ориентация на максимальные результаты, пусть даже в границах разумно возможного, может оказаться при определенных условиях заведомо неосуществимой, но в том и смысл, как мы знаем, идеализации целей — приближении, хотя бы относительном, частичном, неполном к полным воплощениям.

Утопия тем самым функциональна в двух отношениях: как стимулятор замысла, проекта и его осуществления и как свидетельство его неудачи. Если проект реализуется, отпадают его потенциально возможные утопические превращения, исчезает утопия. Если же этого не происходит, потенциальная утопия обнаруживается, исчезает тогда сам проект.

В такой трактовке целеполагания в нем доминируют не только идеалы конечных целей. Любая частная, промежуточная цель представляется ориентиром вечно движущегося и еще не ставшего реальностью действия, в том числе и политического, которое мы все время имеем в виду. Утопия, скрыто присутствуя в этом движении, соединяет теорию и практику политики.

Понимание конструктивности утопии отличает ее новые трактовки от обычных представлений о привычной всем социальной утопии, но оно еще близко к традиции, поскольку утопическое по-прежнему связывается с предварительным проектированием, а утопическое сознание определяется этим замыслом и стремлением реализовать некое измышленное состояние социального объекта¹⁵.

В том, что такие истоки утопии существуют, сомневаться не приходится. Но есть другая ее форма с иными началами. Эти начала возникают в самом социальном (политическом или ином — культурном и пр.) процессе или политическом действии в результате его неудачного, незавершенного либо ошибочного исполнения, так сказать, внутри процесса, а не до него.

Актуальной и пока еще почти не разработанной остается проблема причин и условий порождения такой утопии, особенно ее общественно значимых конкретных проявлений в политике, экономике, идеологии, науке и культуре. Иными словами, речь идет об исследовании важнейшей, по существу, проблемы эффективности политики и власти, истоков политических заблуждений, неудачных замыслов, просчетов, ошибок и дисфункций власти.

Разумеется, не все непонятное и неосознанное в политике, не любой трудно осуществимый замысел и даже не всякая ложная идея, не всякая ошибка исполнения порождают утопию. Утопия возникает, если ошибочность той или иной установки, политической теории или практики не признается либо осознается без должных выводов, не сразу, не своевременно и не всеми и тем более скрывается от общества и от самих носителей власти. Тогда утопический исход политического процесса предрешен. Хотя вся, в том числе и политическая, целесообразная деятельность человека и общества в принципе результативна, ведет к намеченным целям, не будет преувеличением мнение об утопии как о вечном спутнике жизни: постоянно возможном варианте реальности. Распознавать уже возникшую утопию — это значит констатировать уже свершившийся факт, что, конечно, само по себе весьма важно. Но еще важнее предвидеть возможную утопическую перспективу политического проекта.

Утопические ожидания — это уже ситуация общественного кризиса, когда политика не отвечает запросам общества, ставит его развитие под вопрос и нуждается в радикальной перестройке. Обычно такому кризису (экономическому, социальному, национальному или общему, объединяющему их) предшествует период утопических ожиданий. Какое-то время остается надежда на предотвращение кризиса, сохраняется вера в эффективность политики, которая на деле уже утратила ее, и продолжают поиски альтернатив, действенность которых реально ничем нельзя подтвердить. Разрешение кризиса становится тем самым и освобождением политики от утопических превращений.

К исследованию всех этих процессов могут быть привлечены помимо философии и политической науки и некоторые другие отрасли знания, такие, как теория вероятности, теория информации и пр. Речь, в частности, идет об идее предельных (а не только вероятностных) явлений или иначе о предельности общественных процессов, и прежде всего политических, которые мы рассматриваем.

Пределы возможного в политике

Проблема пределов в принципе вечна, даже если ее совершенно отделить от проблемы отдельности вещи или явления, их границ, формы, пространственно-временной локализации. Напомним некоторые проблемы, связанные с явлением предельности. Это проблемы процессов сознания, деятельности, природных явлений, которым присущи определенные измерения — начало, завершение и специфическая динамика, представленная темпом, ускорением и замедлением, кульминацией и развязкой, а также количественными и качественными изменениями развивающейся системы.

Идея пределов всегда занимала человека. Она принимала форму представлений о размерах доступного пространства (облика мира, пределов страны, политического или иного функционального пространства — идеологического, культурного и т.п.), пределов общественных отношений («свои» и «чужие», господствующие и подчиненные и т.д.), пределов дозволенного (притеснения, терпения, лишений, жестокости), пределов власти, знания и др. Жизнь человека, общества и человечества в целом протекает в пределах, определенных характером эпохи (формации, цивилизации, культуры), уровнем развития общества, производительных сил, общественными отношениями, политическим устройством общества и т.д., вплоть до конкретных пределов существования индивида. Все виды деятельности непосредственно связаны с постоянной борьбой за и против тех или иных пре-

делов. Расширение пределов в процессе созидательного развития — одна из функций жизнедеятельности (продления жизни, рода, расширения связей со средой, увеличения ресурсов и т.д.). С этой функцией сознания предельности связана и вторая: функция ограничения пределов нежелательных, негативных явлений и процессов. С пределами, самим принципом предельности всегда приходится иметь дело в любом процессе целеполагания и не просто считаться с неизбежностью пределов, но использовать свойство предельности в интересах целесообразной деятельности. Лимиты ресурсов, в том числе времени и пространства, — неперемещаемые слагаемые плана, и планирующая деятельность в этом смысле состоит в оптимизации этих лимитов и в их взаимном согласовании. Пределами оперирует и социальная, политическая нормативная деятельность. Нормирование поведения означает установление его пределов и возможность судить об их нарушении.

Идея предела играла и продолжает играть конструктивную роль. Она служит распознаванию истинных, реальных возможностей и перспектив какого-либо процесса, что чрезвычайно важно для социального и политического проектирования и конкретной политической практики.

Идея предела и само его наличие не означают, естественно, предельности в абсолютном смысле понятия — это именно представление о границах возможного и реального как свойств вещи, явления, процесса. Предел ограничивает возникающее и исчезающее, изменяющееся и заменяемое явление (процесс) в рамках данной системы того или иного развития, хотя существуют и пределы системы самого развития. Предел какой-либо конкретной политики, когда он достигнут, кладет ей конец, но не прекращает саму политику как общественное явление. Количественные пределы роста народонаселения не изменяют качества населения и демографического процесса как определенной социальной системы. Пределы в этом смысле фатальны лишь в этих границах, но и в их рамках они могут служить пониманию проблематичности существования человека в его деятельности.

Предельность как мера конечного должна быть осознана, поскольку она не позволяет выйти за границы возможного и допустимого без негативных последствий, возникновения кризисных пограничных ситуаций, и что для нас особенно важно — без иллюзий относительно возможности какой-либо деятельности, в том числе и интересующей нас — политического, теоретического и практического характера. Предел не просто обозначает завершение процесса, границу возможного. Им определяется рубеж, за которым объект, процесс или явление переходит в новое качественное состояние, кризис, после которого развитие продолжается.

Различие функций, повторяемость, возможность кризисной финальной фазы, завершающей или прерывающей предельный процесс, позволяет дифференцировать пределы и разрабатывать некоторую их типологию. Возможно деление пределов на непреодолимые (абсолютные) и преодолимые (относительные). Пределы исторических, материальных или культурных возможностей общества преодолимы в процессе его развития, смены последующих фаз его истории. Границы их тем самым преодолимы в отличие от индивидуальных пределов каждой отдельной фазы общественного или исторического процесса (как, например, и индивидуальной жизни человека — смены детства, молодости, зрелого возраста и самой его жизни). Так существует непреодолимый предел экстенсивного экономического роста. В критической, кризисной фазе такого роста появляются факторы, разрушающие экстенсивный процесс, требующие сокращения совокупных затрат живого и овеществленного труда на единицу продукции, сокращения затрат основного капитала, снижения фондоемкости продукции. Если общество не справляется с переходом к интенсивному типу экономического процесса, то пределы экстенсивного роста становятся непреодолимыми и утрачивают относительный характер.

К непреодолимым пределам можно отнести предел рациональности — невозможность принимать максимально эффективные, безупречные решения и полностью получать желаемые результаты.

Рациональность политической или иной социальной идеи, политического проекта и соответствующего действия призвана сделать их адекватными действительности и тем самым противостоять их утопическим превращениям. Рационализм и в самом деле едва ли не решающее антиутопическое начало теоретической и практической деятельности. Однако сам же рационализм — и в этом состоит подлинная суть его предельности — способен порождать свои собственные утопические начала, собственные превращенные формы. Утопия же, со своей стороны, способна рационализироваться, и не только по форме («научно», логически непротиворечиво разработанному проекту, избранным средствам и методам его исполнения), но и по существу, т.е. выбору социально значимых политических (или других) целей, критике действительности, планам ее преобразования и т.д. Не случайно у Блоха, а затем и в современной теории возникло представление о рациональной утопии, особому виду утопического, к которому прежде всего относятся различные формы конкретной произвольной утопии. Рационализированная процессуально и интенционально, утопия (и не только непреднамеренная) становится трудно отличимой от подлинно рационального проекта. Различение их делается, впрочем, еще более проблематичным, поскольку подлинность рационализма во всех случаях может оказаться под сомнением. Для этого существуют весьма серьезные основания, скрытые в природе рациональной деятельности.

Любая деятельность, имеющая целью получение намеченных результатов, в принципе рациональна, особенно деятельность созидательная. Конструктивная политика в этом смысле тем более рациональна. Однако неизбежно возникает вопрос, что именно считать рациональным и в какой мере, и другой, не менее сложный вопрос: какой тип рациональности и каким образом будет сочетаться с иррациональными и нерациональными началами той же деятельности (действие неучтенных, непредвиденных или вновь возникающих независимых переменных, пресловутых «случайных» событий, субъективных факторов и т.п.).

Возможен и другой вопрос: не окажутся ли более действительными, а потому и более рациональными с точки зрения результата и наличных средств, иррациональные начала политики — харизма, озарение, вдохновение, парадокс, а может быть, и мистификация, махинация, интрига, блеф?

Вряд ли можно решить, возрастает ли при этом опасность просчетов и обманутых ожиданий. Одно лишь следует попутно подчеркнуть со всей определенностью: вольная или невольная утопия в политике несомненно морально окрашена, а применение «запрещенных приемов» делает эту окраску особенно интенсивной. Если мы можем говорить о позитивной и негативной утопии (ориентирующей либо дискредитирующей политику), то соответствующими будут и ее моральные оценки.

Ограничения рациональности неизбежны, они определяются отношением знания, науки, познания истины и системы деятельности, сознания, поведения, которые в принципе не могут стать тождественными: наука и политика имеют разные функции и лишь взаимодействуют, но не замещают друг друга. Неполная рациональность политики оставляет место для ее превращенных форм, а также попыток рационализировать ее нерациональные начала — искусство, мотивные и эмоциональные состояния; стремление выдать желаемое за действительное и пр., которые не только конкурируют с рациональными, но и являются их естественным коррелятом. Отсюда и возможность утопических превращений политического рационализма, иллюзий относительно его полноты и реальных возможностей. За пределами возможного рационализация обратно пропорциональна иррациональным началам, которые она же и порождает.

Возможно также деление пределов на внешние, идущие от окружения, и внутренние, возникающие в самом изменяющемся объекте (личностные, культурные, политические, экономические, питания, энергии, ресурсов, управления, организации и т.п.¹⁶). Таким образом состоялось приближение к пониманию диалектики пределов как взаимодействия

внутрисистемных, эндогенных факторов предельности и внешних, экзогенных воздействий, или, иначе, взаимосвязи объекта со средой, т.е. отношений экологического типа.

Изучение пределов такого рода позволило выяснить механизм предельности любого содержания, экстремальных состояний или точек траектории, в пределах которой процесс данного типа может протекать, приближаясь к норме (оптимуму) или удаляясь от нее, приближаясь к точке или границе перехода от одного состояния объекта к другому или от одного объекта системы — к другому. Такие точки — своего рода грани, на которых и происходят переходы от одного качества к другому, «скачки». Не случайно к пределам ведут количественные изменения. Хорошо известные в естественных науках и в теории познания, классические для математики представления о пределах были заново осмыслены в 70-х годах нашего столетия в связи с исследованиями экологических и, в частности, демографических процессов. Затем была разработана теория пределов общественного развития (или, иначе говоря, в различных общественных процессах), послужившая новым обоснованием предельности жизни, общественных явлений и вещей. Основная мысль этой теории — осознание предельности как меры конечного, поскольку она не позволяет выйти за границы возможного и допустимого без негативных последствий, возникновения кризисных пограничных ситуаций, и что для нас особенно важно — без иллюзий относительно возможностей какой-либо деятельности, тех или иных процессов, в том числе и интересующего нас политического процесса, когда потенциал их исчерпан и они начинают угасать¹⁷.

Любой процесс рано или поздно изменяется под действием совокупности факторов, обозначаемых как «сопротивление системы», или «сопротивление окружения» (по всей видимости, того и другого вместе, т.е. под действием внутренних и внешних по отношению к процессу факторов). Процесс входит, в конце концов, в так называемую зону насыщения, в которой его дальнейший рост (или его качест-

венное и количественное изменение) прекращаются. Наступает предельное состояние, обозначаемое как «несущая способность системы», в которой ее потенциал оказывается исчерпанным.

Один из источников утопических иллюзий — логика и психология искушения надеждой на желаемый исход трудного предприятия, когда все, как кажется, зависит от мобилизации, успех представляется таким близким, что его недопустимо упустить. Еще одно усилие, еще один шаг, одни сутки, один год, час и он обеспечен. Утопия уже сформировалась, но логика вероятных событий не позволяет ни согласиться с ней, признать ее, ни опровергнуть. Возникает своего рода поток утопического сознания, который цепко удерживает и идущего впереди политика и следующих за ним, не позволяет сказать нет, это нереально. Для каждого конкретного общественного процесса, для политического тоже, достижение предела его возможностей, как это уже отмечалось, означает его кризис. Он, однако, разрешается не одним способом (остановкой роста), а тремя альтернативными: прекращением процесса, который исчерпал себя (сменой режима, уходом со сцены политической партии и т.п.), или перерывом, переходом процесса на качественно иной уровень и его последующим продолжением или полной сменой развивающейся системы (политического строя общества, например).

Такой переход может совершаться в результате взаимодействий с другими конечными процессами и объектами, например, во взаимодействии власти с ее общественным окружением при исполнении определенного политического замысла. Исчерпанная в этом взаимодействии конкретная политика и порождает утопическую ситуацию — сигнал о необходимости ее смены. Вхождение политики в критическую пограничную зону означает, что политический процесс утрачивает его рациональный потенциал и возникает либо может возникнуть коррелятивный ему утопический потенциал иллюзий, разочарований, самообмана, несбыточных ожиданий.

Возникновение пределов в политике, впрочем, отнюдь не обезличенный имманентный процесс, как может показаться. Пределы связаны с чувством тревоги, синдромом кризиса, возникающим в обществе, переживающем последствия ограничений, с которыми оно не может справиться. И чаще всего не в состоянии обнаружить их истоки и тем менее — предвидеть их возникновение.

Экологические и общественные кризисы второй половины века, в конце концов, привели к концентрации внимания не на экономике и не на технике либо культуре в качестве базисных факторов, которым вменялось в вину порождение пределов развития, а на политике как основном источнике всех ограничений и кризисов. Воздействие на общественный процесс в целом и на все его составляющие требовало серьезных политических изменений. Общее расширение функционального пространства политики, ее роли критического фактора выживания планетарного сообщества и отдельного государства вели к переоценке ее возможностей и, естественно, к новым требованиям к политической мысли и власти. Политическая власть и будущее стали центральной проблемой общественного процесса. События в Советском Союзе, а затем и в возникших на его месте новых государствах показали, насколько такая оценка политики оказалась справедливой. Вместе с тем с особой остротой проявилась проблема ее возможностей и их утопических оценок. Суть их в том, что при вступлении политики в критическую зону насыщения, когда позитивный потенциал политики исчерпан, выступает или может возобладать ее утопический потенциал — порождение пограничной ситуации.

Новый взгляд на специфические пределы политики

Чтобы определить потенциально уязвимые моменты с точки зрения возможного появления утопических явлений в политическом процессе, рассмотрим его простейшую схе-

му. Утопические aberrации возникают уже на начальном этапе формирования политики, когда выявляются интересы активных участников будущего проекта, определяются позиции политической общности (общественного окружения правящих институтов) и организуются органы власти, готовящиеся к осуществлению проекта (правительство, партии, общественные движения и другие политические силы).

Существует целая система неполитических, внешних по отношению к политике предварительных условий, определяющих осуществление ее проектов, каждое из которых может и способствовать и мешать их успешному осуществлению. Таково наличие необходимых материальных ресурсов, источников и средств коммуникаций и т.п., соответствующих политическому замыслу настроений Общества, легитимности власти, понимания обществом его собственных задач, способность общества понимать себя, свое прошлое и перспективы своего развития, объективно и без предрассудков критически относиться к себе и к своему руководству, его лидерам и мн.др. Немалую роль в числе подобных условий играет образ страны, ее международный престиж, ее внешнеполитические отношения, участие в международных организациях и процессах и т.д. Нетрудно представить себе, сколько просчетов, недочетов и иллюзий таится в этом хорошо известном комплексе условий осуществления политики. Они, впрочем, могут и вообще быть в целом неблагоприятными. Истинно квалифицированная политика — это не искусство возможного, как обычно (и по-видимому в шутку) считают, а искусство невозможного, т.е. умение добиваться необходимых целей в неблагоприятных условиях. Поэтому в политике и возникает столько проблем, заблуждений и иллюзий.

Не менее сложными и чреватými утопическими aberrациями оказываются условия формирования и функционирования политической власти, которые можно назвать внутренними факторами политики. К ним можно отнести доступ к истокам власти (выражение взглядов, доступное

политическое образование, открытые демократические и профессиональные, а не клановые, кровнородственные или земляческие возможности продвижения и др.), понимание принципиальных целей политики, отношение к составу властвующих элит, кадров управления и вообще политического класса страны (т.е. людей, вовлеченных в активное профессиональное занятие политикой), стоимость правления (в % к ВВП), число работников управления, стоимость политических проектов и мн.др. На некоторых особенно важных и бесспорно ограниченных пределах факторов подобного рода стоит, как видно, остановиться несколько подробнее — они нередко обсуждаются и в специальной литературе.

К таким факторам относятся организационные условия политики и соответствующие организационные пределы, а также пределы государства. Проблемами рационального управления и его эффективной организации занимаются, как известно, специальные теории управления и организации. У теоретиков управления не случайно возникает лишь отчасти шуточный вопрос: управляема ли сама власть? Все большее внимание уделяется проблеме концентрации и централизации власти и расширению объемов, а также усложнению функций государства и способности общества управлять собственным государственным аппаратом. Сложность внутреннего устройства и внешнего окружения оказывается жестким ограничением способности любой обширной политической организации функционировать достаточно эффективно. Пределы эффективности власти в этом случае — следствие специфических проблем функционирования обширных и сложных общественных систем и управления ими.

Наиболее глубокие истоки пределов государства кроются в зоне, разделяющей необходимое и допустимое участие государственной власти в жизни общества (оно определяется организационными и регулятивно-контрольными функциями политики) и нежелательным, а тем более недопустимым и во всяком случае нерациональным вмешательством государства в неполитические сферы жизни общества, ги-

перцентрализации и концентрации власти. Опыт тоталитарного правления свидетельствует об этом достаточно красноречиво, об его пределах и кризисе мы уже достаточно много знаем. Но и анализ «технических» аспектов проблемы организационных ограничений раскрывает ряд реальных проблем, которые немало тревожат прогрессивные силы общества и от которых не свободны и самые либеральные и демократические политические режимы.

Дело в том, что пирамидальная структура организации власти (центральной государственной в особенности) ограничивает ее рост и требует иерархически организованного контроля, в том числе и контроля ее структуры и объемов. Рост такой организации отнюдь не обязательно благотворен, хотя и продиктован расширением функций политики и власти в современном обществе. Расширение объемов управляющей системы государства может создать лишь иллюзию большей функциональности власти: утопию совершенного правления. Однако считается, что пирамидально сформированная организация порождает некомпетентность, низкую нравственность, наносящую ущерб ее эффективности¹⁸. Организация такого строения имеет тенденцию замыкаться в самой себе по отношению к окружению и в результате становится неспособной «обучаться». Ее работники управляются методами руководства «сверху», принуждения и иерархического контроля, которое оставляет мало места для индивидуальной инициативы. Результатом самоизоляции такой организации становится расшатывание ее объективных положительных характеристик и в особенности ее способности обновляться.

Пределы жизнеспособности подобной политической организации и кризис, который ими вызван, становятся еще более ощутимыми при попытках справиться с ситуацией с помощью структурных преобразований, умножения бюрократических учреждений, того типичного явления беспорядочного разрастания, которое получило наименование «инкрементализма» (от лат. *incrementum* или англ. *increment*).

«Инкрементализм» допускает лишь незначительные изменения вместо действительного развития и потому порождает в руководстве и в обществе состояние постоянной озабоченности нерешенными проблемами и одновременно — иллюзии их решения структурными перестановками. Инкрементальное правление не предвидит проблем, чаще всего оно реагирует на них с опозданием, лишь когда они обостряются. Такое правление — консервативная сила, неспособная направлять движение общества¹⁹.

Предельность инкрементальных структур сочетается с другими функциональными ограничениями власти, в частности с пределами ее политической памяти, обусловленными теми же структурными причинами, но также и многими другими, в частности культурно-историческими: сложившимися в обществе навыками управления, его политической культурой, устойчивыми ценностями — факторами, которые и сами по себе предельны. Информационные нагрузки в современной политике достаточно велики и имеют тенденцию постоянно возрастать и превышать возможности политика и политических учреждений воспринимать и перерабатывать информацию, в частности отсеивать излишнюю и отбирать из нужной — необходимую. За пределами допустимого обнаруживаются несколько видов памяти, которые прямо ведут к утопическим представлениям о действительности и политике.

Основной дефект политической памяти — ее ослабление: не только способности воспринимать и накапливать информацию, но и координировать ее. Первый вид политических ошибок и связанных с ними иллюзий возникает, когда информация, поступающая от собственной (внутренней) памяти власти (управляющей системы), т.е. унаследованная информационная память, тормозит усвоение новых данных. Другой тип ослабления памяти обратен первому: память о прошлом ослаблена настолько, что сигналы извне доминируют в ней. В результате власть теряется между прошлым и настоящим. Это следствие ее повышенной реактивности

(случай бурного, мало или плохо продуманного реформаторства). Наконец, возможна столь малая информационная емкость политической памяти власти, что и прошлая и новая информация оказывается для нее избыточной.

Следствия дисфункций памяти в сочетании со структурными диспропорциями управляющей системы многообразны: плохая способность к частичной или полной перегруппировке внутренних структур власти, ее слабость, т.е. неспособность политической системы преодолевать идущие от окружения препятствия и возникающие колебания в их оценке, вырождение управляющих способностей власти, которое начинается, когда организационная структура функционирует безотносительно к ее общественным задачам, выполнению первоначальных политических замыслов, ради чего она и создается. Утрата управляющей способности власти возникает также, когда компоненты управляющей системы становятся столь массивными (о чем уже шла речь выше), что делаются неповоротливыми или попросту неспособными изменяться в новых условиях, либо число компонентов такой системы становится столь значительным, что требует новой, более разработанной и еще более сложной структуры и схемы ее внутренних и внешних коммуникаций, чтобы обеспечить ориентацию всех их к общей цели. Характерное следствие структурных и коммуникативных дисфункций власти — закономерное в подобных случаях ослабление ее способности адаптироваться к изменяющимся ситуациям (характерное поведение деградирующих или несложившихся политических структур в предельной кризисной фазе их эволюции) — факт, который властвующие силы, естественно, склонны скрывать. Подобная управляющая система не способна эволюционировать, встреча с опасностью поглощает ее энергию и тем самым лишает ее способности изменяться, маневрировать и реагировать на эту опасность (вспомним трудные последние годы политической власти бывшего Советского Союза). Отсюда же и ослабление реакции на кризисы, неумение опережать события и предви-

деть их, опоздание решений и нарушение пределов допустимого соперничества аппаратов власти и внутри них и особенно — между ветвями разделенной центральной государственной власти²⁰.

Сталкивается ли какая-либо инстанция власти с подобными ограничениями или нет, справляется ли она с ними либо оказывается под их воздействием, так или иначе в начале любого конкретного политического процесса она решает проблему определения его целей принятием соответствующих решений. И с этого момента начинаются новые, процессуальные сложности и ограничения, а за ними — возможные, а нередко и неизбежные утопические оценки функционирования власти.

При расчете политического действия или процесса, прежде всего, возникает необходимость учета зависимых и независимых переменных, или, иначе говоря, факторов, которые должны быть учтены при принятии решений. Число таких переменных определяется пределами возможности их выявить и, что не менее важно, реагировать на них. Всегда остаются вне поля зрения авторов политического замысла какие-либо неизвестные или неучтенные, но важные, может быть даже решающие факторы, а также переменные характеристики власти и ее социального окружения либо постоянные (культурно-исторические особенности страны, менталитет общества, геополитические условия, в которых существует государство, тип государственности и мн.др.), на которые субъекты власти обязаны реагировать. Наконец, число собранных для анализа данных может оказаться чрезмерным, а сами они — неравноценными. Поэтому естественно возникает задача их сокращения и отбора из их числа наиболее существенных, что уже чревато возникновением иллюзорной уверенности в безошибочности этой операции. Один из источников таких иллюзий — и их последующего превращения в утопию надежного решения — дальнейшая редукция уже отобранных многих переменных к некоторому числу основных и сами пределы этой редукции, а также

ее мотивы. Определить пределы допустимого упрощения в этом редуктивном процессе сложно и рискованно, а выйти за них — вполне возможно, и искушение политика поступить именно так — весьма распространенная политическая ошибка (известная как дилемма «Гордиева узла»). Она состоит, в частности, в превращении сложного общественного процесса в одну из его составляющих (политическую, экономическую, идеологическую или другую) и в технологическом решении системной общественной или политической задачи, например в сведении процесса экономических реформ к преобразованию финансовой системы и сведению ее самой — к реформе ценовой политики, а этой последней, пресловутой «монетаристской» политики, — к политике, как мы уже знаем, по существу меркантилистской (с поисками любых источников пополнения казны) — весьма распространенными в древней политической и экономической истории различных стран.

Поскольку политическое решение нередко принимается в условиях неопределенности выбора из нескольких возможных (откуда и вполне объяснимое стремление сократить их число), решение и выбор концептуально связаны друг с другом. Стремление упростить выбор, а по возможности вообще снять его альтернативность, чревато еще одной утопической абберацией. Дело в том, что решение немислимо без альтернатив²¹. Если их нет, речь может идти о действиях по инерции (нормативных), о действиях по принуждению либо просто подражательных, т.е. о псевдорешениях, иначе говоря, об иллюзии выбора решения, а следовательно, и об иллюзии эффективного правления. Так как решение предполагает ответственность за него и за его исполнение, может возникнуть и ложное представление об ответственном правлении.

Динамика альтернатив и выбора решений естественно приходит в столкновение со статикой безальтернативной и безответственной политики. Боязнь ответственности и нежелание принимать решения сами по себе — сильные утопические факторы, порождающие надежды на то, что все

как-то образуется само собой, т.е. расчеты на бездеятельность. Отсюда и хорошо известные и весьма распространенные в политике приемы уклонения от решений. Стресс от необходимости сделать выбор и принять решение приводит к неприятию самой этой необходимости: отсрочки решений, в частности, посредством назначения специальных комитетов и комиссий, которые в принципе должны облегчить выбор и ускорить принятие решения, на деле же могут задерживать и вообще саботировать его: у руководителя формируется и собственная идеология уклонения от решений — затяжки, придирки к деталям, согласования, оглядки на коллег, перекладывания решений на других лиц и т.п.

Решение продолжается в его исполнении, исполнение же подразумевает последующее решение, за которым следует новое звено решения-исполнения. Образуется непрерывная цепь подобных звеньев со всем присущим им (по аналогии с концепцией Блоха) утопическим потенциалом. На всех этапах политического процесса проверка решения его исполнением позволяет определить, осталось ли исходное решение адекватным изменяющимся условиям исполнения. Утопически уязвимых моментов в этой единой цепи политики оказывается более чем достаточно.

Последовательность в цепи решений может и не быть нарушена, но усложнение политического проекта по мере его осуществления (умножение решений и необходимость их координации) так или иначе ведет к значительному изменению первоначального замысла, как, видимо, и намеченного им результата. Изменяется тем самым и весь проект. Завершится он успешно или нет, остается вопросом до самого последнего момента исполнения. Отсюда и незамеченные промахи, иллюзорные ожидания и неоправданные расчеты, которые ведут к утопической дискредитации начатого проекта и других, последующих, связанных с ним. Утопия оказывается пресмственным побочным эффектом совокупной политической деятельности значительных масштабов (например, целого периода революций, реформ, перестроек и просто рядовой политической деятельности).

Выбор и решение — это не только рациональный, но и эмоциональный акт, усилие воли, как и всякое проявление власти. Попытки гарантировать выбор и исполнение волевым усилием власти и общества призвано, кроме политического успеха, оградить политику и от утопических заблуждений. При этом, однако, возможны все хорошо известные опасности максимализма. Мобилизация усилий при решении политических задач естественна и необходима, но она может переродиться в разновидность радикализма — волюнтаризм, иллюзию абсолютных решений и стремление осуществить их, во что бы то ни стало напряжением политической воли, иначе говоря, ценой разрыва с рационализмом. Решение связано с риском, выходом в область иррационального. Связанное с этим выходом чувство неуверенности и страха вполне объяснимо. Но волюнтаризм — лишь кажущееся эффективным средство преодолеть боязнь риска, способное, как известно, перерасти в авантюризм (еще одну разновидность максимализма и радикализма). Авантюризм еще более повышает уровень риска в политике и вероятность ее утопических оценок (утаивая опасность рискованных решений и операций, неоправданных расчетов и жертв и т.д.). Не забудем, что и социальная утопия — волюнтаристское начинание.

Можно было бы предположить, что антиутопической терапии политики может служить ее нормирование, ограничение правилами, традициями, законами и т.п. Но и этот расчет может оказаться иллюзорным. Нормы фиксируют прошлые состояния. Поэтому нормы и нормирование могут вести к ретроспективной утопии в политике, которая живет настоящим и устремлена в будущее, но на деле определяется нормами прошлого. Тогда введение инноваций, т.е. подлинно активная политика приходит в столкновение с нормированием, которое порождает сомнения в эффективности норм и их способности останавливать волюнтаризм и авантюризм на грани их утопических превращений и более того — обнаруживать их утопические начала.

Здесь у нас нет возможности остановиться на особой форме авантюризма — заведомо криминальной политике, рассчитанной на сознательное порождение иллюзий, обман и мистификацию: фальсификацию политических процессов, выборов, образа («имиджа») политиков, кандидатов в лидеры и состоявшихся руководителей, манипуляцию общественным мнением, политическим сознанием и поведением. Отдельные акции подобного рода, явно порождающие ложные представления о политике, непременно сливаются в одну целостную утопию вымышленного политического мира, в котором один из краеугольных камней легитимной политики (а кто сегодня откажется от ее легитимности и еще к тому же демократической?) — массовое участие в политическом процессе — превращается в фикцию. Можно было бы остановиться и на утопических функциях «криптоправления» (тайного правления)²² скрытой власти легальных учреждений и тем более засекреченных, а порой и противоправных, делающих утопическим ответ на один из главных вопросов политики: кто правит? И еще один вопрос — как правит? — поскольку появление утопии определяется и умением править страной, а не только политическими социальными или идеологическими позициями власти и даже не одними имманентными свойствами политики. Но так как они объективны для любой власти, к ним есть смысл еще раз обратиться.

Утопия и техника власти

Информация, о которой уже говорилось выше, необходима не только власти, как информация об обществе, но и обществу о действиях власти и о нем самом. Только при этом условии политика, тем более демократическая политика, действительно становится информационным процессом и процессом без взаимных иллюзий. Свободная циркуляция информации об обществе и политике — одно из условий со-

здания благоприятной социальной среды политического действия, источник осознанного, а не манипулятивного участия в политическом процессе устойчивых и позитивных по качеству состояний коллективного сознания и сокращения, если не исключения его подсознательных превращенных форм (предрассудков, слухов, мифов и т.п.).

Однако и самая естественная функция политики — управление сознанием и поведением — легко может перерасти в манипулирование, особенно в тех случаях, когда управление по каким-либо причинам не может быть достаточно рационализировано (решение особенно сложной задачи, не совсем ясной и самой власти, возникновение противоречивой и спорной ситуации, неясность альтернатив, раскол общества, низкий уровень общественного самосознания и т.п. обстоятельств), манипулирование становится неизбежным, но только в пределах, в которых оно не утрачивает свой рациональный смысл (если оно вообще его имеет) и не становится источником утопического сознания. Не случайна поэтому роль лозунгов, штампов, родовых культурных стереотипов (идей неповторимости, самобытности и пр.). Манипулирование предполагает определенную степень доверия общества и по существу стимулируется его доверием. За пределами допустимого доверия, однако, легко переходит в веру, которая так же, как и доверие, составляет мощный иррациональный резерв политики, но и образует при этом не менее значительный потенциал утопических представлений о ней. Что этот потенциал не только вредит политике, но и охотно используется властью, не приходится и говорить. Утопия нередко эксплуатируется властью. Имманентность утопического начала политики объективно предопределяет эту его функциональную роль.

Техника власти ныне включает технические средства коммуникации. Техника же сама по своей природе манипулятивна. Помимо технических манипуляций, связанных с управлением ею, с кодированием, передачей и преобразованием информации в аудио- или видеозапись, ее воспроиз-

ведение, тиражирование, техника деперсонализирует отношения, связь и управление на расстоянии, заменяет контакты между людьми контактами между человеком и техническими устройствами. Вытеснение человека из сферы принятия решений, их передачи радикально изменяет способ политического общения, служащего началом власти и политических отношений. К общему процессу усложнения управляющих систем, средств и методов управления добавляются, таким образом, и сложности его технизации. Политический процесс совершенствуется средствами современной техники, но опять-таки до пределов, за которыми его деперсонализация порождает взаимное отчуждение общества и власти и их превратные представления друг о друге. Без техники невозможно характерное для современной политики удлинение «шага управления» (дальнодействия политики), его глубины, учет его отдаленных и непосредственных последствий, вовлечение в управление больших масс людей, умножение и усложнение политических институтов. Но вместе с положительными результатами все это оснащение политики, переходя пределы посильного и необходимого, способно и отдалить его рациональные начала от конечных результатов, которые могут оказаться за пределами рациональности.

Использование современных технических средств служит решению задачи управления, преследующего общезначимые позитивные цели — переводу управляемой системы в более высокое упорядоченное состояние. Эта же задача решается и посредством нормирования политического процесса (при условии, что оно не окажет на него тормозящего действия, о чем уже говорилось). Поскольку объект политического регулирования — сознательная волевая деятельность людей, управление ими должно в принципе включать и стремление предотвратить или преодолеть нерациональные представления о политике и их собственном поведении. Это тем более важно, если правящая система и в самом деле придерживается принципа антиутопического управления: ни

одна сложная система не может быть управляема только посредством предписываемых извне правил. Сочетание регулирования и саморегулирования позволяет, как известно, объединить объективные и субъективные аспекты политической жизни общества. Ее нормы будут эффективны в этом сочетании (как идущие от управления, так и развивающиеся в его социальном объекте), если она адекватна реальным политическим отношениям и подлинно общественным целям политики. Однако нормы управления и самоуправления могут не совпадать и порождать не идентичные реакции в обеих этих системах. Нормативность, как легко можно понять, весьма деликатный инструмент политики. Известны проблемы «государственного формализма», источника бюрократического отношения к политике, ее средствам и целям, мифологизации управления, когда средство власти превращается в самоцель, цель — в средство, ибо и норма — средство политики²³. Тогда и возникает утопия средств и целей, охватывающая и власть и управляемое ею общество. Возникает взаимное заблуждение относительно целей и средств, основанное на нежелании власти открывать обществу их истинное содержание и соотношение, а также ложное представление о поведении власти в обществе, которое либо перестает воспринимать предписания «сверху», либо переходит к самоорганизации, тоже отнюдь не гарантированной от утопических начинаний, расчетов и ожиданий.

Пределы техники власти — лишь один из аспектов более общих пределов государства. Обычно их понимают как пределы государственного вмешательства в экономику и реже — в жизнь общества и частную жизнь человека. Эти две последние сферы остаются предметом конфронтации, но главный ее объект — экономика. Усиление роли государственной власти в современном обществе порождает многочисленные иллюзии относительно ее всемогущества — либеральные, технократические, тоталитарные: веру в способность государства рационально управлять под руководством прогрессивных и просвещенных специалистов либо сильных

и мудрых деятельных лидеров, правящих партий, способных предотвращать или смягчать кризисы, владеть экономической и социальной ситуацией, безошибочно направлять внутреннюю и внешнюю политику. «Вмешательство» стало во второй половине нашего века осевой идеологией неолиберальных концепций и теорий общественного развития, создания индустриального и постиндустриального общества, «экономики могущества» и процветания. Кейнс, Гэлбрейт и целая плеяда теоретиков развития стимулировали представления о благотворности пресловутого вмешательства (то есть вмешательства государства) и его обширных возможностях. А.Лефевр уже предлагал понятие «этактического способа производства»²⁴. Какой бы значительной, однако, ни была роль государства в экономической жизни общества, расчеты на нее (не без влияния опыта советского этатизма) оказались преувеличенными, а в государствах тоталитарного типа — не просто утопическими, но и катастрофическими. Не случайно поэтому откатная волна в большинстве современных стран под лозунгами «разгосударствления» («слишком много государства») в последнее десятилетие.

Однако существуют еще более значительные, исторических масштабов пределы государства. Они возникают при нарушении баланса сил власти и общества — постоянной проблемы политики. Сильная власть в слабо развитом обществе (в экономическом, социальном, культурном и культурно-политическом, нравственном отношениях, т.е. в гоббсианском «естественном состоянии») либо подавленном, тем же государством порождает иллюзии благодетельности государственного правления, т.е. расчеты на преобразующую роль патерналистской или авторитарной либо тоталитарной государственности. Благотворная созидательная роль государства оказывается в полной мере только при равенстве социальных партнеров — развитого («сильного» и суверенного) общества и такого же развитого («сильного») государства. Не государство, как известно, создает общество (хотя и участвует в его создании), а общество — государство. Поэто-

му особенно серьезное утопическое заблуждение — расчет на создание государственными средствами гражданского общества, «внедрение» (как говорили еще недавно) специфической государственной идеологии и нравственности. Это типичная утопия благого правления, надежда на доброго самодержца, мудрого вождя, всевластную партию. Власть участвует в социальном процессе, может направлять его и контролировать, но не определять. Утопия тоталитаризма XX в. как раз и состояла в претензии на переустройство общества политическими средствами.

Существуют пределы государственных функций, которые определяются границами допустимого воздействия политики на другие (неполитические) общественные системы, за которыми оно становится разрушительным (границы политизации). Границы эти подвижны и в каждую эпоху для той или иной страны определяются конкретно, как и ложные представления о них. Их можно здесь только назвать.

Это пределы отношений человека и власти, разделяющие гражданина, связанного с государством отношениями долга, права, ответственности, обязательств и подчинения, и индивида, обладающего инициативой и независимостью и свободного от повиновения государству и коллективности. Это трудноуловимая граница, разделяющая политическое пространство государства и общества, на рубеже которой и формируются гражданские отношения. Это также граница между властью правящего меньшинства, способного стать деспотическим, и управляемого большинства, с его возможной «тиранией», которой всегда и справедливо опасались теоретики либерализма и демократии — и Б.Констан, и Дж.Ст. Милль, и А.де Токвиль и даже их отдаленный предшественник Марсилиус Падуанский. Это в целом граница между реальной властью с ее рациональными функциями и ее измышленным представлением об этих функциях и возможностях государства их осуществлять, не причиняя вреда стране и обществу. Это еще и ускользающее от сознания раз-

деление частного, публичного (общественного) и государственного пространства или их объединения на условиях, которые всегда спорны и мн.др.

Наполнена утопическими оценками, ожиданиями и расчетами вся процедура легитимации политики и власти, — их официального оправдания и общественного признания²⁵. Примечательно в этом отношении добровольное согласие общества на частичную легитимность политики, полупризнание власти (наиболее распространенный вид легитимации), попросту говоря, согласие на заведомо неполное и неточное, а следовательно, и чреватое иллюзиями о них.

Особенно уязвима моральная оценка политики, всегда тающая навязанные или добровольные заблуждения. Насколько иллюзорными могут быть эти оценки, свидетельствуют прямо противоположные суждения о нравственности политического действия и его творцов, предложенные ими самими и их общественным окружением, а также моральная переоценка политических событий и лидеров «постфактум», по прошествии времени и с изменением обстоятельств и взглядов на прошлое. Нравственность политики в принципе не должна знать пределов, но реально политическая нравственность и способность общества и отдельного человека оценивать ее нередко сужаются до самых незначительных пределов, лишь намечающих различия добра и зла в противоречиях политики. Нетрудно представить себе, сколько заблуждений и иллюзий порождают такого рода оценки отношений власти и общества.

Эти отношения определяются и самим обществом, границами его представлений о политике, участия в ней и ее понимания. Масштабы и содержание этой зоны политического сознания в свою очередь определяются способностью общества к самопониманию, непредвзятому отношению к своему прошлому, настоящему, задачам и перспективам будущего. Сама эта способность тоже подлежит трезвой оценке. Во многих обществах и в критических ситуациях их истории она может быть весьма ограниченной. Поэтому зона коллективного и индивидуального самопознания особенно

утопически уязвима. В ней и возникают исторические, политические, национальные предрассудки, иллюзии самообольщения, предрассудки всякого рода, а в периоды кризисов и пароксизмы неумеренного самобичевания.

Итак, политика может не все. Просчеты и ошибки естественны для нее, как и для любой другой сферы деятельности. Но ко всему еще они отягчены утопическими искушениями не замечать их, не признавать и не исправлять в надежде на благоприятный исход начатого дела. В утопии соединено все, что возможно и постоянно в политике — кропотливый расчет, миф, безотчетная вера и пассивное ожидание, надежда и сознание обреченности. Присутствие утопии не означает, что ей невозможно или не следует противостоять. Анализ ее показывает, в какие моменты политики и как это следует делать. Противостоять ей — одна из задач демократического политического процесса. Успешно решать ее способны именно развитое, активное демократическое общество, критически относящееся к самому себе, и просвещенная его политическая элита, владеющая знанием природы утопии.

Политика, наука и утопия в конкретном политическом процессе

Мы обращаемся в этой работе к трем извечным явлениям жизни человека и общества, наделенным важнейшими социальными функциями: политике, организующей и контролирующей общество, науке, дающей необходимое для этого знание, и к утопии — особому иллюзорному представлению о действительности или о будущем, которое несовместимо с научным знанием и способно увести политику в сторону от подлинного решения ее задач.

Подобное исходное представление об этих трех феноменах наводит на мысль о простом историческом процессе последовательного овладения политикой, знанием об обще-

стве и его материальном и культурном окружении, о процессе общественного развития и об изгнании утопического начала из политического сознания и политической практики. В действительности же, как известно, отношения между политикой, наукой и утопией — ложным знанием — складываются несравненно сложнее, ибо отнюдь не однозначны их характеристики и общественные функции, о чем уже говорилось выше. Политика, как мы уже подчеркивали, отнюдь не сводится к точной реализации разработанных наукой решений, открытых ею законов. Она не равнозначна науке, политика — это и искусство, и проявление воли, это мировоззрение и идеология, столкновение мнений и сфера субъективных взглядов, настроений, намерений, область множества непознанных, неизвестных факторов, определяющих развитие общества, которые остаются вне знания, открытого для политики наукой.

Кроме того, не всецельна и наука, познающая социальную действительность, особенно наука, которая прислуживает политике, а не взаимодействует с ней. Наша страна располагает относительно развитой системой общественных наук, в определенной мере и квалифицированными кадрами, но ни философия, ни политическая экономия, ни юриспруденция или другие отрасли общественнознания не смогли, как уже выше говорилось, предотвратить политический кризис наших дней, отличительной чертой которого как раз и является обилие утопических построений в политике. Но не одна наука тому виной. Политика, которая прислушивается к ней лишь в меру того, что желает от нее услышать, не может плодотворно перевоплощать научное знание в политическое действие.

Сравнительно нетрудно выявить утопические начала в политике, когда они вообще возникают вопреки всякой науке (подлинной и отвечающей за свои выводы), и политикой движут пожелания ее творцов, мечты, стремление опередить события, а иногда и стремление представить их совсем не такими, каковы они на самом деле. Достаточно

вспомнить концепцию зрелого социализма — идею 60-х годов — утверждение о построении основ коммунизма к 80-му году в нашей стране, модель командно-приказного метода политического и экономического и всякого иного руководства и мн.др.

Известны и непреднамеренные, объективные и субъективные трудности, которые могут мешать соединению политики и науки: это и разная степень компетентности политика и ученого, противоречия теоретического и практического сознания, различные формы и разная степень их социальной ответственности (наука предлагает теорию того или иного политического процесса, но практические решения—дело политики). Нетрудно представить себе, насколько вероятны иллюзии в политике, какие благоприятные возможности могут возникнуть в политическом сознании общества для проникновения в него утопического понимания особенностей, целей и перспектив политики. Эта ситуация усугубляется еще и тем, что отнюдь неоднозначна и сама утопия. Одной из утопий оказалось само предположение, что развитие науки, безусловно, вытесняет из политической жизни утопическое сознание и иллюзорные построения. Развитие науки, как оказалось, не только не привело до сей поры к изживанию утопических явлений в политической сфере, но и само породило новые, более скрытые и трудно различимые виды утопического сознания в области политических отношений. Одна из причин тому — разнообразие собственных форм и ориентаций самой утопии, уровней сознания, на которых она возникает.

Разумеется, не все непонятное или неосознанное в политике и не всякая ложная идея порождают утопию. Утопия возникает, если ошибочность той или иной установки, политической линии, теории или практики не сознается или осознается без должных выводов. Если, например, экономическая политика оторвана от социальной и предпринимаются половинчатые реформы, как это не раз бывало во времена застоя (реформы 1964 г. и другие), то утопический

исход таких решений предрешен. Официальная вера в перемены особенно способствует закреплению иллюзий и непониманию утопической ситуации.

Утопическое начало может возникнуть и в более развитой теоретической и практической деятельности человека, включая и само научное познание мира. Диалектика реально возможного и лишь кажущегося возможным, но желательного присуща в высшей степени и политической деятельности.

Утопия — это особая реальность интимных, личных и общественных сторон жизни человека, как ни парадоксально это звучит. Это реальность, которую человек преодолевает и которая одновременно сама стимулирует его преодолевать ее и идти к действительности. Утопия в политике — лишь одно из проявлений этого ее общего смысла. Она возможна, как я уже отмечал, и в культуре, и в экономике, и в других видах общественной практики и предметной деятельности. Политика же интересует нас здесь как область особо значимой общественной деятельности, определяющей другие ее сферы, деятельность человека и жизнь общества. И так как политика аккумулирует не только позитивные решения и их результаты в этих сферах, но решения и иллюзорные, неразрешимые в данный момент и чреватые утопическими представлениями об их реальности, всеобъемлющий характер этих двух начал — политики и утопии (как и науки) — делает исследование их взаимодействия особенно актуальным.

Утопия в политике в принципе социальна. Социальность политической утопии весьма многозначна. Она может возникать при реализации значительных исторических замыслов, при этом она сливается с социальной утопией в общепринятом понимании этого явления, т.е. с теорией и практикой создания нового общества, «иной» цивилизации, новой культуры, обновленного политического порядка. Поскольку политика служит средством реализации социального проекта, она воспринимает и его специфические черты, идеальные побуждения и ожидания, которые ей предстоит реализовать и освободить от утопических иллюзий, если они возникают.

Не всегда просто распознать, где кончаются реальные границы политики и начинается утопия, тем более предугадать утопический исход политических решений и действий. Одна из самых известных реакционных социальных утопий нашего времени — проект создания гитлеровского «нового порядка», новой грандиозной империи — стал на время политическим проектом, в осуществление которого поверили значительные социальные силы. Политические утопии на такой широкой основе — нередкое в истории, хотя и исключительное по масштабам явление. Рядовые политические проекты, «нормальные» политические процессы определяют эффективность политической власти, политических режимов, структур, конкретных политических замыслов. В их реализации непосредственно участвует наука. Актуальность, конкретность, определенная степень научности таких процессов изгоняют из политики утопические начала, которые се разрушают. Именно такие процессы преобладают в политике, и потому чрезвычайно важно знать, как возникают именно в них, незаметно и произвольно, утопические решения и результаты, в конечном счете влияющие на совокупность политической жизни данного общества и на весь его политический облик. Но чтобы разобраться в такого рода «нормальной» политике, мы остановимся на некоторых аспектах современной теории утопии, тем более что в отличие от исследований классической социальной утопии прошлого, особенно социалистической, общая теория утопии как особого явления теоретического сознания, специфического общественного феномена у нас еще мало разработана.

* * *

Развитие общества включает и процесс политического развития, совершенствования политической теории, накопления политических знаний, обновления методов политического анализа и принятия политических решений. В на-

ши дни политическая власть, государственная власть в особенности, располагает многими новыми возможностями рационализировать политический процесс, использовать знание о природе и обществе, труд научных учреждений, опыт экспертов, обширный поток всевозможной информации — все, что позволяет обосновать политическую стратегию и исключить из политической практики значительную часть просчетов и случайностей, которых прежде не могло избежать конкретное политическое действие. Так, по крайней мере, могли бы формироваться политика и политическая теория, если бы политику можно было рационализировать в той же мере, что и науку, и если бы рациональности научного познания отвечала столь же развитая политическая рациональность. Однако между этими двумя типами рациональности не существует прямой зависимости. Более того, они столь существенно различаются, что сам процесс рационализации политики, политического знания и теории и в наши дни в высокой степени подвержен влиянию утопического сознания. Поэтому не случайно политика, которую принято считать реалистической, может при определенных условиях нести в себе утопическое начало, что и вынуждает ставить вопрос об ее эффективности и об ее общественной роли. И эта проблема вечна, как и сама политика. Политика была и остается предметом пристального общественного внимания, объектом нередко острых дискуссий, и выбор ее правильного курса нередко оказывается спорным. Разумеется, нет никаких оснований утверждать, будто политика — любая политика — фатально обречена на иллюзии, неадекватна действительности и самой себе. Несоответствия такого рода, все же могут иметь место. Следует поэтому знать, какие именно причины в многофакторной детерминации политики могут сказаться на ее отклонении от желаемых характеристик, какие ее элементы и почему не соответствуют первоначально избранному плану, какие, следовательно, аспекты политического процесса — политическая воля, политическое искусство, знание, политические ресурсы, средст-

ва, методы, исполнители — более чувствительны к отклоняющимся воздействиям на политический процесс и не являются ли сами они и в какой мере причиной неадекватности политики. Возникает также вопрос, не принимают ли аномалии политического процесса утопический характер, и если это действительно так, то каковы признаки политической утопии, каким образом и насколько она может быть преодолена. Нужна, иными словами, теория политической утопии, позволяющая выявить ее в конкретной политике и в политической науке, в социально-политическом проектировании. Сложный системный и междисциплинарный характер исследования политических утопических явлений предопределяет роль философского анализа политики, способного определить факторы ее утопических изменений, возможности и способы борьбы с ними.

Распознавание утопических элементов политики, возможных утопических тенденций того или иного конкретного политического процесса само имеет несомненный политический смысл. Знание условий и следствий утопических преобразований политики дает и значительный идеологический и практический эффект. Владение теорией политической утопии и умение преодолевать ее, использовать, как это ни покажется парадоксальным, необходимо в определенных политических целях, когда утопическое сознание прогрессивно, активно служит решению позитивных задач общества, его революционным мобилизациям. Однако нас прежде всего интересует критика утопии в политике и политическом сознании, методология общественной и политической теории.

Знание условий, при которых в политике возникают утопические тенденции, позволяет оценивать эффективность политических решений и реальность их целей, подлинное, а не декларативное содержание политики. Достаточно ясное понимание утопических ситуаций в политике дает возможность корректировать политический процесс и направлять его, оценивать адекватность социально-политических тео-

рий объективной действительности, законам и тенденциям истории. Умение обнаруживать утопические явления в политике — важное условие борьбы за новое политическое мышление, одна из характеристик которого — освобождение от утопии во всех ее формах в поворотную эпоху современной истории, когда масштабы политических решений, их значение и ответственность в политике и политической теории неизмеримо возрастают.

Процесс реформирования социального, политического, экономического устройства постсоветского общества чрезвычайно показателен в этом отношении. Этот процесс безгранично разворачивается, сталкивается с трудностями, которые можно и должно предвидеть, которые трудно предугадать, процесс, который и сам порождает проблемы. Все его ближайшие и отдаленные результаты и последствия для страны можно оценить лишь далеко не полно и не все они будут отвечать первоначальному проекту и принятым усилиям. Нетрудно видеть, какая сфера иллюзорных представлений может окружать такой поток политических событий и сочетаться с реально осуществленными планами.

Распознавать уже возникшую утопию — это значит констатировать уже свершившийся факт, что, конечно, само по себе весьма важно. Но еще важнее предвидеть утопию. Для этого и необходим ее научный анализ. Отсюда и несомненное значение философской теории политической утопии, насколько ее представляется возможным исследовать сейчас и здесь изложить. Остановлюсь еще раз на этой теории, в частности на ее марксистских трактовках.

Марксизму, как, впрочем, и немарксистской теории утопии, присуще понимание утопического сознания как стремления уйти от действительности, которое обычно сопровождается альтернативным проектом ее преобразования. Не только в абстрактной социально-философской теории, но и в практической политике такой проект может оказаться неосуществимым. Утопические деформации такого рода — от-

нюдь не редкость в политике, хотя в принципе политика по своим социальным функциям призвана ставить и решать реальные задачи, по крайней мере представлять их обществу выполнимыми. Для этого требуется немало времени и усилий, хотя критерии их оценки, казалось бы, достаточно очевидны. В свое время, выступая против подмены подлинно научного политического сознания утопическим, В.И. Ленин писал: «Утопия в политике есть такого рода пожелание, которое осуществить никак нельзя, ни теперь, ни впоследствии, — пожелание, которое не опирается на общественные силы и которое не подкрепляется ростом, развитием политических, классовых сил»²⁶.

Распознавание политической утопии осложняется, однако, когда утопическое начало возникает в политике непреднамеренно, не как цель той или иной политической теории или практики, а как невольный результат достаточно сложного взаимодействия объективных и субъективных причин, порождающих иллюзорное сознание.

Дифференцированное отношение к утопии мотивируется обращением утопического сознания к социальным идеалам («правдивые иллюзии»). Но если в политике и в обществе актуален вопрос о следовании идеалам, то возникает вопрос и об осуществимости целей политики, которые ориентированы на практическое следование им, о том, насколько они соответствуют идеальным эталонам.

Исторически изменчивый характер политического развития общества позволяет говорить об относительности самих критериев неосуществимости утопии. Утопия — это один из альтернативных результатов вероятностного процесса, которым является политика, политический процесс с последовательным осуществлением его первоначального замысла и изживание возникающей в этом процессе утопии, и далее реализация, казалось бы, неосуществимого события или подтверждение несбыточности его ожидания. Признавая таким критерием неосуществимость замысла, мы вправе говорить о границах и принципах такой оценки, поскольку то,

что неосуществимо в одних условиях и в данное время, может оказаться осуществимым при других обстоятельствах и в иное время.

По признаку осуществимости или неосуществимости можно поэтому различать: 1) проект, временно неосуществимый при данных условиях, но потенциально осуществимый (например, возможность разрешить в настоящее время глобальную проблему международного политического неравенства); 2) осуществимый в идеальной перспективе и только при теоретически возможных, гипотетических условиях (например, проведение всеми признанной, согласованной глобальной экологической политики целесообразного природоиспользования всеми государствами мира, скажем, мероприятий по сохранению озоновой оболочки планеты, что предполагает согласованные политические действия всех стран мира); 3) не осуществимый ни при каких условиях (абсолютная утопия — например, выживание человечества после применения ядерного оружия).

Политическая утопия может анализироваться и классифицироваться по характеру ее образования — объективно и субъективно обусловленная; по месту образования в политическом процессе — на его исходном этапе при формировании проекта при определении общей цели или частных целей, осуществлении проекта и т.д.

Диалектика вероятного и возможного, соотносительность возможности с условиями реализации, позволяющими осуществить переход невозможного при данных условиях в возможное и реальное при других — это аргумент в пользу дифференцированного подхода к актуальной политической утопии.

Особое значение имеет объективно и субъективно обусловленная причинная типология политической утопии. С этой точки зрения политическая утопия может быть подразделена на:

1) непреднамеренную, возникающую на стадии идеального замысла как максималистский проект. Она связана с формированием теоретической модели проектируемого объекта, его идеального состояния. Такая утопия может быть преодолена при разработке плана и его реализации;

2) непреднамеренную, возникшую в процессе осуществления проекта вследствие незнания закономерностей данного явления, неполноты информации, неопределенности будущих состояний объекта и т.п. Она может быть отражена и закреплена в прогнозе, в проекте и плане его реализации и способна сделать этот проект неосуществимым. Такая утопия устойчива, она имеет тенденцию определять идеологию и методологию целеполагания и разработки проекта в определении целей, методов, задач и т.д., когда сказываются консервативные или реакционные идеологические установки политики и т.д. (например, экологически не оправданные и чреватые необратимыми негативными последствиями преобразования природы и экономики, подобные тем, что привели к обезвоживанию Арала и т.п.);

3) преднамеренную, но идеологически санкционированную и сознательно примененную утопию. Такая утопия признается основой отношения к действительности, исходя из представлений об идеальном образе действительности и ее конструктивном, с точки зрения этого идеала, преобразовании. Она сопоставляет существующее и желаемое, воображаемое, в котором как бы преодолеваются начала неопределенности и вероятности. Таков опыт проектирования социальных преобразований в духе свободы, равенства и братства в эпоху буржуазных революций XVIII–XIX вв.;

4) преднамеренная утопия, отвергающая рациональное начало в политике, проектировании и прогнозировании, порывающая с объективными законами функционирования и развития общества, — крайняя форма проявления утопического сознания. (Такова, например, утопия победы в глобальном термоядерном конфликте.)

Ряд сложных утопических явлений в реальном политическом процессе проистекает из различного рода рассогласований в структуре политических отношений и политической деятельности, из ложных посылок, неправомερных выводов и т.д. Но ни противоречия, ни ошибки, ни заблуждения, ни относительность знания и даже намеренное отклонение от познанной действительности и ее закономерностей сами по себе, конечно, еще не являются утопией. Утопия начинается там, где ошибка, как отмечалось, не обнаружена, политический проект остается в силе, сохраняется убеждение в его истинности и исполнимости и деятельность затем осуществляется согласно этому проекту. Это, так сказать, неявная утопия. Она становится явной и обретает особые черты, когда заблуждение, дисфункции в политике и отпавлении власти распознаны, однако проект и политическая деятельность не изменяются, остается в силе то, как говорил В.И. Ленин, пожелание, которое никогда не исполнится. В целом такого рода утопические явления можно считать субъективными. Это как раз тот случай, когда политик стремится все изменить, ничего, однако же, не меняя по существу. История послевоенных структурных перестроек централизованного управления нашим народным хозяйством (слияние и разделение министерств и ведомств, ликвидация одних из них и создание новых) — один из примеров такого рода иллюзорных политических решений.

Сложность и специфика утопического фактора в политике, его, так сказать, коварство — в глубоком и неприметном проникновении в политическое мышление или в возникновении в нем мифотворческих тенденций; в его рационализации, свойстве приобретать все признаки логически правильно построенной, целенаправленной мыслительной и практической деятельности (рациональная утопия) и в ее конкретизации, о которой уже шла речь, имитирующей действительные явления, реальные события (конкретная утопия). Эти свойства обеспечивают утопии устойчивое бытие в политическом сознании, в теории и политической прак-

тике. Не случайно в политике так стойко удерживаются изжившие себя лозунги и методы, целые организационные системы, бюрократия, шаблоны.

Аспект информации о действительности и о действиях по осуществлению проекта особенно уязвим с точки зрения утопических представлений в политике. Их может породить сама идея обладания исчерпывающими данными — хорошо известен технократический «миф о данных», утопия эмпиризма, согласно которой достаточно получить «все необходимые сведения», чтобы построить неуязвимую теорию какого-либо политического или общественного явления, организовать всеобъемлющий учет, «оптимальное» планирование, создать непогрешимую модель развития и т.п.

Достаточно напомнить в этой связи, что «данными» для политического проекта будут не только объективные сведения о действительности, но и широкая гамма субъективных восприятий ощущений, интуиций, настроений, актов воли и т.п. Абсолютный учет такого рода информации вообще невозможен, особенно для политических целей.

Проблема неполноты и нетождественности информации в управлении («информационных барьеров») — одна из наиболее известных и, в частности, в политике как одном из предельных процессов, хотя в последней она и не рассматривается с точки зрения возникновения утопических явлений. К числу источников информационных противоречий политического процесса, ошибок и аномалии в политическом проекте можно отнести потери информации в пространстве, поскольку с увеличением расстояния между ее источником и приемником полнота и достоверность сведений уменьшаются; во времени — с удалением события от источника информации исходные данные также становятся все менее полными и надежными.

Одновременно в политическом процессе возникает новая информация, которая вместе с ранее имевшейся умножает источники ошибок и трудности в управлении политическим процессом: государственно-политические, режим-

ные — секретная часть информации остается достоянием определенных органов управления и ответственных за него лиц, при этом может возникать и новая, неполная или неточная информация, искажающая суть событий; ведомственные — неточная и несвоевременная передача различными организациями части информации заинтересованным инстанциям; языковые (семантические), порождаемые обилием и разночтениями информационной лексики, препятствующие обмену информацией между людьми, работающими в разных областях знания; психологические, вызывающие задержку или искажение информации из-за особенностей восприятия, памяти, убеждений передающих и воспринимающих ее людей; резонансные, обусловленные соответствием информации потребностям, отчего она может восприниматься выборочно и односторонне, а также экономические и организационные, связанные с распределением финансовых и материальных средств сбора, организации и передачи информации; технические, связанные с особенностями техники, обеспечивающей эффективность информационных процессов, и др.

Гигантизм централизованного управления прямо работает на пользу утопическим представлениям. Функционирует огромный разветвленный аппарат, в котором циркулирует, согласовывается, увязывается информация — требования и ответы, заказы, жалобы, доклады, приказы, инструкции и т.п. В этой цепочке нередко нарушаются прямые и обратные связи, запросы не получают ответа, распоряжения не выполняются, выполнение не контролируется и т.д. Возникает типичная утопия хорошо налаженного управления: действует по видимости слаженный механизм, который на деле не эффективен.

Утопические явления может порождать сокрытие информации, причем не только в массовом, но и теоретическом сознании носителей власти, полагающих, что неинформированность масс пойдет на пользу той или иной политике. Известно теперь, какой вред развитию общества наносит

информационная изоляция от внешнего мира (информационная автаркия) и информационное ограничение застойных периодов в истории отдельных стран, и в частности в нашей стране. Общество внезапно обнаруживает себя в плену иллюзий, когда оно слабо или ложно информировано. Дезутопизация, устранение утопии начинается, когда ему приходится в конце концов отказываться от политики таких ограничений. Политика гласности, нового мышления в этом смысле — подлинно антиутопическая революция. Она снимает иллюзии благополучия и решенных проблем там, где на деле они нарастают.

В этой связи приходится признать, что неполная и непоследовательная гласность прямо служит на пользу утопическому сознанию, и наоборот, чем она полнее, тем меньше места иллюзиям остается в политике. Если же признается, что такие иллюзии иногда или в некоторой дозе необходимы, то следует иметь в виду, что неизбежно наступит этап развенчания утопии со всеми последствиями для оценки политики.

Значительные проблемы вызывает количество различных явлений (большая размерность задачи), возникающих в ходе осуществления политического проекта, которые можно отнести к так называемым стратегиям различных сил — участников проекта или его антагонистов. Соответственно возрастает количество и сложность задач, шагов и процедур расчета проекта, а также альтернатив решения этих задач (наборов средств достижения цели) и, следовательно, оценок и правил оценок — всего этого, очень упрощенного здесь (на деле же значительно более сложного) пути проектирования различных целей, применимого (и применяющегося) и в политике. Уязвим в этом отношении прежде всего сам процесс идеализации — формирования целей и разработки политического проекта. Крупномасштабное централизованное управление особенно уязвимо для иллюзий относительно полноты и точности решений. Поэтому оно и склонно избегать альтернативных предложений, выбора из различных ва-

риантов, становится негибким, ограждает себя формальными процедурами и аргументами. Обратная сторона такой тактики — субъективизм и диктат, командно-волевые бюрократические приемы руководства, присущие, надо сказать, самым разным социально-политическим системам нашего времени и прошлого.

Политика как прогностический проект вынуждена считаться с вероятностным характером параметров политического процесса. Это особенно относится к ненаблюдаемому событию в будущем, которое расценивается как пространственно-временная область неопределенности, где осуществляется ожидаемое событие и объект приходит в предполагаемое состояние.

В политическом проекте важную роль играет учет возможного и вероятного в оценке событий. В таких проектах с точки зрения возможности приходится рассматривать все их элементы и фазы: время событий и этапов процесса, пространство, в котором он осуществляется; состояние изменяющегося объекта, направление его изменения, цель проекта, его расчетный или произвольный результат и т.д.

Вероятность, которая характеризует возможность изменения этих параметров, в прогностике оценивается с точки зрения нарастания неопределенности по мере удаления от исходного состояния. В неуправляемых процессах или, точнее, в процессах, которые политическое руководство не охватывает, такой динамике противопоставить нечего. Цель политики поэтому и состоит в противодействии как раз такому неуправляемому развитию. Однако на деле в политике приходится признавать неразрешимость тех или иных проблем или их разрешимость лишь на основе некоторого компромисса (так называемое оптимальное или субоптимальное решение — чрезвычайно частое и характерное для политики). Отсюда и потенциальные утопические решения проблем, подлинное решение которых не найдено.

Институциональный политический процесс совершается как взаимодействие двух систем — управляющей и управляемой. Однако собственное управление управляемой сис-

темы, упорядочивающее ее, действующее в обществе и его подсистемах (классах, общественных группах, малых группах, профессиональных коллективах, национальных единствах и т.д.) и сложившиеся стихийно механизмы ее культурной, социальной, профессиональной организации находятся, как известно, в неоднозначных, порой противоречивых отношениях с управляющей системой (властью, ее аппаратами и органами и т.д.).

Способность эффективно управлять обеспечивается соответствием системных свойств управления и его объекта. Но управляющая система по своей информационной емкости должна соответствовать многообразию возможных состояний управляемой системы, в которых последняя может оказаться в процессе ее развития или в условиях воздействия на нее внешних факторов. Разнообразие состояний управляемой системы требует соответствующего разнообразия и развитой организации управляющей системы. Если это соответствие нарушено, управление невозможно или малоэффективно. Если такое соответствие нарушено, то управление испытывает нарастающий недостаток информации. Уменьшается мера его организации. Возрастает и реальность утопических решений и результатов политического процесса.

В плане информационной емкости управляющая система всегда беднее управляемой, однако различие это не должно быть ниже определенного предела. Разнообразие, а следовательно, и неопределенность поведения управляемого объекта могут быть уменьшены за счет соответствующего увеличения разнообразия, которым располагает субъект управления. Поэтому к свойствам управляющей системы предъявляется ряд требований — более высокая степень упорядоченности и организации, специфическая структура, созданная для выполнения целевых функций системы (включая механизмы прямой и обратной связи с окружением, обмена информацией со средой, регулирования и т.д.), развитое целеполагание, развитая субъективность — моральный, культурный, профессиональный, идейный уровни участни-

ков политического процесса и т.д. Если управляемая система по всем этим или некоторым характеристикам превосходит управляющую, возникновение утопических ситуаций неизбежно; если истоки их своевременно не распознаны и не устранены, управляющие действия власти не окажут регулирующего влияния на управляемые объекты политики, вопреки управлению извне, или помимо него. Возможность управления ею будет иллюзией, политические цели власти на деле окажутся неосуществимыми. Так экономическое планирование в период застоя перестало охватывать систему общественного производства и распределения, несмотря на расширение и совершенствование аппарата и методов планирования. Развилась поэтому сфера второй, или параллельной («теневой») экономики, существующей по своим законам — подпольной экономической деятельности и т.п.

Если же несоответствие систем своевременно обнаружено, их взаимодействие реорганизуется: устраняются утопические тенденции политического проекта, дефекты управления, повышается его качество, изменяется сам проект. Происходит перестройка отношений власти и управления. Перестройка взаимоотношений между центральными институтами власти и предприятиями, при которых самоуправление становится целью, а не признаком дисфункции системы, может служить образцом такого рода антиутопической политики. Возможна иная реорганизация, когда производятся изменения не управляющей системы, а управляемой с целью понизить ее уровень упорядоченности и самоуправления. Но этот путь ведет либо к самообману и наиболее примитивной утопии принуждения, иллюзии управления, либо к социальной дезорганизации. Примером такого рода выбора могут служить политические стратегии деспотических, террористических режимов, заменяющие управление насильем и диктатом. Реакция управляемой части общества в таком случае сводится к безоговорочному повиновению. Не случайно личная диктатура как тип власти оказалась возможной лишь в упрощенных политических системах, исключая

ющих самоуправление (национал-социализм, террористические режимы в некоторых слаборазвитых странах—таких, как Сальвадор, Гаити и т.п.).

Поскольку политика — общественное явление и она не автономна от общества, первой зоной, где возникают утопические явления, будут отношения политического процесса с другими общественными процессами — экономическими, культурными, нравственными и т.п. Следовательно, утопические превращения политики следует анализировать внутри более полного контекста исторического развития общества.

Все элементы и параметры политического процесса изменяются во времени и в политическом пространстве общества, начиная от его исходного состояния, когда на уровне отношений власти и общества возникает политический замысел. В конце процесса все его элементы и правящие силы, субъекты власти и ее непосредственные носители (аппараты, органы, законодательные и исполнительные инстанции) и отношения между элементами процесса могут существенно измениться.

Рассогласования, о которых идет речь, можно разделить на заключенные в политическом процессе, включающем обмен деятельностью с его непосредственным общественным окружением, и возникающие из несоответствий между этим процессом и общественно-историческим процессом, т.е. системой большого порядка.

Это ситуация общественного кризиса, когда политика не отвечает историческим запросам общества, ставит его развитие под вопрос и нуждается в радикальной перестройке. Обычно такому кризису (экономическому, социальному, национальному или общему, объединяющему их) предшествует период утопических иллюзий. Какое-то время остается надежда на предотвращение кризиса, вера в эффективность

политики, которая уже утратила ее, и поиски альтернатив, действенность которых ничем нельзя подтвердить. Разрешение кризиса становится тем самым и освобождением политики от утопий.

Основные рассогласования, способные породить утопические представления о политике, возникают как дисфункции следующих отношений.

1. Между политическими и общественными отношениями. Время истории и время политики могут не совпадать. Ускорение развития одних частей общественного целого неизбежно приводит к отставанию других его частей и потому может привести к негативным последствиям для этого целого, каким бы закономерным ни был феномен неравномерности исторического развития. Так процесс индустриализации обычно опережает процесс культурного, профессионального, этического развития человека и общества, формирование гуманистического сознания, без чего индустриализм может получить — и реально получает — антигуманную направленность, может выразиться в разрушении природы, использовании знания и технико-производственного потенциала общества для создания средств массового уничтожения и т.д.

Эффективность власти может убывать по мере отдаления от центра политической деятельности. Наконец, политическое и общественное развитие могут расходиться друг с другом в целом и в отдельных отношениях и даже противоречить друг другу. Политика колониализма, например, всегда противостояла процессу интегрального исторического развития народов, принудительно включенных в колониальные империи. Отсюда и утопии «вечных» «могущественных» имперских государств-конгломератов. При этом противоречие между этими двумя процессами бывало тем сильнее, чем более развитым был исторический процесс присоединенных стран. Империя Наполеона просуществовала около двух десятилетий, «Третий рейх» — всего несколько лет. Дольше

продержались империи со слабо развитой периферией. Но в конце концов такие колонии оказались обузой для самих метрополий, таких, как Великобритания.

2. Между политическими и другими общественными процессами, осуществляющими в обществе организационные и регулятивно-контрольные функции.

Этот разряд противоречий связан с первым, наиболее общим рассогласованием политического и общественного, когда политика может не отвечать нуждам общества, его сознанию, интересам, уровню развития и возможностям. Но такое рассогласование образует более определенные и конкретные ситуации, например несоответствие политического регулирования правовому. Все развитые европейские общества прошли этап развития, на котором позиция политической власти порождала потребность в создании правового государства, или, точнее, правового общества, поскольку право в этой концепции внешне по отношению к государственной власти и государственным правовым институтам и теоретически должно быть независимо от нее и призвано ее контролировать. Отсюда возможность различных утопий.

Правовое государство — заветная и все еще не осуществленная до конца политическая идея, за реализацию которой человечество борется сотни лет, преодолевая утопии всякого рода: равенства перед законом, идеального исполнения законов, гарантированной безопасности и полноты прав, безупречного выполнения гражданского долга и т.п. Несбыточными всегда оставались попытки создать правовое общество там, где еще не было сформировано подлинное гражданское общество, т.е. общество, в котором человек стал полноценным гражданином, сознающим свои права и обязанности перед государством и обществом, а эти последние со своей стороны воспринимают его как индивида, наделенного достоинством, полноценного и внушающего уважение члена социальной общности. Действенная система этических, социальных, политических, культурных, национальных ценностей обуславливает реальность

подлинно правового и демократического общества. Формальная организация правовых отношений сама по себе важна для создания такого общества, но рассчитывать только на нее — несомненная иллюзия.

3. Внутри самого политического процесса: как несоответствия между уровнями теоретической и практической политической деятельности между конкретными действиями власти и интересами и целями политического процесса; несоответствия между целями политики и интересами, средствами, а также методами власти: так возникает актуальная в наше время проблема консервативного аппарата, тормозящего развитие.

Стадия целеполагания и организации управляющих и контрольных функций власти — одна из самых сложных в политике и противоречивых, способная порождать утопические представления. Ее интерпретировал Гегель в терминах дуализма государства и гражданского общества и затем разработал Маркс в «Критике гегелевской философии права» как конфликт общества и власти. В этой сфере мы остановимся на проблеме научного анализа политических явлений, нормы, на основании которой осуществляется управление и определяется должное поведение граждан и власти.

Как известно, «гражданское общество» Гегеля обладает реальностью конкретной политической действительности. Именно поэтому присущее ему сознание («публичное сознание» народа, или практическое сознание) оказывается лишь неполным эмпирическим отражением более развитого «государственного сознания». Это последнее, и только оно, понимается до сознания всеобщего интереса, до подлинно всеобщего, которое превосходит повседневную эмпирическую реальность и является делом государственной политики. Поэтому собственно политическим (государственным) является только сознание, обособившееся от гражданского общества, функционирующее как продукт отделенных от общества носителей государственного сознания (бюрократии, идеологов правящего класса и т.п.).

Маркс показал, что отношение этих двух форм сознания в действительности обратное, что из двух противоположных друг другу уровней политического сознания одно отражает общенародные интересы, соответствующие сущности подлинного государства, другое — интересы неподлинного, отчужденного от общества государства. В конфликте, который поэтому может возникнуть между обществом и властью, выявляется политическое самосознание гражданского общества. Абстрактно-всеобщая (превращенная) форма политического сознания бюрократии функционирует как особая, отделенная от общества сфера нормативного мышления.

Конечно, существует абстрактная возможность превращения нормы в утопию. Такого исхода, естественно, избегает любое государство. Это стремление проявляется как желание добиваться исполнения решений и реализации процесса органического усвоения управляющих воздействий и политических норм, идеологии и т.п.

Иной эффект нормативности порождается той самой сферой «государственного формализма», воплощенного в бюрократии, создающей свои нормы, согласно которым осуществляется деятельность власти и управляется общество. «Бюрократия считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои «формальные» цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с «реальными» целями общества. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержательное, а содержание за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи — в государственные»²⁷.

Такова утопическая ситуация, которая возникает при определении общих отношений власти и общества: средство превращается в самоцель, цель — в средство. «Для бюрократа, — писал Маркс, — мир есть просто объект его деятельности»²⁸. Но утопия целей не иррациональна, она рациональна, и Маркс это показал: «Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть иерархия зна-

ния. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение». Это взаимное заблуждение относительно целей и средств проекта и его истинных результатов основано на нежелании открывать истинное их соотношение. Утопия подлинного смысла власти, которая скрыта в этой тайне, иллюзии относительно ее содержания могут быть в интересах власти и прежде всего — бюрократии. Тайна может придавать значительность политическим нормам и всем политическим отношениям в обществе там, где ее на деле нет, порождать обманчивые представления о подлинных целях и о самой природе власти и внушать убеждение в объективности ее решений, ее средств, ее методов, приемов и норм, что особенно устраивает бюрократию как тип правления. Иллюзии такого рода проникают не только в массовое политическое сознание, но и в политическую теорию.

Бюрократия возникла не в нашей стране и не в наши дни и известна более или менее повсюду. Терпимое отношение к ней — это накладные расходы общества на развитие, и оно неизбежно закрепляется в утопии рачительного и компетентного правления. Однако такие издержки имеют свои пределы, которые рано или поздно дают себя знать и приводят к кризису утопического сознания. Критическая оценка подобного правления означает и осуждение утопии, и возвращение к политическому реализму.

Глубоко преобразается в этой утопической ситуации и весь процесс усвоения обществом политических норм. Норма оказывается утопической. Между тем нормативная политика призвана служить антиутопической, повышающей эффективность управления.

Важное свойство политического процесса — дискретность политики и ее реализации. Значительные цели достигаются последовательно через ряд этапов, на которых преследуются частные, конкретные (или промежуточные) цели.

Если экстремальные (универсальные или внешние) цели постоянны, частные временны. Достижение их приближает к общей цели. Это цели конкретной деятельности, хотя и они могут быть общезначимыми: обороны, сохранения мира, достижения могущества и т.п. Существенно другое: частные цели, интересы, проект и средства ближе друг к другу во времени и пространстве. Это обстоятельство помогает обеспечивать и контролировать их взаимную адекватность. В принципе норма должна быть равнозначна закону, разработанному данной политической системой. Так и бывает в политической действительности, если она не трансформирована утопией. Обычно именно на частных этапах осуществления политики возникают несоответствия элементов политического процесса и накапливаются отклонения от избранных целей. В результате и общее направление политики может удалиться от намеченной цели. Этот же результат может быть получен при несогласовании общей и частных целей.

К идеальной, абстрактно-общей цели приближает такая частная цель, которая соотносится с общей как особенное, воплощающее всеобщее, и поэтому способное стать самоцелью, как и сама общая цель. Иначе частная цель выступает как отчуждение идеальной цели, становится формальной по отношению к ней, утрачиваются идеальные побуждающие мотивы реализации политики. Между тем исход политического процесса, его успех определяют именно стратегические установки политического замысла. Такая цепь целей не терпит разрывов и слабых звеньев. Одно такое звено ставит под вопрос всю систему политики от замысла, целеполагания до конечной цели. Самая совершенная структура власти обречена на бездействие и чисто формальное, т.е. по сути дела утопическое функционирование, если ее путь к конечным целям будет прерван несовершенством местных органов управления, дефектами исполнителей, сопротивлением бюрократии и т.п.

Именно такая ситуация возникла в ходе перестройки в последние годы. Революция, начатая сверху, столкнулась с инертными структурами общества и аппаратов власти разных уровней, для которых обновление — это естественно сложный и болезненный процесс, связанный с усвоением забытой идеи высших целей общества и пересмотром собственных частных целей, что далеко не всегда отвечает частным интересам и ближайшим целям непосредственных участников общественного процесса, ориентированного на обновление.

Но и в цепочке частных целей таится возможность утопических иллюзий. Политический процесс — это цепь последовательно решаемых задач и соответствующих действий. Утопические явления возникают в конкретных звеньях этой цепи, прежде чем превратиться в ложное представление о процессе в целом. Дисфункции процесса сами по себе конкретны, а следовательно, и иллюзии, которые возникают в связи с ними, также конкретны. Сам политический процесс таит в себе альтернативы, равенство или неравенство шансов благоприятного и неблагоприятного исхода событий. Иллюзорными могут быть и расчеты на успех, и сомнения в нем. Оттого так навязчива в политике (и не только в ней) логика вероятностного процесса: еще одно усилие, еще одно устраненное препятствие, новый шанс, может быть, счастливая случайность — и цель будет достигнута. Логика надежд нередко побуждает продолжать и затягивать самые безнадежные политические предприятия. Логика всякой деятельности, любой борьбы подсказывает такого рода расчеты и надежды. Но если они необоснованны, это прямой путь к утопии. Такой утопией был для нацистской Германии весь второй период последней мировой войны, да и значительный отрезок времени в эпоху первой мировой войны. Строго говоря, гигантской военно-политической утопией были для Германии в целом обе минувшие войны.

Военно-политической утопией, обращенной в будущее, является идея новой мировой термоядерной войны. Это, однако, гипотеза, абстрактная утопия, но и она питается вполне конкретными приготовлениями ее осуществления.

Идея политической цели возникает на грани объективного и субъективного, естественного (т.е. сущего, данного), реального и желаемого, ожидаемого, рационально сконструированного или воображаемого, в зависимости от степени соответствия конструированного мира с реальной деятельностью, сущности вещей и их человеческим смыслом, соответствия идеальной, мысленной формы о мире с реальным миром и действительным положением в нем человека. Политическому расчету, реальному проекту на стадии целеполагания присуще то мысленное преобразование мира, которое свойственно и мифологии и утопии. В этом свойстве кроется возможность ограничить преобразование мира мыслительной деятельностью, поскольку и «всякая мифология преодолевает, подчиняет и преобразовывает силы природы в воображении и при помощи воображения»²⁹. Для перехода от воображаемого к практике «необходимо преобразование самого воображаемого». Цель как абстрактно общее — это идеализированный объект, мысленное образование. Его появление закономерно в политическом процессе на ранней стадии проектирования. На начальном этапе формирования проект неизбежно выглядит как теоретическое утверждение, соотносимое с идеализированным объектом. Но в этом утверждении идеальный образ мира уже дается средствами рационального познания, как его объяснение, как необходимость, неизбежный результат выполнения плана (в который перерабатывается проект). Как желаемое будущее событие, модель будущего, политическая цель может качественно оцениваться. Идеализированный объект в конкретном проекте предстает как система, поддающаяся предварительной оценке, вероятности его реализации. Сама идеализация конкретного проекта при этом состоит, напомним, не в превращении цели в абсолют, а в принципе целеполагания — одушев-

лении исполнения необходимыми стимулами. Реально она состоит не только из образов, схем, операций (мысленный эксперимент, разработка теоретических моделей и т.п.), необходимых для выбора стратегии данного политического процесса. Выбор цели, принятие политических решений, призванных обеспечить реализацию политической цели и рационализировать политический проект, обращены к сложному миру человеческой субъективности. В этом его действительность и потенциальная двойственность.

Разработка политического проекта, которая выше оценивалась как внутреннее побуждение, требует уточнения: внутренней она должна быть по отношению к проекту и его реализации, т.е. органически присущей и непротиворечивой, вносящей во весь процесс реализации направляющее действие идеала, не позволяющее выпустить из виду идеал — цель. Субъективно выбор идеалов и целей выступает в этом смысле как органически усвоенное человеком внешнее побуждение, делающее его сознательным и активным исполнителем целей общества.

Убежденность, однако, может оказаться в определенном смысле автономной по отношению к проекту. Она способна эволюционировать иным темпом и в другое время, чем сам проект и исполняющая его власть. Они могут перестать совпадать и по содержанию, если политика власти вступает в противоречие с объективным ходом событий и настроениями, чаяниями общества. Тогда проект осуществляется без внутренних стимулов и становится неэффективным. Прежняя убежденность перерастает во внутреннее убеждение в ложности проекта — это уже путь формализации политических отношений и образованию утопических представлений о них.

Убеждение означает доверие к политическому замыслу, исполняющей его власти, ее методам и возможностям и самой цели. Неконтролируемое, безотчетное доверие переходит в веру. Возникновение веры само по себе создает условие для формирования утопического сознания. Вера в выс-

ший идеал-цель не то же, что вера в конкретные частные цели и в средства их достижения. Вера в конечную идеальную цель допускает представление о ее отдаленности. Вера в частную, ближайшую и конкретную цель сразу же вынуждает ставить вопрос о том, насколько оправдана эта вера и реальна такая цель. Отношения, связывающие средство (действия властей) и цель (объект целеполагания), их взаимная зависимость и необходимость объясняются общностью их содержания. Оно структурно: в средстве есть содержание, которое соотносится с целью. Средство и цель связаны таким общим для них содержанием. Но само средство (политическая деятельность) выступает причиной цели, результатом политической практики. Цель, как показал Гегель, определяется средством. Гегель не случайно обратил внимание на эту специфику отношений средства и цели³⁰. Она имеет прямое отношение к образованию утопических явлений в политике. Суть ее в том, что средства осуществления политики — это реальность, которой обладает власть, тогда как она не владеет целью, цель не объективна, она не существует иначе, как идеал, в замысле (в этом смысле она и «субъективна»). Но это «преимущество» средств, если так продолжить анализ, оказывается условием того, что власть, утрачивающая связи с целью, с ее идеальным содержанием, иначе говоря, политическая деятельность, лишенная идеальных установок, становится самоцелью политики. Сам же идеальный замысел утрачивает самоцельный характер и выступает лишь как повод политической деятельности — в этом состоит «тайна» бюрократической политики. Конкретные частные цели, обусловленные к тому же ее интересами, становятся для нее непосредственными мотивами. Общая идеальная цель оказывается утопической, поскольку приближение к ней делается невозможным и перестает быть задачей политики, либо остается лишь формальным обозначением этой задачи. Средство функционирует так, как если бы оно соответствовало замыслу, в действительности же оно обособилось от него. Вместо реализации цели политического проекта осуществляются цели са-

мосохранения власти и воспроизводства ее средств при сохранении внешних признаков целесообразного и целенаправленного политического процесса.

Итак, при осуществлении политики могут возникнуть отношения, способные породить утопические явления. Возможна ли рационализация подобных ситуаций и с какими последствиями для политического сознания?

Рациональной политикой власти, осуществляющей тот или иной политический проект, можно считать выполнение программы: а) основанной на фундаментальной концепции общества и построенной исходя из теории данного общественного процесса; б) адекватно отображающей действительность, законы и тенденции ее изменения, реально возможное в политике; в) исходящей из представления о данном политическом процессе как о системе, способной развиваться и активно взаимодействовать с другими процессами — экономическим, культурным, правовым и т.п.; г) преследующей соответствующую возможностям цель; д) обладающей средствами полной реализации своих собственных возможностей; е) способной критически оценивать результаты выполнения программы.

Понятие рационального в применении к политическому процессу имеет и познавательный аспект, поскольку речь идет о познании политической и иной действительности, моделировании не только настоящих, но и будущих ситуаций. Но рационализм в политическом процессе не ограничивается теорией, это также и рациональная практика. Правда, в связи с особенностями самого процесса, когда рациональное знание обращено к таким объектам, как «возможность», «вероятность», «предпочтение» и т.п., оно по необходимости ограничено анализом и упорядочиванием логики вероятностных событий, логики гипотез. За пределами этого рационализма может оказаться действительность (как политическая, так и иная), которую он не охватывает. Помимо значительной роли случайных, субъективных, непознанных или ложно интерпретированных факторов поли-

тики, которые делают ее уязвимой для иллюзорных представлений о ее рациональности, приходится признать, что и объективная рациональность политического процесса (знание законов, тенденций развития, фактов) также не гарантирована от иррациональных восприятий. Отмеченные особенности политического процесса ограничивают возможность его рационализации. Политический проект — это результат продумывания, анализа, рассуждения, которое, однако, не гарантирует его успеха, но представляется правдоподобным (при соблюдении определенных условий). Здесь-то и должно сыграть свою роль его научное обоснование. Наиболее распространена в политике семантическая интерпретация вероятности выполнения политического плана, согласно которой степень реальности события определяется подтверждением одного высказывания другими, включая подтверждение политической гипотезы доступными эмпирическими данными.

Следующий шаг политического сознания ведет к вере в успех проекта (появлению события, составляющего цель политики). Это обстоятельство — важный субъективный фактор политического проектирования. Он сказывается на вероятности достижения цели. Таким образом осуществляется субъективная рационализация познавательной и практической деятельности, которая повышает вероятность осуществления политического процесса в условиях ограниченной определенности проекта.

Политический проект должен определить с самого начала целесообразное поведение власти для решения данного класса задач, определить ее стратегию и, если речь идет о конфликте (внутреннем или внешнем), оптимальные стратегии других участников конфликта (или партнеров при необходимости совместного решения какой-либо проблемы). Неслучайно всякая демократическая политическая процедура связана с определением политического курса, выбором единомышленников, полемикой. Обход этой процедуры, при всей ее противоречивости, чреват неэффективными реше-

ниями. Опыт парламентской борьбы во всем мире достаточно убедительно свидетельствует об этом: не уходить от нее, а разрешать с ее помощью политические противоречия — вот один из путей преодоления утопического самосознания.

Существенно важен вопрос об интерпретации данных, т.е. о наличии идеологии, мировоззрения и теории, позволяющих ориентироваться в потоке информации, ее отборе и использовании. Это и есть идейно-теоретическая позиция создателей политического проекта. В рамках этой позиции осуществляется первый — теоретический — этап проверки проекта, приближения идеальной модели политики к действительности.

Утопическое отношение к политическим планам возникает уже на самом раннем этапе их обсуждения, когда не подвергаются критике характеристики теории и практики, которые на деле не дают для этого оснований. Назовем этот случай оптимистической (по отношению к проекту) утопией. По-видимому, возможен и вариант пессимистической утопии: выражение необоснованного сомнения и построение на этой основе альтернативного проекта.

Все здесь сказанное отнюдь не означает, что политический процесс никогда не ведет к желаемым результатам и что политика вообще обречена на утопию. Выше уже не раз подчеркивалось решающее условие ее появления в политической действительности: неразгаданность ее, непознанные истоки утопического, незамеченные и неисправленные промахи в политике. Своевременно распознанный и исправленный просчет не порождает сам по себе утопических тенденций в политике. Такие гарантии особенно необходимы нашему обществу.

РАЗДЕЛ III. ОТ ЗНАНИЯ К УБЕЖДЕНИЯМ

Мы переходим теперь к двум наиболее экспансивным системам, которые способны оказывать на политику особенно сильное влияние. Речь пойдет об идеологии и религии. Вспомним, что не экономика, не право, не наука и даже не культура, а идеология вызвала взрыв второй мировой войны, стала непосредственной причиной падения империй после первой и второй мировых войн, а затем привела к расколу мира и «холодной» мировой войне, которая на самом деле вовсе не была холодной и сопровождалась сотнями кровопролитных конфликтов и десятками миллионов жертв, и в конце концов едва не привела к финальной ракетно-ядерной катастрофе. Не упустим из виду, что третья мировая война все-таки началась в форме религиозно-фанатической диверсионной террористической войны архаической части мира против развитых стран.

Обе эти системы — одна в меньшей степени, другая в большей — балансируют на грани сознательного и бессознательного и как и другие системы апеллируют к самознанию человека и общества, который тем самым постоянно оказывается перед выбором: ассимилировать ли рациональное знание или принять его превращенные формы, а значит, и провести демаркационную линию между этими двумя крайностями. Задача эта оказывается тем более сложной, что и эти системы, подобно другим, обращаются к истине и претендуют на обладание ею, и находят для этого аргументы.

Спешу сразу же подчеркнуть, что роль атрибутивных сочетаний этих двух систем отнюдь не абсолютна и не однозначна. Они могут и даже обязаны ходом истории и собственного саморазвития оказывать на политику и целительное воздействие. Гремучая смесь политики и идеологии или веры нередко образуется самой политикой. Если возможна гиперидеологизация политики (в современных тоталитарных режимах, например), то возможна и политизация идеологии и религии. Как и во всех других сочетаниях систем, наши рассуждения и направлены на поиск их благотворного равновесия.

Глава 1

Политика и идеология

Стремление управлять, направлять и контролировать общество неизбежно связано, как всем известно, с выбором идеологических установок, определяющих цели, содержание и смысл политики. Поэтому политика идеологична по самой своей сути. Но идеологичны и экономика, и право, и религия и даже наука. Идеология выступает, следовательно, как некий функционирующий в обществе ценностный модуль, определяющий суть атрибутивных сочетаний, смысл, настроение, убеждение той или иной политики. Это чувственная, человеческая окраска соответствующей системной динамики, вносящая в нее настроение, убеждение, уверенность или просто веру.

Понятие идеологии имеет достаточно известную формализованную историю, о которой пойдет речь ниже, но в действительности идеология такое же древнее и универсальное общественное начало, как и все остальные, — политика, мораль, культура, экономика, право и др. Идеология возникает везде и всегда, как объяснение и оправдание, выражение намерений, чувств, образа мыслей и поведения, принятия решений и их осуществления, наконец, настроений,

мнений, взглядов. Поэтому в самых далеких глубинах истории нетрудно обнаружить идеологические движения борющихся партий, властвующих режимов, их противников и т.д., ярким примером в этом смысле могут служить религиозные идеологии, в которых то и дело возникали новаторские или ретроградные, раскольнические либо еретические идеологии.

Не углубляясь в отдаленное прошлое, отмечу здесь, что, помимо всем известных идеологий, о которых обычно говорят и пишут — «крупных идеологий», последние два столетия отмечены появлением множества других идеологий и идеологических направлений. Напомню некоторые из них. Идеология политических, социальных и культурных реформ, возникшая вслед за началом рабочего движения в Англии и принятия там закона о свободе организации партий и ассоциаций (1832 г.). Волна радикализма или радикальных реформ преобразила к началу XX в. облик Европы, преобразовала избирательное право, публичную (ассоциативную) жизнь множества стран, породила реформы образования, судебной власти и т.д.

Продолжением радикализма стала в конце концов идеология реформизма, безреволюционных преобразований общества. Многократно проклинаясь революционерами «соглашательский» социал-реформизм стал в конце концов политической идеологией и постсоветских преобразований.

Вместе с радикализмом возникли современные формы политико-идеологического романтизма, принимавшего самый различный облик: революционно-самодержавные (наполеоновские войны), имперские (эпоха буржуазного империализма), социал-революционные (расцвет рабочего движения), буржуазных и пролетарских революций, патриотического (период великих войн XX в.) и т.п., вплоть до нацистского расизма и геноцида и современного терроризма.

Вся эта гамма идеологических устремлений, вдохновляющих и сопровождающих политику, порождает активизм энтузиазма всякого рода, включая и революционную нетерпимость и кончая неслыханной жестокостью, которой прославился тоталитаризм.

Помимо этих общих направлений каждая политическая группа или заметная фигура формирует свою «малую» идеологию (я не говорю здесь об идеологиях в других системах), остановимся, как было обещано, на основных из них.

Атрибутивные сочетания идеологии можно разделить на: 1) необходимые и неизбежные (политические, экономические, научные и др. творческие конструктивные ориентации); 2) избыточные и деструктивные, нарушающие функционирование других систем или принуждающие их деградировать. Результаты идеологической атрибуции во всех случаях вариативны. Дело в том, что идеология сама по себе вероятностна и альтернативна, поскольку она может быть или истинной или ложной, и лишь опыт позволяет выяснить, какова она. Таким образом, идеология в значительной мере иррациональна. Неполная и условная рациональность характерна и для самой «истинной» идеологии, учитывая ее альтернативность и вероятностный характер. Комбинация идеологии с другими общественными и политическими началами призвана рационализировать идеологию и сообщить ей содержание и смысл: национальная, государственная, партийная и т.д. Но такая рационализация возможна, если хотя бы отчасти рационален атрибут (наука, экономика и пр.). Если нет, то иррациональность идеологии возрастает («национальный консерватизм», «китайский» или «советский» марксизм и т.п.).

Рациональность и действенность идеологии определяются в новейшей истории еще несколькими факторами с той поры, когда Дестют де Траси ввел в общественное знание понятие «идеология» («Элементы идеологии», 1801—1815 гг.). Это, во-первых, «взрыв идеологий» в середине XIX в., когда рядом с традиционными направлениями (консерватизм, традиционализм, либерализм, индивидуализм) появился целый ряд новых: марксизм, анархизм, бонапартизм, радикализм и мн.др., о которых еще пойдет речь ниже. Это, во-вторых, последующее появление «антиидеологий» — антимарксизм, затем антифашизм и др., вплоть до отрицания права на су-

ществование идеологий в 40–50-х гг. XX в. (Д. Белл и др.). Это, в-третьих, появление в XX столетии многих «неоидеологий»: неомарксизма, неолиберализма, неоконсерватизма. Жизнь идеологий весьма сходна с историческими судьбами религии — с появлением ереси, расколами, реформами, борьбой за чистоту взглядов, отлучением отступников. Идеология не чужда и такого явления, как фундаментализм, то есть следование исходным и незыблемым принципам, правилам, заветам, которые становятся неизменной нормой, нетерпимость к инакомыслию и ксенофобия в сочетании со стабильными стереотипами и предрассудками. Идеологический фундаментализм не исключает и его крайних форм, вплоть до мракобесия и изуверства.

Идеология — это пространство, которое совмещается с другими пространствами — политическим, экономическим, правовым и др. И при этом не существует одного общего и единого идеологического пространства. Оно обычно состоит из многих конкурирующих пространств различных идеологий, что и сказывается на политической картине общества. Попытка же создать одну общую для всех идеологию (например, «государственную») — это либо идеал, либо принуждение, попытка *построить идеократию*, власть идеологии, но точнее — власть гиперидеологизированной политики разных типов — от тоталитарного до либерального.

Справедливость требует сказать, что иррационализация идеологии и ее отношений с политикой и другими системами достаточно ограничена. Существуют и вполне рациональные и общественно значимые виды идеологии, к которым относится, например, *идеология развития*. Она возникла в послевоенные годы в Западной Европе и особенно в Америке в период восстановления и экономического подъема и быстрых социальных изменений, а еще раньше — в СССР в период бурного индустриального подъема, а затем и послевоенного восстановления.

Ряд характерных особенностей отличают эти два идеологических направления, особенно заметных в США и в СССР. Для Америки индивидуальное развитие означало и

означает, как в целом на Западе, профессиональное совершенствование, «свершение», реализацию «американской мечты» — достижения своих жизненных целей. Тактика развития состоит в высококачественном труде. Его стратегия подвергается открытому критическому обсуждению: стала очевидной двойственность прогресса, созидания, которое ведет к разрушению, обозначились противоречия жизни, о которых Д. Белл откровенно писал в работе «Культурные противоречия капитализма», глобальные проблемы и нерешенные задачи развития.

Культивировавшаяся в советское время идеология развития тоже вдохновлялась критическими началами, но не самосознания, а противостояния так называемой «буржуазной идеологии» — апологетике капитализма и т.п.

Эта идеология противоборства не сумела заметить критического самоанализа, обличения кризиса и поисков выхода, которые стали основными мотивами той самой буржуазной идеологии*. Зато никаких сомнений в выбранном пути в советской идеологии не было и не могло быть. Ее внимание было сосредоточено на проблемах трудового воспитания и обучения труду, образования. В этой области были значительные, даже исторически невероятные достижения, особенно в овладении техникой и научными знаниями, учитывая предельно сжатые сроки развития, его изнурительные темпы и слабую общую подготовку большей части населения (вчерашних крестьян, скачка урбанизации с 20 до 80%, интеллигенции в первом поколении и т.д.). Успешно культивировался самоотверженный трудовой героизм, и он несомненно был, но сочетался с работой рывками, в состоянии аффекта (под девизом «даешь план») или страха за пресловутый «срыв плана». Большой проблемой стало в послевоенный период стимулирование труда, поскольку было признано, что один только энтузиазм — стимул вре-

* См., например, работу автора «Проблема экологии в современных западных теориях общественного развития». М., 1982.

менный и недостаточный, а для подлинного материального стимулирования средств не хватает. Этот пробел и была призвана восполнить идеология: нужно было стать стахановцем, бусыгинцем, ударником труда, затем — ударником коммунистического труда, бороться с так хорошо известной штурмовщиной, выполнением плана в последний день или в ночь, тоже последнюю и т.д. Ко всему этому примешивалась и явная политико-идеологическая путаница, догматизм и схоластические споры в философии и других видах гуманитарного знания; незавершенная профессионализация с требованиями воспитывать всесторонне развитого человека и пр., особенно же идеологическое противоречие культурно-исторического и политического характера, высокая инвентивность народа и его способность обучаться и низкая инновативность страны, общества и ее политического руководства. Иными словами, исторически сложившееся противоречие между способностью изобретать (от лат. *inventio*) и нежеланием или инерцией, боязнью реализовывать изобретение. В этом отношении именно политически обоснованная плановая экономика вступала в противоречие с идеологией развития.

Я закончу теперь этот краткий очерк политических функций идеологии и перейду к более детальному анализу одной из основных ее форм в наше время — к очерку либерализма. Мы знаем, как многочисленны различные виды идеологии, и уже успели заметить, что число их определяется лишь не столь значительными частными направлениями. Наиболее влиятельных форм стало меньше. После отступления марксизма остались только две из них: консерватизм и либерализм. Они существуют как две стороны одной медали, как свет и тень. При этом консерватизм, традиционализм всегда был, не исчезал и по всей видимости всегда будет. И не потому, что его ценности вечны, а потому, что в прошлом при желании и даже без него всегда могут отыскаться и подлинные ценности, и иллюзорные, но притягательные, а инертность присуща человеку, так же как проти-

водействие новому и непривычному. По самой своей сути любой опыт — и культурный, и познавательный, и политический — инерционен.

К тому же консерватизм — это надежное прибежище для стойких предрассудков, предвзятых мнений и т.п., вплоть до явного мракобесия — политической и идеологической реакции на противников.

В сущности консерватизм достаточно прост и архаичен. Дело не в том, что он ретрограден, сколько в том, что эта идеология отдает человека во власть прошлого, власть не послушных ему сил — традиций, привычек, отживших правил, порядков. В этом господстве внешних сил сохраняется некое квазирелигиозное начало. Либерализм, напротив, формируется из живого опыта, непосредственно данного, реальной динамики эпохи и понимания ее проблем.

Либерализм требует большего понимания, воспитания, обучения. В политике эта идеология сочетается с более высокой общей и специфической политической культурой. Это более сложная и развитая идеология в сравнении с консерватизмом, следующий шаг в ее общей эволюции.

Как ни покажется странным, неолиберализм возник из идеи государственного участия, т.е. активизации экономических и, в принципе, всех других управляющих функций государства в послевоенной Америке и других странах³¹. В тот же период, точнее в 60-е гг. сформировался неоконсерватизм и закрепился в 70-е гг. как реакция на «буйство 60-х» (борьбу за гражданские права, контр-культуру, студенческий радикализм). С 76 г. термин «неоконсерватор» вошел в оборот и был благосклонно принят приверженцами стабильности, хотя и не без протестов тех, кто считал себя традиционными консерваторами. Неоконсерватизм многое воспринял от либерализма, особенно в его новой элитарной форме. П. Бергер не случайно заметил, что современная американская идеология «глубоко и безошибочно либеральное по вдохновению».

Истоки либерализма

Консенсусный характер демократии — ее условия — сотрудничество, участие, элементарные гражданские качества: доверие, равенство, право, закон, долг, исполнение обязанностей, гражданская и деловая ответственность.

Эти качества и функции от античных времен до нас почти не дошли. Они воссоздавались в средние века и именно в городе. Там они преодолевали тип политической организации родоплеменного и феодального общества, основанной на личных, кровных отношениях, личной преданности, верности клятве и т.п.

В этой же демократической среде ее политическая организация стала школой дальнейшего всеобщего развития демократии и либерализма. Объединению этих начал мешало другое начало политики — геометрия фигур и политических форм, возникновение и движение иерархии, вертикальных отношений господства и подчинения.

Либерализм включал не только согласие, но и **договорность**, что не исключало столкновение и борьбу мнений, проблемы альтернатив, выбора решений. Именно это движение исключает иерархия форм и фигур, геометрия господства. Можно сказать, что общество долго не могло созреть до либеральных отношений, как и до демократии. Феодальная геометрия политики и власти, ее «готическая» архитектоника тормозила это созревание и прямо противостояла ему.

Геометрическим фигурам политики либерализм противопоказан, если он не связан органично с арифметикой массовых демократических процессов. Выбор для иерархической структуры возможен из нескольких вариантов:

1) не допустить вообще массовых процессов (участия в политике) — абсолютистское и самодержавное российское решение;

2) сделать массовое участие в политике организованным сверху и подчиненным вертикальному управлению из центра — авторитарный и тоталитарный выбор;

3) допустить самоорганизацию массовых политических процессов и их самоуправление, т.е. их демократический вариант, и согласовать с ними геометрию управления — вариант античной и современной демократической государственности. Он органически включает либеральную основу отношений и горизонтальных, и вертикальных. Идеальной формой такого устройства служит создание геометрии вертикальных структур управления снизу массовыми горизонтальными арифметическими процессами (античный полис. доимперская демократия в Риме).

Либерализм — это соединение, связь противоположных, взаимно дополняющих друг друга конструктивных начал, в том числе нумерических, горизонтальных, арифметики политических отношений и вертикальной геометрии политических форм.

Возникновение либерализма из реального опыта демократии в духе согласительных политических отношений, свободы политического действия и участия, соответствующих политических и гражданских прав и отношений политического равенства и равенства перед законом — все эти основы либерального *modus vivendi* появились, естественно, задолго до возникновения самого понятия либерализма, его, так сказать, самоопределения, состоявшегося впервые в 1812 г. В кортесах (местном парламентском самоуправлении) испанского города Кадикса либералом называли там члена партии свободы.

Понятно поэтому, что и первые теоретики либерализма выступили до его оформления в законченное идеологическое, политическое, экономическое и любое другое направление теории и общественной практики. Несомненно либеральна, например, концепция власти, политики и права Аристотеля, понимавшего политику как всеобщее, органически присущее человеку свойство заниматься делами общества и государства и при этом человека **свободного**, т.е. члена общества со всеми его правами, общества свободных (не раба), свободно принимающего решения и определяющего свое

участие и просто имеющего свободное время для занятия общими делами. Либеральны и романо-средневековые авторы концепции власти народа, составители Кодекса Юстиниана (529 г. н.э.) и комментариев к нему (дигест) — Ульпин и средневековые продолжатели — Оттон, Уголино (XIII в.), Фома Аквинский, Марсилий Падуанский и др. Либеральны и представления о суверенитете народа, обладателя власти и создателя закона, о зависимом от воли народа правлении (любой модальности — монархического, олигархического, демократического), **титулярности** правителя (т.е. его служебной функции, делегированной ему народом); номинальном характере его власти. Стремление оградить народ от диктатуры монархии, сохранить демократию при любом политическом устройстве государства и представление о договорном характере отношений общества и государства — явно обозначенный чертеж либерализма и демократии и внутренних отношений между гражданами. Либеральные аспекты концепции общественных преобразований Гоббса (народный пакт о самоограничении свободы, самоорганизации из хаоса войны всех против всех, цивилизации общества) — результат длительного исторического развития демократии и ее либеральных основ. История городских коммун Италии и южных районов Западной Европы убедительно свидетельствует о «знаках объективации» либерализма. Политическая организация городских общин и города с его окружением складывалась в борьбе феодальных структур самоуправления с буржуазными и народными формами общинного самоуправления. Как бы ни складывались отношения между группами горожан, общинами и сословиями, образование власти и управления приводило к совместному действию достаточно разработанных механизмов управления. Вертикальные структуры управления из центров власти — представителей королевских наместников (графов, доверенных лиц короля), епископов, наделенных религиозной и светской властью, глав феодальных династий согласовывались с действиями Советов коммун, их органов, должно-

стных лиц и градоначальников. Уже в X—XII вв. невольный и осознанный консенсус властей с характерной тенденцией к компромиссам и разделению прерогатив и функций обозначился достаточно явно. Формирование провинциальных парламентов дополнило этот процесс. По существу, складывалось демократическое и либеральное в своей основе бинарное самоуправление, сочетание централизованных и децентрализованных структур власти.

Борьба за и против демократии и соответственно за или против деспотического государства, в сущности, имеет два решения (а не три, как можно было бы ожидать): либеральное консенсусное (победа демократии или демократизация и либерализация диктаторской, монархической власти) и антилиберальное, деспотическое (авторитарный или тоталитарный режим).

Победа монархических типов государственного устройства, связанная с формированием государства Нового времени, торжество абсолютизма стало торжеством политической геометрии интеграционных структур, доминирующих фигур, сведения арифметических рядов участников управления к единице (монарху), а управление — к иерархии политических фигур.

Либерализм

Три основы происхождения и понимания либерализма:

1. Известна органическая связь либерализма и демократии, хотя и существуют различия между специфически либеральной демократией и другими видами демократии (плебисцитарной, народной, тоталитарной).

2. Трудно выявить общие черты либерализма, т.к. его появление в разных странах не синхронизировано. В Англии — это Славная революция 1688—1689 гг., в Европе — XIX в., в России — буржуазно-демократическая революция 1905 г.

3. В разных странах либерализм решал их конкретные проблемы и потому принимал своеобразный облик.

Отсюда — неопределенность понятия либерализма: он может означать партию или политическое движение, политическую идеологию или метаполитику (этику), особую институциональную структуру или размышление о политике, о наилучшем устройстве политического порядка — либерального и также бытового: мягкость, терпимость, добросердечие и т.д.

Либерализм — это исторический феномен Нового времени с центром тяжести в Европе (или в атлантической зоне), культурную гегемонию которого воспринимают и другие регионы (Австралия, Латинская Америка, Япония). Однако это наименее распространенная, в эпоху деколонизации, из известных идеологий. Это обстоятельство позволяет дать более определенное определение либерализма в ходе его исследования.

Для историка определение либерализма дает его история: либерализм — это исторический факт и, следовательно, совокупность действий и мыслей в определенные моменты европейской и американской истории. Но эти критерии слишком многообразны, чтобы служить точной основой понимания либерализма (тип государства, характер политики или политика, оценка события и т.п.).

Наиболее раннее — бытовое толкование — XVIII в. — открытое, терпимое, благорасположенное настроение и поведение человека, а также профессиональная практика в отличие от занятых механическими ремеслами свободных людей (либеральные искусства и ремесла).

В политике впервые термин «либерал» («либеральный») появляется в 1812 г., о чем уже говорилось выше. В литературе у Мадам де Сталь и у Сисмонди этот термин появляется для обозначения новой этико-политической ориентации, которая начинала укрепляться («либерал»). У Бальзака появляется либерализм — первое употребление (1830 г.).

Широта и неопределенность понятия не позволяют точно судить о характере партий, которые стали именовать себя либеральными. В политике и в парламенте они могут быть консервативными, центристскими, умеренными, прогрессистскими. Традиционно в Англии и Германии — это центристы, способные примерять инновации и консерватизм, в США либералы — агрессивные защитники старых и новых гражданских свобод; в Италии — это защитники экономической свободы и частной собственности. Хайек предлагал вообще отказаться от употребления такого неопределенного наименования партий. Тем не менее были попытки создать их интернациональные объединения.

В XIX в. понятие «либеральный» нередко сочеталось с другими, придавая основным определениям дополнительный (либеральный) оттенок: у монархистов, допускавших ограниченные представительные права, — либерал-монархисты; у националистов, признававших федеральные свободы, но подчинявших их национальной идее, — либерал-национальные партии; либеральные и антиклерикальные христиане, допускавшие отделение церкви от государства — либерал-христианские партии; либерал-демократические партии признавали в ограниченной форме политические права. Все это — направления различных государственников. Им противостояли либералы-либералисты, которые были против всякого вмешательства государства (правительства) во внутренний и внешний рынок («laissez faire laissez passer»). Ни одно из этих направлений не характеризует современный либерализм.

Существует политический либерализм «справедливых средств» — искусства компромисса и соглашений ради инноваций без революции; юридический либерализм (немецкая теория правового государства) законов, охраняющих права индивида, искусство поддерживать status quo, сочетать его с мобилизацией ради сохранения и одновременного обновления.

При этой атрибутивности либерализма и его «метода» монархии сохранялись, становясь конституционными и демократическими и не переходя в республики. Благодаря ему развивается и демократия, несмотря на страх перед якобинством, социалистами и противодействия антидемократических сил. Наконец, существует экономический либерализм, тесно связанный с манчестерской школой: общее благо есть функция блага отдельного человека. Либерализм заставляет забыть издержки подобного индивидуализма и тот факт, что и «абсолютные государства» также выдвигают идею общего блага.

Другая трудность исторических трактовок термина «либеральный» связана с многообразием социо-институциональных структур, в которых выражается это понятие. Согласно английской и французской идее Просвещения, принятой повсеместно в начале XIX в., либерализм означает индивидуализм, и этот индивидуализм направлен не против государства и общества в защиту индивида, единственного носителя этической и экономической жизни, но и против всякого промежуточного общества, стоявшего между государством и индивидом, в котором индивид должен действовать в одиночку как на политическом, так и на экономическом рынке. Но в различных социоинституциональных контекстах либерализм подчеркивал органический характер государства, конечно, синтетического, намеренно созданного людьми элемента из серии особых и естественных ассоциаций, исходящих из понятия *status* (статусной структуры общества), или он добивался свободного функционирования ассоциаций, призванных защищать индивида от государства и от промежуточных институтов, стоящих между ними (политический и экономический рынок), в которых индивид в одиночку борется за себя, и в конечном счете стимулировать политическое участие гражданина, стремящегося уйти в частную жизнь.

Три положения, на которые опирается гражданское общество, также обязаны либерализму. Там, где (как в Англии) оно возникает в XVII в., самостоятельно освобождаясь от

корпоративных структур, индивид представляется «естественно» включенным в общество, а это общественное пространство противостоит правительству, которое всегда рассматривается как неизбежное зло. Там же, где (как во Франции) общество сохраняет свое корпоративное, сословное строение, для освобождения индивида требуется революция, а она с этой же целью принуждает действовать государство, носителя народного суверенитета; народ же не берет на себя посреднической миссии между индивидом и государством. Там, где (как в Германии) сословное общество сохраняется, либерализм формирует органическую концепцию государства, которое поддерживает, не разрушает и не противопоставляет гражданское общество себе, но выступает как его предварительное и необходимое условие и предстает как объяснение его истины.

Из этих трех позиций — ассоциативности, индивидуализма и органической — возникают различные облики или стратегии либерализма, возникшие в результате промышленной революции (см. Токвиля): ориентацию на гражданское общество как на естественную среду свободного развития индивидуальности в оппозиции к власти (правительства); и вторую — ориентацию на государство как на носителя общей воли (Гегель), политического гаранта в конечном счете индивидуальной свободы.

Другая оппозиция, которая доминировала в XVIII в. до середины XIX в., разделявшая континентальный и английский либерализм, обусловлена различными культурными контекстами, и в частности, особой философией практики, на которую эти виды либерализма опирались в своих действиях. В результате мы получаем **этический** либерализм и либерализм утилитаристский. Оба эти направления порывают или готовы порвать с особой формулировкой индивидуализма, которую выработали естественно-правовая и договорная концепции политической философии: обе считали абсолютной целью осуществление прав человека.

Затем они радикально разошлись, что и дало начало либерализму двух типов — этическому, идущему от Руссо (Кант и Констан) и утилитаристскому (Бентам и Джеймс Милль) — они шли от Гоббса.

Для утилитаристского либерализма стремление удовлетворить свои желания — единственный мотив индивида. Вера в возможность гармонизации частных интересов с общественными (публичными) тем не менее существовала.

Она была представлена возможной в том же смысле, в котором формулировались экономические идеи либералистов Адама Смита и Давида Рикардо, т.е. рынка и полезности.

Политические структуры, которые были бы максимализированы на политическом рынке, распространяли утилитаристский расчет на возможно большее число людей и связывали правящих лиц законами рынка. Иначе говоря, утилитаристский либерализм рассчитывал на уравнивающие действия рынка. Это — объективный механизм дисциплинирования индивидуализма.

Либеральное государство возникло раньше самого понятия либерализма, т.е. государство, задача которого — гарантия прав индивида от посягательств политической власти и, следовательно, нуждающегося в тех или иных формах представительства.

Понятие либерализма применяется для характеристики эпохи Реставрации с 1815 г. до революции 1848 г., а в другой системе взглядов применительно к нестабильной эпохе после 1870 г. вместе с другими ее признаками: Realpolitik, максимализм и империализм, гедонизм, этический иррационализм (Кроче) или применительно к кризису либерализма после I-ой мировой войны (Ласки). О либерализме говорят не потому, что в эти периоды осознается, что свобода — это высшая ценность жизни человека и общества, а потому, что это объяснение целой серии форм политического и социального поведения. Даже если обратиться к великим принципам Французской революции.

Либерализм и демократия

Демократия, как свидетельствует ее история, — одна из двух древнейших политических форм. Другая, такая же древняя форма, как известно, — монархия. Не углубляясь здесь в проблемы их конкуренции, отмечу лишь, что идеология и той и другой эволюционировала почти параллельно. Нам известны и подлинно народные (в Афинах) формы демократии, и аристократические (в Риме), и тоталитарные (в древней Спарте), и демократии классовых диктатур (буржуазной и пролетарской), и партийной (в советский период), и т.д., и т.п. Все они — и это тоже хорошо известно — отжили свой век. Осталась лишь одна жизнеспособная идеология демократического процесса — либеральная. Разумеется, существуют и демохристианские, и социалистические, и «рабочие» (лейбористские), и республиканские разновидности идеологии, по существу — неолиберальные. Все они зиждутся на либеральной основе.

Показательно при этом, что ни консерватизм, ни какой-либо центризм или не могут построить подлинно демократический режим, или создают его квазидемократические, а то и просто авторитарные формы. Тогда демократия превращается в некий миф. К анализу политической мифологии мы теперь и обратимся.

От идеологии к мифологии

По многим признакам — подсознательным мотивировкам, аффективности представлений, ориентации на бессознательное, превращенные формы знания и его замену верой, которая легко переходит в доверие и даже несмотря на ряд позитивных моментов, таких, как воодушевление, стимулирование убеждений, действий и т.п., идеология нередко сближается с мифологией — политической мифологией в нашем случае. Забегу вперед и скажу, что мы приближаемся к рели-

гиозной общественной системе. Миф соединяет идеологию и религию, хотя политическая мифология — а мы будем говорить только о ней — наделена особой спецификой.

Политическая мифология — сравнительно мало изученный сюжет политической науки и философии, в сравнении с почти не изученной политической утопией. Хотя большинство исследований мифа посвящено его архаическим формам, и занимались изучением мифа антропологи (Тейлор, Фрезер), этнологи (Малиновский, Дюркгейм), социальные психологи (тот же Дюркгейм), социолингвисты (Барт), социальные философы (И.С. Гуревич)³², собственно политической мифологией, в сущности, интересовались немногие. Особое место в этих исследованиях занимает мало известная у нас работа Э.Кассирера «Миф о государстве», о которой пойдет речь ниже.

Одна из особенностей анализа мифологии — не замеченная исследователями связь мифа и утопии. Между тем связь их несомненна и органична, и о ней следует сказать, прежде чем перейти к проблемам политической мифологии, ибо миф — это идеология утопии, ее мировоззрение и интеллектуальный материал, превращенная форма действительности, как и утопия. Идентичность данных иррациональных форм этим не исчерпывается. Миф так же вездесущ и навязчив, как и утопия. Мифологическое восприятие действительности так же возникает в сознании, как и утопическое, и оно столь же трудно преодолимо. Миф и утопия в равной мере отождествляют объективное и субъективное, вещь и ее образ, внутреннее и внешнее, существенное и его подобие, действительность и иллюзию реальности. Миф предрасполагает к образованию утопических иллюзий, он и источник утопии, и ее первичная форма. И все же эти две формы иррационального отношения к действительности существенно различаются. И утопии, и мифы наделены интенциональной этикой, деонтологическими функциями, могут в равной мере концентрировать надежды, идеалы и расчеты, но утопии, точнее определенные классы утопий, сбываются³³,

мифы же — никогда. Миф неизменно остается иллюзорным образом действительности. Невероятный в одних условиях утопический проект, как только что отмечалось, может стать реальностью в иных условиях, но он может и исчезнуть, стать преданием глубокой старины. Может утратить актуальность и миф, но не исчезает ни утопия, ни мифология как форма и способ отношений между человеком и миром. Политический миф — одно из самых живучих и актуальных ее проявлений, не утопия, не предрасположение к ней. Миф — это посредник между подлинным знанием и нераспознанным заблуждением, с которого начинается утопия.

Утопии сменяются, мифы же остаются. Утопия — это конкретизация мифа. Так миф о благом правлении как историческая универсалия может превращаться в мифы о реальных или вымышленных правителях и в утопии иного, лучшего общественного устройства: Платоновской республики, государствах Мора, Кампанеллы, «утопического», а затем и «научного» социализма и т.д.

Утопия структурно сложнее мифа. Она, как правило, состоит из трех частей: критической (анализ и отрицание действительности), проективной (идея и проект иной действительности) и конструктивной, созидательной (осуществление проекта, если оно возможно). Миф одночастен, и лишь в скрытом виде включает критику, ибо отрицает нечто такое, что находится за его пределами, но не негативную, а подлинную реальность.

Разгадка живучести мифа и других его тайн — это ответ на вопрос, закономерен ли миф, может ли он быть закономерным аспектом восприятия и отражения социальной и исторической реальности или же это аномалия сознания? Иначе говоря, возможна ли полная рациональность сознания, политического в том числе, или оно включает неизбежное иррациональное начало и миф неизбежен? Если это так, то каковы истоки такого начала?

Одну из первых попыток объяснить миф предприняла, как мы знаем, европейская философская классика. Чтобы открыть его тайны, она погружалась в область мифологического и оказывалась в плену мифологии, и сама порождала новые философские мифологемы.

Поиски места и функций иррационального в индивидуальном и коллективном сознании продолжают и в наше время. Они привели Э.Кассирера к характерной идентификации явлений сознания и их проявлений: искусство — это единство интуиций, наука — единство мысли, религия и миф — единство чувств³⁴ ... «Искусство, — пишет он, — открывает нам мир живых форм; наука — мир законов и принципов; религия и миф опираются на сознание универсальности фундаментального единства жизни»³⁵.

Политическая мифология и философия Нового времени

Мысль Кассирера выглядит на первый взгляд как апология мифа, но вольно или невольно он дает ему беспристрастное объяснение: миф создает представление об универсальности и единстве жизни, не зная ее законов и принципов и даже не опираясь на плодотворные интуиции. В самом деле, миф, заменяющий знание, — это действительность истории и современности и даже неизбежность будущего. Поэтому и предпринимались попытки подыскать ему специфическую социальную субстанцию, некую особую онтологическую нишу (сферу чувств) или особую эпистемологическую функцию (объяснение «фундаментального единства жизни»). В самом деле, в искусстве и в науке, о которых говорит Кассирер, не только возможно мифотворчество, но оно их буквально переполняет. Мифы новаторства в искусстве, его современности, создание превращенных форм отображения мира и самого творчества — постоянное и притом разрастающееся явление. Научные мифы также хорошо изве-

стны, даже если не говорить о намеренных фальсификациях («лысенковщина») или ошибочных учениях, таких, например, как птолемеевская модель солнечной системы, всевозможных «флогистонов», «сил» и т.п. Мифология безопасного и безграничного прогресса, беспредельности общественного развития и мн.др. гипотезы и планы распространены не менее. Незнание предельного, ограниченного характера познавательных и созидательных процессов и вероятностной природы многих из них — постоянный источник все новых и новых мифов. Не случайно истинное знание обычно рождается в борьбе с ними, с замещением знания и фактов их символическими формулами, шаманством иносказаний и метафор. Если мифотворчество — не свойство каких-либо отдельных форм сознания и видов деятельности, то приходится тем не менее констатировать всеобщность и историческую устойчивость мифа. Значит, он все-таки обладает определенным онтологическим статусом и поэтому может быть построена некая теория мифологии. Обратимся к опытам построения такой теории.

Известно, какими мифами завершился просветительский культ Разума: и мифом победоносной освободительной революции, и мифом бонапартистской завоевательной модернизации Европы и даже мира (Египетский поход Наполеона и его план присоединения Индии к Европе). В конце концов идея безграничных возможностей Разума и рационализм энциклопедистов тоже стали мифами, чему немало способствовала романтическая критика Просвещения. Еще резче развернулась, как известно, консервативная реакция на революцию и ее достояние — конституцию, демократию, идею неотчуждаемых прав человека, которые Э.Берк объявил призывом к анархии и самой анархией. Вся антиреволюционная критика была направлена на превращение политико-идеологических концепций революции в систему мифов, что было недалеко от истины в условиях того времени.

Между тем и английская, и особенно французская и немецкая романтическая критика³⁶ сводилась к созданию новой формы консервативной и просто реакционной мифологии. Рационализму Просвещения немецкие романтики прямо противопоставляли интерес к мифу. Не случайно в XIX в. культ мифа так глубоко проник в немецкую культуру и политику, в искусство (Вагнер), философию (Ницше), в немецкую милитарную традицию. Одна мифология сменяла другую. Между тем для построения теории мифа требовалось выйти за его пределы. Впрочем, между идеологиями Просвещения XVIII в. и его критикой XIX в. и теми двумя ориентациями мифологии, которые с ними связаны, существует радикальное различие, которое особенно подчеркивали романтики: разное отношение к истории. Как обычно случается, явственно обозначились при этом две политико-идеологические ориентации: мифология будущего и мифология прошлого. Немецкие романтики обращались к прошлому, которое они мифологизировали (откуда всякие героические мифы о славных предках), просветители же якобы не интересовались историей, в чем их и обвиняли. На самом деле, как верно отмечает Кассирер³⁷, просветители миновали прошлое, которое они оценивали критически, и были ориентированы в будущее. Для них историческое оправдание прошлого и настоящего было противоразумно. Смысл их политической философии состоял в отказе от всего, что теряло этическую ценность, а значит, теряло и теоретическую ценность. В истории они искали не оправданий и объяснений, а универсальный «предварительный опыт» будущего³⁸. Для романтиков же существовали не всеобщие законы истории, а законы истории каждой эпохи («школа исторического права»).

Отсюда и принципиально разные отношения к мифу этих двух политико-философских ориентаций. Для мыслителей Просвещения миф был проявлением варварства, несовместимым с философией, подобно несовместимости тьмы и света. Для романтиков миф был главным источником культуры — истории, искусства и поэзии. Философия,

которая игнорирует этот источник, поверхностна и ложна. Романтическая философия истории (Шеллинг, Шлегель) отводит мифу «истинное и справедливое» место в цивилизации, где рядом с философией природы, истории и искусства располагается и философия мифологии³⁹. Близко к романтическому истолкованию мифа и известное представление Гегеля об истории как о продукте слепой воли («царство Духа») и потому она иррациональна, и Разум, инструмент этой воли, орудие ее власти, неизбежно несет иррациональное начало («Лекции по философии истории»). Это, впрочем, уже не утверждение мифа, а скорее стремление объяснить его. Следующим, более близким к истине и не столь мистифицированным, стало представление о власти воли как о проявлении социального инстинкта: инстинкт, а не разум — подлинный властелин мира (Шопенгауэр «Мир как воля и представление»). Новым шагом в этом направлении станет впоследствии открытие сексуальной природы инстинкта, которое сублимировал Фрейд. Иррациональность конкретизировалась. От гегелевских абстракций она перешла в подсознание реального человека. Оставалось объяснить участие подсознательного в формировании мифологического сознания. Так пролегла траектория немецких философских исследований современного мифа. Французские же, а также английские романтики раскололись на две фракции. Одни мифологизировали абсолютизм и его клерикальные санкции, другие, как известно, создавали новые мифы утопического будущего. Увлечение мифом имело важные культурные последствия. Из мифологии как достояния и объяснения истории возник и язык романтиков — язык иероглифов, загадок и священных символов, ставший, кстати сказать, ключом эстетики романтиков (вспомним хотя бы Гофмана и Вагнера⁴⁰), которая всегда присуща политической мифологии, и в послеромантическую эпоху особенно глубоко проникла в политику в форме специфических политических шифров, иносказаний, вошла в стилистику государственных или партийных документов с двойным смыс-

лом — открытым, но мифологическим (сообщения об успехах, победах, достижениях и проектах) и скрытым, но отражающим действительное положение вещей. Не случайно школа политической лингвистики занимается именно скрытым смыслом политической речи. Естественно, немецкие романтики не повинны в последующих политических превращениях созданной ими мифологии. Их патриотизм, национализм не были агрессивны, а политику они поэтизировали, если вообще ею интересовались. Скорее Гегель создавал миф этатизма, культ государства, не говоря уже об этатизме французских и английских романтиков традиционалистского монархо-клерикального толка. Этатистские политические идеи немецких романтиков, когда они у них возникали, были подчинены идеалам чувства и эстетики. Но тем самым создавался новый эстетический миф политики: Новалис восхищался красотой государства. Персонифицированную Макиавелли власть в образе всемогущего государя, повелевающего безвольным окружением, Новалис наделяет красотой идеальной гармонии: «Артист среди артистов — таков подлинный государь... Суверен направляет многообразный и бесконечный спектакль, в котором зал и сцена, актеры и зрители составляют одно целое, сам же государь — поэт, режиссер и герой пьесы»⁴¹.

Романтики не повинны и в том, что их эстетический миф был предан мифологией совсем иного рода. Тем не менее существует мнение, что их гуманистическая апологетика открыла дорогу мифам тоталитарного государства⁴².

Так или иначе в социальном и политическом сознании Европы (и, вероятно, не только Европы) возникла антиномия двух ориентаций мифологии — романтической традиционалистской, консервативной и футуристической, вбирающей надежды на то или иное свершение: преобразование мира, «новое» общество, появление нового человека, безграничность прогресса либо мифы мирового господства, национальной или расовой перестройки, мирового порядка и т.п.

И то, и другое направление мифотворчества могут взаимодействовать. На этом взаимодействии основаны реставрационные и реваншистские мифы: обращенные в будущее, они исходят из мифов прошлого.

Вся значительная мифология связана с теми или иными универсальными ценностями: античным космизмом, трансцендентальной идеей потустороннего мира, мирового духа, вселенским единообразием истории и судеб человечества, культами природы, власти или безвластия (анархизм), идеей господства над природой, над человеком с его переделкой или без нее и т.п. Поэтому такая мифология без усилий коллективизируется в нормальную форму массового сознания.

Однако всегда существовал и способ индивидуализировать миф в мифологии богов и героев, которыми оказывались не только персонажи легенд, но и реальные люди и группы людей. Новый, романтический вариант архаического героического мифа создал в 1840 г. Т. Карлайль, теперь уже почти забытый, но плодовитый и в свое время хорошо известный. Напомним, что Карлайль провозгласил культ героев самым солидным элементом культуры и истории, «вечную надежду на организацию мира»: «Если бы исчезли все традиции, все порядки, все верования и все формы общества, которые человек сумел создать, он (культ героев) сохранился бы...»⁴³.

В Карлайле не случайно видят теоретического предшественника современного нацистского вождизма⁴⁴. Вряд ли, впрочем, национал-социализм, например, или советский «культ личности» нуждались в столь солидной интеллектуальной подготовке⁴⁵. К тому же Европа имела немалый опыт мифологической героизации: бонапартизм родился задолго до Карлайля. Но так или иначе старый политический опыт получил теоретическое обоснование. Готовился XX в.

Новый шаг к современной массовой политической мифологии сделала и теория коллективного мифа. В 1853-1855 гг. появился известный в свое время труд французского автора, отдаленный отголосок романтических увлечений

национальными проблемами. Это была работа Гобино о неравенстве рас⁴⁶. Расизм тоже не был новинкой. Хорошо известно отношение античных греков к варварам, имперский расизм Рима, колониальный расизм средневековой и новой Европы. Чего стоит, например, решение папского престола об отсутствии души у туземцев Америки, т.е. о праве их уничтожать? Гобино делал из неравенства рас вывод об их вырождении и гибели. Современная мифология расизма попросту открыла, что эту гибель можно организовать и ускорить. Оставалось еще объяснить, какая раса осуществит эту задачу, что и было сделано в XX в., когда один из самых зловещих политических мифов — националистический и расистский — был приведен в действие.

Одновременно с теоретической подготовкой современного мифа, вместе с ростом милитаризма и шовинизма, готовилась благоприятная почва для соответствующей мифологической идеи. Культивировалось особое свойство мифологического сознания — некритическое отношение к себе и к содержанию мифа и вообще непонимание самого факта его сотворения. Оно дополняется критическим отношением к тому, что не отвечает содержанию мифа или прямо ему противоречит. Общая универсальная черта мифологии — нетерпимость в борьбе мнений в обществе. Именно на политической почве преимущественно возникают мифы и разворачивается их соперничество. XIX век положил начало и другой исторической и национальной идеологии не столь универсального, партикулярного типа и свободной от агрессивности; мифологизированной идеологии романтического толка, служащей формированию национального и исторического самосознания — поискам национальной идеи или исторического призвания. У немецких романтиков этот поиск обозначен уже известной нам триадой «история, природа и искусство» с индивидуалистической окраской, в России ее аналогом стала коллективистская и политизированная триада славянофилов: «православие, самодержавие, народность».

Универсализм и партикуляризм — две конкурирующие тенденции мифологии, которые легко переходят друг в друга. И национальная мифология может носить интернациональный характер (ранний немецкий романтизм, советский догматический революционный романтизм — «советский образ жизни», «советский характер», «советский народ» и т.п.), но он легко перерождается в партикуляризм, в идею исключительности, самобытности, в поиск «национальной идеи» — «немецкого народного духа», особой русской духовности, мессианского предназначения преобразовать историю, общество, человека (Франция XVIII в., Германия, Россия, современная Америка).

При всем тяготении к универсальности миф необходимо конкретизируется, но принципы его универсальности сохраняются как неперемнное всеобщее начало мифосозидания. Так появляются конкретные мифы самообоьщения, энтузиазма, единства, доверия, веры и т.п. универсальные достояния повседневной политики и реальной идеологии.

Конкретные виды политических мифов

Нам снова придется вернуться к истории. Исторический миф — сильное политическое оружие при том еще, что в истории, пожалуй, больше мифов, чем достоверных фактов, преданий и легенд — мифов, которые сами стали фактами истории: такие достославные события, как собрание швейцарских крестьян в Рютли 1291 г., где было якобы решено отделиться от Австрийской империи; подвиг В.Телля; штурм Бастилии, взятие Зимнего и прочие привлекательные вымыслы, украшающие историческое сознание.

Сублимация истории («героический подвиг») — это усилие сознания возвыситься над реальностью, и прежде всего убрать из прошлого негативное и недостойное, что и без особых вымыслов уже превращает историю в миф о прошлом. Миф в истории обеспечивает «связь времен»: героизация

прошлого готовит героическое настоящее и будущее. Миф оказывается средством социальной мобилизации, если общество оказывается неспособным решать свои задачи рационально и без невротических усилий, а следовательно, без их мифологизации. В таком случае жизнь из нормального процесса превращается в серию подвигов: «битва за урожай», «покорение природы», «поворот рек» и т.п. Когда организующим и мобилизующим общественным началом становится тот или иной миф, можно, конечно, говорить об эффективности мифологии, но приходится признавать и несомненную слабость общества, которое не может без нее обойтись. Вряд ли, впрочем, существуют «сильные» общества, свободные от мифов.

Побуждающие свойства мифа во многом объясняются эмоциональностью мифа, его непосредственной чувственностью, что и позволяет заменять действительные формы социального стимулирования превращенными, отчего миф и становится сильным индивидуальным и коллективным допингом, заставляет жить и трудиться в состоянии аффекта, в постоянном напряжении. «Пятилетка — в четыре года», «перевыполнение плана», «догоним и перегоним», мифология нарастающего пафоса: «передовик производства», «ударник» и т.д., всевозможные «движения за» (рекордные надои молока, экономию топлива, миллионный пробег автомобиля и т.д. и т.п.) превращали деловую жизнь общества в «накал страстей», которого оно долго выдержать не могло, и он становился фиктивным, превращаясь в миф, тем более, что мифы-однодневки возникали и исчезали на фоне грандиозных исторических мифов о строительстве нового общества, создания нового народа (советского) и новой общественной формации. Связь между этими двумя уровнями мифологии обеспечивалась особыми инструментальными мифами среднего уровня: из арсенала мифов о героях — «маяках» труда, мифами о выдающихся производственниках, о мудром всезнающем руководстве, его направляющей силе, могуществе государства и т.д.

На деле же, как мы убеждались в итоге прошедших десятилетий, система стимулирования, которую можно было бы признать одним из действенных методов управления, оказывается мифотворчеством, она обеспечивала, наряду с реальными достижениями, гиперэксплуатацию, манипуляцию, жестокое принуждение и безудержную демагогию.

По другую сторону политических, идеологических и географических рубежей вся эта фантазмагория выглядела иначе, под другими лозунгами, но повторялась по существу и по содержанию: предельная самоотдача и жертвенность во имя «великой Германии», «нового порядка», «третьего Рейха» и пр. В эпохи высокой и тем более спазматической политической активности присутствие мифа глубоко определяет состояние общественного и индивидуального сознания, особенно же сильны всплески мифотворчества в кризисные периоды исторической ломки — войн, революций, реформ. Мифологическое сознание в такие эпохи наиболее подвижно и дифференцировано.

Представление о мифе как о коллективном бессознательном неполно и не исчерпывает его глубинного смысла. Что миф может быть не только коллективным, но и индивидуальным, вероятно, не вызывает сомнений. Более того, современный миф (в отличие от традиционного, архаического) сталкивается со свободой индивидуального сознания, которое может его принимать или отвергать. В достаточно активном индивидуальном сознании миф может возникать и функционировать, прежде чем он способен стать коллективным. При этом коллективность эта относительна, она может быть ограничена сообществом единомышленников (товарищей по партии, их последователей и т.п.). Важнее, однако, другое возражение против привычной формулы: миф и мифотворчество могут быть осознанными, индивидуальными по происхождению, исходить от того или иного лица (лидера, идеолога, инициатора) или группы лиц, представляющих какую-либо политическую или иную силу, поскольку возможна рационализация мифа и мифотворчества. Если

мы говорим о современном мифе и тем более политическом, то он может быть целенаправленным (целерациональным), предназначенным культивировать иллюзии, героику, величие вождя или какой-либо идеи, создавать фиктивную, иллюзорную реальность, с которой приходится считаться, а значит, уходить от действительности. Поэтому в мифологии и прошлого и нашего времени сочетаются сознательное и бессознательное, рациональное и иррациональное. Рациональное начало в этом случае обычно связано с обдуманым замыслом, иррациональное — с неосмысленным восприятием и распространением мифа. На стадии бессознательного сказывается эмоциональность мифа, тяга к иллюзиям, жажда утешения и ощущения надежности. Влечение к утешительному мифу — это осознанное или бессознательное влечение к пассивности, бездеятельности («за нас думают и о нас заботятся»).

Миф как символ неопределенности, обозначение вероятностного процесса импонирует такому его безвольному восприятию. Он вовлекает в ожидание судьбы и удачи, прямо по Макиавелли, полагавшего, что удача — неперменный фактор истории народов и государств.

Будучи символической, превращенной формой действительности, миф оказывается, как считает Э.Кассирер, одной из символических форм культуры, создаваемой воображением и переосмыслением реальности, подобно созданию искусства⁴⁷. И в самом деле, мифология, мифотворчество — это своеобразное искусство создавать вымышленные подобию подлинной реальности. Такие символические формы — это возникающее в сознании необходимое или неизбежное, либо желаемое субъективное, кажущееся соответствие объективному. В этом сочетании субъективное достаточно свободно, чтобы уходить от действительности в область вымысла, преображенной, превращенной реальности.

К рациональным формам мифа можно отнести интернациональные мифологические универсалии, такие, как все-силые Разума у просветителей, культ природы и истории у

романтиков, связь религии и национального начала (А. Шлегель), исторических и общественных функций чувства и эстетики у Новалиса (полагавшего, что прекрасное может быть критерием государственности), сочетание всемогущего государя и его безвольного окружения (Макиавелли), космизм и рационализм политики и власти (античная политическая мысль, Платон), подобие небесного и земного. Вселенское религиозное единобожие (католицизм, христианство вообще, мусульманство) и т.п.

Один из распространенных мифов о власти, наряду с самыми древними — мифами народоправия, непререкаемости закона, суверенитета народа, властителя, непогрешимости (римского папы, современного политического вождя), фюрерства и мн.др. — миф о государстве. Он играл и продолжает играть важнейшую роль в политике и получил фундаментальное политико-философское обоснование. Суть его — в доказательстве необычной природы государства, его трансцендентного характера, т.е. способности восходить к высшим ценностям, воплощать их и превосходить функции других политических образований.

У культа государства, как известно, богатые традиции — от божественного предопределения государственной власти до апологии абсолютизма и тоталитаризма. Воспользуемся примером гегелевской трактовки государства и последующего перевоплощения идей великого мыслителя (по известным текстам Гегеля — «Философия права», «Философия религии», «Феноменология духа», «Лекции по философии истории» и др.).

Апология государства начинается у Гегеля с традиционного восхождения к надчеловеческим легитимациям — сущности исторической жизни, к природе (государство как предварительное условие природы), к божественной идее (государство — ее воплощение), к сфере «объективного духа», к которой относится государство и трансцендирует вместе с нею в царство «объективной идеи». В результате государство доминирует в «пространстве финальности», т.е. в сфере

целей, средств и в общественном окружении — в сфере выбора, случайностей и ошибок изменяющегося мира. Разумеется, такое государство — совершенная и высшая реальность, оно доминирует над индивидом, является воплощением его или обладает «истиной власти» и «объективной моральностью» и потому ему чужда субъективная моральность индивида, оно не несет и никакого гуманизма. Государство — это агрегат, регулирующий индивидуальные воли⁴⁸. Отпадает тем самым естественно-правовая концепция государства как результата общественного договора и вместе с нею многовековая (хотя и мифологизированная) традиция демократического народного представительства и передачи власти народом — правителю, возникшая в античном мире и развитая в романо-средневековой Европе в трудах комментаторов Кодекса Юстиниана 529 г. (Ульпина и др.) и в последующем в произведениях Ульпина, Фомы Аквинского, Марсилия Падуанского и мн. других теоретиков народного суверенитета и государственной власти. Традиция, которая, как известно, прослеживается и в Новое время у Гоббса и Локка, а затем и у просветителей, и ранних теоретиков современной демократии. Этатизм Гегеля, естественно, означал очевидный разрыв с нею.

Гегель оказывается, таким образом, создателем не только апологетического мифа современного ему абсолютизма, но и предтечей современного нам учения о тоталитарном государстве со всей его хорошо известной апологетической мифологией⁴⁹.

Психология и теория мифомании

В каждую эпоху мифологизации истории (прошлого, настоящего, будущего) в обществе возникает мифомания и появляются ее яркие представители (Ницше, Вагнер), летописцы и пророки. Терапевтическая функция мифа, врачующего, т.е. мистифицирующего действительность, слишком

притягательна. Для политических партий мифотворчество прямо-таки одна из основных специальностей, непреходящий компонент социального проектирования: жажда веры, надежды и обещания, неистребимая иррациональность — составная часть попыток познать непознанное политическое настоящее и непознаваемое политическое будущее.

Возникает вопрос, почему люди или склонны, или даже стремятся видеть вещи не такими, каковы они есть, и предавать им иллюзорный смысл? Эта одна из загадок мифологии и утопии: склонность к иллюзиям, иррациональному и к неосмысленным реакциям на события и вызовы времени. Без этой склонности противоположное стремление к рациональности неизменно побеждало бы. Значит, существуют факторы, которые стимулируют мифологическое.

Наиболее раннюю попытку объяснить этот феномен сделали исследователи религий (особенно древних)⁵⁰. Целью этих исследований было построение общей теории эмоций на материале религиозного сознания. Древняя мифология и религиозность идентичны, и потому такая теория могла бы послужить и созданию теории мифа, хотя современная и, в частности, политическая мифология существенно отличается от религиозности. Их по-прежнему, несомненно, сближают эмоциональное начало обеих этих форм сознания и их ритуальная стимуляция, поскольку, к тому же, и сам ритуал всегда эмоционален. Современная политическая мифология не избавилась от неизбежного ритуального начала, хотя формы ее ритуальности изменились. Они уже не связаны (или почти не связаны) со сверхъестественными потусторонними силами, но по-прежнему связаны с социальными ритуалами (культами, нерелигиозными формами веры, знаками почета, политическими и идеологическими формулами, сценическими действиями — шествиями, манифестациями и пр.). Аффективность мифа тем самым не вызывает сомнений, так же как и религиозной веры (и веры любой вообще). Сложнее объяснить природу мифологической эмоциональности (как, впрочем, и религиозной), рациональна ли она,

т.е. может ли быть вызвана намеренно и целенаправленно или иррациональна, т.е. эмотивна. Проблема эта была, как известно, актуальна и в отношении религии. Первоначально классический миф архаических эпох был в принципе иррационален, он не требовал объяснений, их заменяли предания, легенды, вымыслы, которые принимались на веру. Иррациональная по сути религия, основанная на вере (политеистическая или монотеистическая), напротив, в определенной мере всегда рационализировалась по общему принципу взаимодействия рациональных и иррациональных начал. Легенды о сотворении мира, списки божественных законов, запретов и санкций, толкования священных текстов, сама их запись, которая превращала их в документ, вероучения, проповеди и т.п. — все это способы рационализации веры, рациональных доказательств бытия бога (или богов) и договорных отношений с ними (заветов). Эта доля религиозного рационализма в некоторых религиях (особенно в западном христианстве) с течением времени постепенно возрастала в связи с необходимостью более современного объяснения творения (идеи сотворчества человека и бога, непротиворечивых отношений веры и науки и др.).

В отличие от религии архаический, исконный миф не рационализировался, он не нуждался в обосновании. Странно было бы его носителям сомневаться в существовании и в подвигах Геракла или Ильи Муромца. Единственной, но своеобразной формой легитимации такого мифа может, пожалуй, служить безоговорочное доверие аудитории и авторитет рассказчика.

Стимулом рационализации иррациональных начал мифологического сознания служит его отношение к функциональному политическому времени, ко времени истории. Религия обращена к вечности, поэтому она легитимируется во всех трех временах. Архаический миф обращен к прошлому, которое не требует рационализации. Политический и вооб-

ше социальный миф обращен к настоящему и к будущему, поэтому он непременно актуализируется и потому проходит процедуру рационализации.

В этой связи в политической мифологии произошла радикальная перестройка отношений рационального и иррационального. В отличие от архаического мифа его светские, в особенности политические, виды начинались не с иррациональной идеи, которая затем рационализировалась, а с рационального замысла, который потом обдуманно наполнялся иррациональным по сути, хотя и рациональным по форме содержанием (достижения, успехи, обещания, демонстрация могущества, прозорливости и т.п.), но и эта формальная рациональность обычно принимала иррациональный облик с культами, ритуалами, символами действительности. Сама эмоциональность получала достаточно рациональные импульсы, коль скоро миф включал реальные ценности (справедливость, свобода, разум, политическое могущество, достопамятная история), возвеличивал реально существовавших или существующих героев, действительно позитивные идеи. Целенаправленное мифотворчество рационализирует мифологическое сознание.

Остается, впрочем, вопрос о характере самой мифосозидающей рациональности. Конечно, рационализация иррационального образует неподлинную рациональность, рациональность превращенных форм, и она, разумеется, не изменяет иррациональную природу мифа. Но его эмоциональную, чувственную основу она формирует и делает ее как бы более оправданной.

Рационализация или, точнее, псевдорационализация мифа, естественно, нуждается в аргументах. Таким аргументом может служить сама первичная эмоция — благоприятная или неблагоприятная реакция: неприятие либо безусловное доверие («голос вождя»). Но этот импульс может угаснуть. Это случится, если последующая рационализация (рассудочный контроль, действие «второго Я» или фрейдовского «Супер Эго») опровергнет эту эмоцию. Миф возник-

нет под действием иной рационализации, которая наполнит рассудочный процесс, ведущий от инстинктов, эмоций, чувств к убеждениям, некритическим содержанием, подсказанным или заимствованным.

Такая ментальная экспозиция открывает путь к ощущениям, чувствам и от них — к идеям, т.е. к полному восприятию мифа, избавляет и от дальнейшей аргументации. Вместе с тем существует класс мифов, для которых особенно важен первоначальный толчок, формирование символа, он-то и открывает путь к бессознательному, которое кажется осознанным. Таков, например, путь мифов-предрассудков, в частности националистических и политико-идеологических. Достаточно первичной эмоции при слове «агент», «лицо кавказской национальности», чтобы привести в движение механизм символических клише соответствующих состояний сознания. Таков же, например, эмоциональный спусковой механизм клеветы, слухов, интриг и демагогии, вплоть до коллективных и интеллектуальных психозов и неврозов (все-европейская «охота на ведьм» XVI-XVII вв., немецкий расизм, культы вождей, борьба с «врагами народа», китайская «культурная революция» и другие патологические мифы «очищения»).

Общая схема психологических основ мифологического сознания и поведения представляется следующим образом.

1. Формирование индивидуального и коллективного мифологического сознания, эмоционально-чувственный аспект.

Иррациональная стадия. Ситуационные аффекты и эмоции (например, возникновение непонятого и нежелательного события; появление символа — «враг», «чужой» и т.п.; появление слуха, начало паники и т.д.) → эмоциональная, инстинктивная, чувственная реакция → эмоциональное побуждение к установке сознания на восприятие фиктивной информации и образованию ложных ассоциативных связей, подготовка перехода к выбору поведения и принятию решения.

Патогенный вариант: гипертрофированная эмоциональность → повышенная реактивность → эмотивное поведение (паника, испуг, индивидуальная или коллективная истерия, невроты и психозы).

2. Функционирование мифологического сознания. Движение от ситуативных к устойчивым состояниям ложного сознания; рационализированная стадия образования идей, убеждений, норм, ценностей → формирование общественного мнения, массовых действий, движений, партий, объединений на мифологической основе. Не обязательна при этом непосредственная связь конкретной эмоции с определенным мифом, часто достаточно некоего общего эмоционального фона (например, недовольства положением вещей, раздражения, неприятия какого-либо правящего лица) остальное — дело фантазии, нарочитых подсказок или слухов.

Расстройства коллективного сознания: патологическая реактивность, индивидуальные и коллективные истерики, невроты и психозы (шпиономания, поиски врагов, заговоров, идеологических и политических отступников, еретиков и т.п.). В этом негативном варианте (теории заговора, козней врагов, иноверцев и инакомыслящих) осознанная стимуляция националистических, идеологических, политических и прочих предрассудков — обоснование нетерпимости, гонений, репрессий.

Сознательное мифотворчество может ориентировать общественное сознание и в позитивном направлении (мифы социального, экономического, политического развития, идеи желательных и благодетельных, хотя и не подкрепленных действием и концепциями преобразований). Функция мифа состоит в объективировании индивидуальных и коллективных эмоций и их превращений в подобие социального опыта, в систему позитивных социальных ценностей. Свобода, равенство, право, прогресс — это и достижения, и иллюзии. Эта двойственность вполне объяснима. Позитивные иллюзии тоже могут быть безотчетными. Миф освобождает от знания, от умственных усилий, связанных с восприятием мира. Миф освобождает тем самым его носи-

теля и от индивидуальности с ее обязательствами — самопознанием, критической ориентацией сознания, объективной самооценкой, от той индивидуальности, которую миф растворяет в общем мнении, в сложившихся и, как правило, условных представлениях.

Соотношение рационального и иррационального отнюдь не сводится к вытеснению иррациональных начал рациональными. Оно гораздо сложнее: оба начала взаимодействуют в мифологическом сознании. Немаловажна и другая — защитная — функция мифа. Нерационализируемые непосредственные чувственные, эмоциональные восприятия психологического и иного воздействия и ответные реакции на него образуют защитную «буферную зону» между человеком и его окружением. В этой зоне происходит вспышка непосредственных реакций и тотчас начинается процесс обобщающих умозаключений. Так, например, травмирующее сознание сообщение (о каком-нибудь казнокраде или мошеннике) может привести к тривиальной, но распространенной логической ошибке: поспешному и необоснованному обобщению, к выводу («все «они» — чиновники, те или иные начальники, лица какой-либо национальности — жулики»). Происходит вспышка эмоций, за которой следует распространенный коллективный миф. При всей иррациональности конкретных механизмов «защитной зоны» ее экологическая, терапевтическая функция вполне рациональна, хотя, в сущности, именно эта рациональность и формирует миф.

Сфера непосредственных эмоциональных, чувственных восприятий не только рационализируется формированием мнений и другого мыслительного материала, из которого может быть построен миф. Она глубоко воздействует на всю ментальную жизнь человека, формируя его «субъективность» и управляя его поведением. Таким путем могут создаваться не только позитивные убеждения, идеи, чувства, но и те, которыми наполняется миф. При этом возможна, как уже говорилось, иррационализация этих рациональных мысли-

тельных процессов — встречное движение, ведущее к образованию мифа, к его превращению в убеждения, мировоззрение и поведение.

Дальнейшая рационализация мифа и мифологизация рационального мышления, если этот процесс отвечает установкам массового коллективного сознания или частным (партийным, групповым, классовым либо личным) интересам, достигается различными средствами внушения, пропаганды, манипуляциями сознанием, демагогии, мистификации. На этой основе не раз возникали мифологические политические концепции, стремление ввести в нее иррациональные начала. Вероятностный характер политического процесса был осознан в эпоху, когда были серьезно дискредитированы попытки подчинить политику закономерностям внешних воздействий на нее, космических сил надмирной сферы, нормам морали и права, увидеть в ней отображение августинианского небесного града, которому она подчинена. Макиавелли, который стремился представить политику автономной, разрушил античную романо-средневековую традицию, отвергнув внешнее влияние на политику, и ввел в нее и в историю понятие удачи — «фортуны». Рационализм Макиавелли, исключившего из политики мораль и религию с их противоречиями и неопределенностью, привел к мифу иррационального соотношения случая, таланта, воли, интуиции, озарения, харизмы, мифу, из которого политика никогда не могла и, видимо, никогда и не сможет выбраться.

В этом мифе собран весь арсенал внушения — надежда, вера, эмоции, переживания, и сама удача для Макиавелли — это некая блуждающая субстанция, оставляющая одни государства и переходящая к другим, переходя из Ассирии в Мидию, оттуда в Персию, затем в Рим и т.д.

Миф тяготеет к открытию некоего секрета, тайны бытия, которое позволяет объяснить ее, и потому ориентирует на ожидание событий, которых может и не быть или быть не может, т.е. на ожидание чуда. В естественном мифе это рас-

чет на приметы, на увещевание сверхъестественных сил, богов или идолов. В политике — вера в общения, обязательства, клятвы и иные загадочные, с точки зрения их осуществимости, посулы. Конечно, мифология политических загадок — всевозможных направляющих идей, программ, лозунгов — отнюдь не исключает искренности проектов, намерений и ожиданий. Сбываются они или нет — не изменяет сути магической техники внушения, которая открывает и путь к реальным свершениям и мифологии, из которой выбраться бывает трудно. Недаром французский исследователь Д. Дуте определил миф как персонифицированное коллективное желание⁵¹.

Яркий образчик такой политической магии — предвыборный и послевыборный процесс, начинающийся с загадок и завершающийся или их разгадкой, или еще более запутанной мифологической ситуацией уже невыполненных и новых обещаний.

С такого рода магией связана манипулятивная функция мифа, особым образом организующая политическую и иную деятельность и начинающаяся с культа героя-вождя. Он главный *homo magus* — «чародей» (термин Карлайля), он создает иерархию «людей-магов», очень похожую на структуру «верховный жрец — его жрецеское окружение». Так появился социальный генералитет волшебников: в биологии — Лысенко, в идеологии — Сулов, в экономике — главы министерств и ведомств, в искусстве — «самый талантливый поэт нашей эпохи», самые выдающиеся музыканты и художники и т.д. И секретные фигуры генеральных конструкторов и других безымянных авторитетов. Э. Кассирер даже считает, что *homo magus* появился ранее *homo faber* (человека работающего)⁵², и магия, следовательно, оказывается первичной формой деятельности. Так это или нет, но если в обществе образуется развитая мифологическая система (политическая и иная), то *homo magus*, несомненно, может занять в ней главенствующее положение и в этом смысле действительно предшествует деятельности иной, в том чис-

ле созидательной. Как тут не вспомнить давно забытого академика Марра с его концепцией труд-магического генезиса сознания. Общество, в котором магия мифа направляет деятельность человека, это, если угодно, уже настоящая цивилизация. Архаическая, конечно, но еще до конца не изжитая цивилизация. Недаром современный тоталитаризм с полным правом можно считать возвратной формой древнейших общественных и политических отношений. К сожалению, миф и магия оказались шире какого-то одного режима и одной исторической эпохи. Такова логика вторичного мифа.

Ей подвластна особая зона политики и власти, которая получила наименование криптоправления⁵¹, тайной власти. Магия начинается в ней с так называемого субправления: скрытых функций легальных учреждений, освященных мифологией государственной необходимости, государственной тайны, национальной безопасности и просто ведомственной секретности. За этим легальным, но таинственным фасадом располагаются сферы влияния, интересов отдельных лиц и группировок («групп давления»). Еще глубже конспиративная власть противоправных структур, мафий и обширная область коррупции. Роль всей многоступенчатой тайной власти может быть настолько значительной, что становится мифом сама легальная власть и таинственные источники ее политики.

Политическая мифология обладает и своей тайнописью: особым скрытым смыслом докладов, прений, выступлений, публикаций, невинных формул («ограниченный контингент», «приватизация») и секретностью не подлежащих огласке документов, компроматов и т.п. Мифология, как и политика — это коммуникативный процесс, в котором слово может употребляться не в его собственном, а в символическом смысле, способном порождать иллюзорное сознание, а прямой смысл слова обретает символическое значение («отец народа», «ведущая и направляющая сила»). Политические лидеры рискуют уподобиться колдунам архаических сообществ, когда они пользуются языком иносказаний, за-

клятий и магических формул (пропагандистских лозунгов), сулят исцеление социальных недугов, угадывают волю исторических судеб, прорицают будущее и правят от имени высших сил — народа, законов общества и истории.

Миф — сильное средство внушения, политическое оружие, способное подчинять, группировать и направлять людей, формировать из них партии, движения и воспитывать борцов за идею.

В политическом спектре любой страны всегда отыщутся партии тупоконечников и остроконечников, которые будут увлекать приверженцев несомненной мифологией. Но и достаточно серьезная политика не обходится без определенной дозы мифотворчества. Иначе невозможно объяснить, например, появление одного-двух десятков претендентов на один какой-либо пост. Политический выбор, как и всякий выбор, не обходится без иллюзий, обманчивых обещаний и обманутых ожиданий. Это объективное явление, порожденное субъективным и вероятностным началами политического процесса. Наконец, какая-то часть кандидатов заведомо мистифицирует избирателей, сознательно насаждая мифы о самих себе.

Миф — весьма коварное, можно сказать отравленное оружие. Оно обладает анестезирующим и парализующим действием, благодаря которому принуждение становится нечувствительным, подобно пиявкам, которые выпускают обезболивающее вещество, делающее их укусы неощутимым. Так, например, сама по себе политическая репрессия или манипуляция могут не подчинить человека либо сделать его послушным по видимости и на словах, ибо, как отмечает Кассирер, может остаться незатронутой сфера его личной свободы, которая позволяет сопротивляться давлению и превращению внушения в убеждения⁵⁴.

Миф разрушает эту защиту, обезволивая человека, если становится содержанием его сознания, интерьеризуется как глубокое внутреннее побуждение, пусть хотя бы в форме предрассудка, веры, суеверия. Примером этому стал миф

расовой исключительности, расового превосходства, который сделал массовое сознание Германии 30-40-х годов беззащитными для всего комплекса политического давления нацистов: социальной и военной мобилизации, напряжения сил, беспощадной жестокости, разрушая личность, социальные, политические и моральные ценности дотоле высокой культуры. Отсюда, кстати говоря, распространение политического формализма, лицемерия и двоедушия, которые серьезно деморализуют политическое сознание и нравственность общества, саму политику и прямо разрушают ее в периоды кризисов.

Миф — птица Феникс

Миф — древнейшая организационная общественная система, включающая механизмы самоорганизации сообщества людей. Эта система, формирующаяся в исходных формах в подсознании и сознании человека, близка к его биологической природе. Она наделяет сферу инстинктов, биологических реакций на окружение, эмоциональность человека социальными началами, и потому эта непосредственная индивидуальная социальность легко коллективизируется. Естественный архаический миф, затем и его современные формы служат тем самым связующим звеном между индивидом и коллективом. В то же время миф оказывается первичной и древнейшей формой власти — властью организованных эмоций, инстинктов и чувств. Кажущаяся метафорой, на деле эта власть вполне реальна как средство самоорганизации и самоуправления в первичных формах, а затем и управления политическими и иными институтами, порождающими свою мифологию. Тем самым эта система оказывается связующим звеном и между самоорганизующимися микропроцессами индивидуального и коллективного сознания и организованного институционального уровня политической и другой власти.

Мифологическая форма диффузной неосознанной власти, исходящей из подсознания, еще глубже микровласти⁵⁵. Однако в отличие от власти межличностных отношений власть мифа отнюдь не обязательно, как и сам миф, превращенная форма сознания. Поэтому возникающая власть мифологического сознания может появляться и исчезать, в отличие от всеобщей микровласти, может принимать различные формы (не только политические, но и экономические, культурные и иные), получать различное содержание и достигать разной интенсивности (от мечты о лучшем будущем или идеи свободы и справедливости до истерии военных побед и истребления врагов народа), но функции ее неизменны и, по-видимому, неизбежны.

Мифология, подчеркиваем еще раз, служит средством социальной организации с соответствующими мифами (порядка, свободы, справедливости, исторического наследия, светлого будущего, истинного пути, исторического призвания, государственного могущества). Власть мифа параллельна рациональным формам власти, сближается и конкурирует с ними и нередко проникает в них. «...Образы, в которых живет миф, никогда не воспринимаются как образы. Они считаются не символами, а действительностью. Не возникает стремления критиковать или отвергать их; они должны восприниматься без тени сомнения»⁵⁶.

Итак, миф — не просто неизбежная теневая сторона реальности. В политике он особенно часто переходит на ее освещенную знанием сторону и сознательно культивируется в качестве эффективного иррационального средства решения рациональных политических задач. Поэтому однажды развенчанный миф возрождается, принимает новые формы и не исчезает. Поэтому так важно распознавать и теснить его в надежде свести мифотворчество к минимуму. Философия и наука и призваны образовать для этого действенную и постоянную «антимифологическую службу».

Глава 2. Политика и религия

Отношения политики и религии — это, пожалуй, древнейшая атрибутивная связь двух самых древних систем с большой историей и неожиданным завершением. Достаточно напомнить, что первое разделение властей в истории произошло именно между светской и духовной, жреческой властью и началось еще в дорелигиозный период доисторических верований (преанимизма, анимизма, тотемизма и т.д.), когда появились гадалки, предсказатели судеб (будущие пророки), толкователи снов и разнообразные посредники между человеком и высшими силами. Подлинный смысл обособления двух институтов власти и влияния светского и духовного и формирующихся таким образом общественных систем, однако, не просто функционален. Он состоит в разделении сознания на две ипостаси в поисках истины, ориентации, объективности. Один путь вел к познанию мира, человека и общества при помощи внешних, потусторонних сил. Другой путь, «светский», вел к конкретной практике жизнедеятельности и истину побуждал искать в общении людей друг с другом и с внешним миром. Истинность и объективность фактов этого общения не были достоверными, и потому светская политика неизменно опиралась на политику религиозную от древних времен до наших дней*. Возможность при этом переходить от грубой силы к более рафинированной духовности (иной форме принуждения) укрепляла связь двух институтов.

Исходная связь политики с религией не была только атрибутивной — это была прямая зависимость политики от надчеловеческих сил, воля которых передавалась ее толкователями — авгурами, волхвами, жрецами. Без их санкции

* Поэтому не случайна идея двойственности истины — истины веры и истины знания. Поскольку одна из них не проверяема, эти истины не равны и не сопоставимы. Отсюда их конфликт, отсюда и одна из причин кризиса сознания — его смещения в область бессознательного.

не совершались политические действия. Длительное время, тысячелетия царило двоевластие религии или ее прообразов и политики — светской власти. Оно укреплялось разницей возможной верификации этих двух начал: политика испытывалась ее результатами, вера не подвергалась проверке или оценивалась лишь отступниками. В отношении религии и политики была изначально заложена некая форма господства, которая впоследствии неоднократно воспроизводилась. Это отношение, присущее и политике, обнаруживало родство систем — абсолютное господство высших небесных сил над миром, в том числе и над политикой, и господство как форма власти в самой политике, власти, дарованной от бога. В этой зависимости, скажу сразу, таились зерна последующей распри между политикой и религией, но также скрывался и залог торжества религии над политикой. Вернемся, однако, к отношениям, которые их прочно связывали.

Связь, или, лучше сказать, единство двух начал, которые мы рассматриваем, оформилось как учение с появлением подлинно религиозных систем монотеистических религий — сначала иудаизма, затем двух его порождений — христианства и ислама. Человек, созданный богом по его образу и подобию, оставался по своим помыслам и деяниям подчиненным воле Провидения.

Связь двух систем и зависимость политики от религии укреплялись еще несколькими факторами. Религия, начиная с ее отделения от светской власти, превратилась в социальный институт, который быстро расширялся с появлением единобожия. Его слияние с политикой, то есть с государством, означало гиперидеологизацию политики, от которой она не спешила освободиться, напротив, получала от нее поддержку. Она оказывалась тем более важной, что все мирское зло, политическое тоже, относилось на счет нечистой силы во всевозможных наименованиях (дьявол, шайтан, черт, антихрист и т.п. и т.д.). Политическое действие получало тем самым запасный выход в рискованных или роковых ситуациях.

Религиозная вера, добавлю еще, — это первый в истории и самый затяжной процесс гиперидеологизации политики, особенно, если она принимает характер государственной идеологии.

Политику, как и всю жизнь человека, соединяет с религией и идея сотворчества бога и человека, то есть идея продолжающегося творения. Как известно, в основе всех вероучений заложена идея бога-творца, создавшего мир и человека, и его окружение — живую и неживую природу, в том числе «всех тварей по паре». Человек, особенно современный, живет, однако, в этой сотворенной богом, а также и в рукотворной природе созданных им самим вещей. Значит ли это, что бог что-то упустил в своем творении или что творение продолжается совместно с человеком? Как известно, после длительной борьбы с новаторством и затяжных колебаний, христианские вероисповедания избрали второе решение, и оно послужило причиной раскола в Западном христианстве. Католическая теория творения со временем восприняла идею сотворчества. Хотя того или нет теоретики католицизма, но идея эта распространяется и на политику. Протестантские вероисповедания в этом смысле не столь определены, однако известен эпизод их истории, связанный с существованием, по счастью недолгим, тоталитарной республики Кальвина (1541–1564 гг.).

Теократические режимы — весьма распространенный в прошлом общественный строй*, в ряде мусульманских государств, отчасти в Израиле, теократии сохранились, еще недавно они существовали и в Европе.

Особая связь религии и политики определяется общим для них механизмом бессознательного, которое служит фундаментом и политического и религиозного сознания — феноменом *веры*. Этот психологический парадокс определяет

* Достоянием нашего времени стали общественные устройства (Италия, Германия, СССР, страны народной демократии) — светский (пекулярный) вариант теократии.

превращение иррационального начала в формально рациональное политическое действие либо оправдывает или объясняет идеократию.

Достаточно вспомнить, не вдаваясь глубоко в историю, веру в бессмертие души и презрение к смерти, даже стремление умереть за веру. Она послужила мощным стимулом арабской, а затем тюркской экспансии, которая завершилась, как известно, захватом Северной Африки и части Южной Европы (юга Франции, Испании, Португалии), разгромом Византии. Ответом на эту экспансию стали дикие по своему варварству крестовые походы европейских христиан для «освобождения гроба Господня». А далее, уже внутри самой Европы, последовали жесточайшие религиозные войны. Пропуская непрестанную борьбу с еретиками, инквизицию, гонения на ученых, участие в межгосударственных войнах и т.п., перейдем в наше время, и тут мы обнаружим все тот же религиозный фанатизм, опасный не только в роли идеологии террора, но и в форме фундаменталистского тормоза модернизации.

Связь политики и религии, как мы знаем, отмечена не только взаимным согласием, но и глубокими противоречиями: борьбой за светскую и духовную власть. В этой борьбе проявилась экспансивность религии: политические системы нередко претендовали на поддержку церкви и религии (эта оговорка не случайна — дело в том, что не все вероисповедания институционализируются и образуют церкви и духовенство — например, ислам). Однако политические системы обычно не претендуют на религиозные функции. В противовес этому церковь длительное время боролась за светскую власть в дополнение к власти духовной. Весь романо-средневековый период, то есть по сути все средневековье, и даже до Нового времени отмечены этой борьбой. В ранний период Средних веков в Западной Европе политической организацией деревни занимались представители короля (конты, то есть графы), в городах власть делили городские (феодалные, затем феодально-буржуазные и, позже, народные) ком-

муны, вице-конты и епископы. Ярким эпизодом соперничества стала многолетняя борьба за инвеституру, право назначать епископов, которое оспаривали церковь и король. В Новейшее время борьба эта велась и еще не завершилась между церковью и светской властью в форме представительства христианских партий. Не забудем и о концентрации духовной власти центральными институтами церквей, в частности о всемирной роли такого института, как Ватикан, оснащенного разнообразными учреждениями министерского типа (конгрегациями), исследовательскими и учебными институтами.

Католицизм — самая многочисленная и динамично развивающаяся западно-христианская форма религиозной системы. Консерватизм христианства — гонение на еретиков, охота за ведьмами*, изгнание из Испании мусульман и евреев, уничтожение кошек, уличенных папским престолом в сношениях с «нечистой силой»**, в результате чего в Европе разразилась невиданная эпидемия чумы, преследования ученых — знаменитые суды над Галилеем и Джордано Бруно и т.д. и т.п.

В конце концов религиозное мракобесие сказалось на политике и положении католических стран. Им не помог захват Испанией и Португалией Южной Америки, не помогла оккупация Нидерландов Испанией, не сказалось избрание короля Карла V на императорский престол «Священной римской империи германской нации». Обе великие имперские державы в конце концов превратились в бедные второ-разрядные страны, а северная Италия стала добычей Австрийской империи. Франция поплатилась кровопролитной революцией, крахом абсолютизма, а затем наполеоновской империи и потерей североамериканских колоний. В то же время динамичные протестантские страны, быстро развива-

* Не в переносном, а в буквальном смысле слова: на протяжении одного-двух столетий в Европе были сожжены «за колдовство» 250 тысяч женщин.

** Всего, по подсчетам историков, было истреблено 400 тысяч кошек!

ясь, стали во главе мира (Англия), философии и науки (Германия). Исламские страны с их неподвижной религиозной системой надолго остались в арьергарде исторического процесса и лишь теперь дали о себе знать, примыкая к современной цивилизации в качестве догоняющих стран.

Говорить об универсальности религиозной системы можно и нужно, что автор и пытался здесь сделать. Но и эта система конкретизируется в наличных на данный момент формах и в этом частном образе сочетается с политикой. И в качестве воплощения обрисованной выше универсальности посмотрим, способна ли эта система модернизироваться в быстро развивающемся современном мире. Наиболее выразительным примером адаптации к новым условиям представляется послевоенный католицизм и новое экуменическое движение.

Следует напомнить, что Ватикан чрезвычайно запоздал с признанием реальности современного мира и его проблем. Опоздал, в силу присущего еще недавно святому престолу консерватизма настолько, что само существование католицизма, организованного под эгидой папской курии, оказалось под угрозой.

Положение спас, как многие знают, Второй Ватиканский собор и новый папа Иоанн XXIII. Этому событию, его главному документу, энциклике «Матер эт магистра» («Мать и наставница») посвящена обширная литература, в том числе и на русском языке, включая и работы автора этой книги.

Радикально изменилась стратегическая концепция католической церкви. По сути своей она повторила обновленческий курс протестантизма (без крайностей пуританского кальвинизма): идти к миру, обществу, человеку, а не заставлять их идти к религии и церкви (вспомним многовековую эпопею евангелизации «язычников» и борьбу за светскую власть).

Передовые умы религиозной политики не остановились на попытках отозваться на актуальные проблемы современного мира. Активная пастырская деятельность папы Войты-

лы продолжила путь к проблемам мировой политики: единства, защиты мира, международного сотрудничества, нового мироустройства, сотрудничества церквей.

Религия и история

Христианство перед проблемами нового порядка

Было бы излишним пытаться выявить в теистической литературе, прямо или опосредованно трактующей идеи нового порядка, прямые аналогии с разработками в светской науке. Не все проблемы, тем более технические, непосредственно в ней отражены. Несомненно другое: религиозная теория и религиозные организации, в том числе официальные, внимательно следят за обсуждением проблематики нового порядка и активно включаются в него, особенно в его гуманистическо-социальные, а также в политэкономические аспекты.

Со своей стороны теоретики нового порядка нередко не только принимают, но и приветствуют участие религии в создании этого порядка.

Протестантизм в силу событий в современном мире — активизации классово-политической борьбы, углубления социальных конфликтов, усиления национально-освободительных движений — оказался в значительной мере более подготовленным к восприятию идеи нового порядка, нежели католицизм. Различные течения так называемого «иррелигиозного христианства» уже в 60-е гг. тяготели к сотрудничеству со светскими социальными движениями. Такова теологическая школа «смерти бога» (в основном североамериканская) и ее представители В.Гамильтон, Т.Альтицер, Г.Ваганян и др., ориентировавшая на решение мирских проблем мирскими же средствами. Таково движение молодежных и студенческих протестантских групп Западной Европы, которые пытаются определить теологические основы их действия, осознаваемую ими необходимость «присутствия в мире».

«Радикальная теология» подготавливала события 1967–1968 гг. в США, Германии, Франции. К ней примыкали, в частности, немецкие левые, Руди Дучке и др. Но уже в 70-х гг. «радикальная теология» иссякла, а студенческая молодежь стала искать иных путей в теологии, увлеченная такими движениями, как «неопасхальное», «харизматическое», сектантское. Заметно усилилась тяга к непосредственно политическим течениям в теологии.

Несомненной популярностью стала пользоваться «теология освобождения», как ее назвал в 1968 г. Густаво Гутьеррес. Именно она в наибольшей степени привлекала верующих, стремившихся к социальной борьбе, хотя и это направление сравнительно быстро стало вытесняться более «новыми». Так же как индустриальное общество потребляет все быстрее и быстрее произведенные промышленностью предметы, так же оно пожирает и рассуждения.

Новая, официально признанная волна в теологической мысли возникла в связи с анализом кризисной ситуации и разработкой идей нового порядка и нового мирового экономического порядка. Она связана и с экуменической деятельностью Всемирного Совета Церквей и складывается из нескольких этапов. Проблемам нового порядка и моделирования будущего экуменическое движение посвятило ряд международных совещаний:

1974 г. — Совещание Центрального комитета ВСЦ в Берлине об угрозе выживания человечества.

1975 г. — 5-ая Ассамблея ВСЦ в Найроби — о борьбе «бедных против господства и угнетения за лучшее будущее».

В этот же период ВСЦ занимается разработкой концепции «справедливого, основанного на участии и приемлемого общества» (FPSS).

1978 г. — Консультация в Цюрихе о новой парадигме политической экономии.

1979 г. — Совещание экспертов в Оахтепеке (Мексика) о принципах нового мирового экономического порядка.

1980 г. — Совещание экспертов в Женеве о перестройке ценностей и структур.

Христианские церкви, указывается в документах этого движения, не нуждаются в оправдании для того, чтобы обсуждать экономические проблемы. Очевидно, и тексты Ветхого и Нового заветов свидетельствуют о том, что общины верующих еще в библейские времена имели дело с вопросами социальной организации, включая производство, распределение доходов, разделение труда, отношения между богатыми и бедными и т.п. В первые века своей истории руководство христианских церквей и сами христиане, в том числе и участники монашеских движений, сосредоточивали внимание не только на духовной жизни, но и на ее социальных и экономических компонентах. В Средние века церковь глубоко интересовалась экономической жизнью и не только на теологическом уровне, но и на операциональном. Реформистские церкви также продолжали эту линию: понятие призвания получило признание в области экономической деятельности, «посредством которой человеческое существование могло прославить бога».

Экуменическое движение сохранило такой подход к экономической стороне жизни. С самого создания Всемирного Совета Церквей в его рамках существуют «Движение жизни и труда» и «Движение веры и порядка», концентрирующие внимание на проблемах экономики. Значительным шагом на пути осознания этих проблем стала Всемирная конференция «Христиане в технической и социальной революциях нашего времени» (Женева, 1966 г.). Экономическая проблематика стала предметом внимания специальной Комиссии по участию церквей в развитии, созданной в 1970 г.

С этого времени Всемирный Совет Церквей (ВСЦ) шел к формулированию нового социального видения: поиску справедливого, построенного на всеобщем участии в делах, пользующегося общей поддержкой общества.

Подчиненные Совету «Церковь и общество», организованному ВСЦ Комиссии, а также Ассамблеи ВСЦ (5-ая в Найроби в 1975 г. и др.) провели ряд консультаций и обсуж-

дений экономики, в частности, совещание на тему «Политическая экономия, этика и теология, некоторые современные изменения» (Цюрих, 1978 г.). На этом совещании была разработана, в рамках экуменического движения, принципиальная программа поисков «новой парадигмы» политической экономии, которую можно суммировать в следующих трех основных положениях:

- 1) необходимость заново определить исторические и пространственные измерения в экономическом анализе;
- 2) необходимость отказаться от редукционизма в экономике и разрабатывать интегративную точку зрения на нее;
- 3) необходимость подходить к экономике с точки зрения политической экономии, исходя из того, что общество идет к решению экономических вопросов после того, как оно вырабатывает определенную социальную политику.

Руководствуясь этой программой, Комиссия по участию церквей в развитии сформировала «Группу экспертов по вопросам экономики» (АГЕМ), в которую вошли многие экономисты, социологи, политологи и теологи. Задача Группы — готовить предложения для ВСЦ и его организаций по экономическим проблемам. Эту задачу АГЕМ выполняла дважды, причем предложения ее приносивались к разработкам в рамках программ развития ООН. Для конференции ЮНКТАД в Мексике (апрель 1979 г.) ею был подготовлен документ под названием «некоторые экуменические позиции в дебатах по вопросу о новом мировом экономическом порядке». Другой документ был составлен Группой для совещания в Женеве (январь 1980 г.) в связи с проводимым ООН «Третьим десятилетием развития» и проблемой отношений Севера и Юга. Его название: «К 1980-ым годам: некоторые экуменические взгляды на изменения ценностей и структур».

Настало время экуменическому движению сызнова выразить критическую точку зрения на экономические проблемы, указывается в докладе о проблемах политической экономии на консультационном совещании ВСЦ в Цюрихе

(1978 г.). Большое число их возникло как в развитых, так и в развивающихся странах, и во взаимоотношениях между ними. Современное политическое, экономическое и социальное мышление не дает ясных ответов на вопросы экономики, — говорится в докладе. Модели и теории прошлого охватывают не все факторы. Проблемы бедности и несправедливости остаются. Само изобилие стало проблематичным, омраченное инфляцией или безработицей, с одной стороны, и извращением человеческих отношений — с другой. Прозрение относительно конечного запаса ресурсов и хрупкости окружения породило новые подходы к этим вопросам. В результате мировое экономическое мышление оказалось ныне в точке поворота. На этом этапе и формируются «модели нового мира».

Как признает ВСЦ, борьба за экономическое развитие на какое-то время оказалась основной заботой, акцентированной неудачей нынешнего экономического роста и парадигмы модернизации в их попытках создать адекватную основу для эффективной деятельности и преуспевания.

В самом деле, с начала 70-х годов четыре главных фактора изменили смысл свершения и успеха, заменив их сомнениями — и даже тревогой — относительно возможности реализации избранных целей или действенного контроля и управления системой политической экономии. Один из них — комплекс явлений, включающих экологию, пределы ресурсов, физическую приемлемость окружения. Второй — серия экономических явлений, свидетельствующих о несостоятельности политики: низкий экономический рост или его прекращение, очень высокий уровень и хронический характер безработицы, структурные проблемы занятости, набегающие волны инфляции и неустойчивость платежного равновесия. Третий — это нарастающий эффект транснационализации капитала и процессов производства, ускоряющиеся глубокие изменения в международном разделении труда. Четвертый — признание знания институциональных и политических явлений жизненно важными для определения моделей и темпов экономического развития...

ВСЦ указывает, что именно эти четыре фактора вынудили страны «развитой рыночной экономики» испытать потребность в пересмотре избранных ими целей, потребность в более критическом понимании природы потребительского общества, «к которому привязаны столькие миллионы христиан». Присоединяясь к светским оценкам, протестантская теория также подчеркивает, что речь идет при этом не только о перестройке политико-экономической теории, но о возможно более глубоком изменении контекста изменяющихся социальных и культурных структур. Всякие соображения относительно экономического мышления начинаются с определения целей и норм политико-экономической деятельности. Цель же может быть определена как улучшение качества человеческой жизни, личной и социальной, в процессе творческого взаимодействия жизнедеятельности человека с другими людьми и с их окружением.

Следующие явления признаются важнейшими для оценки норм и теоретического понимания **политико-экономической деятельности**.

1. Нарастающая несправедливость, выражающаяся в неравенстве при распределении власти, благ и знания; в преобладании структур господства и зависимости; в увеличивающейся концентрации власти правительств, корпораций, национальной и транснациональной бюрократии и отдельных личностей; в отлучении большинства от пользования благами роста и эксплуатации многих меньшинством. На данной стадии человеческой истории борьба за большую справедливость есть наивысшая и наипервейшая ценность в планировании организаций, институтов и процессов, благодаря которым осуществляется политико-экономическая активность.

Достижению большей справедливости должно предшествовать установление норм производства, распределения и потребления. Однако мир не может ждать, когда будет полностью осуществлено желаемое производство. По этому поводу в докладе формулируются четыре исходных положения, определяющие развитие:

(а) признание, а не отрицание **участия индивидов в принятии решений**, которые их затрагивают;

(б) ликвидация неравенства дохода и имуществ, включая установление допустимого максимума, так же как и гарантированного минимума;

(в) большее признание **самостоятельной деятельности человека**;

(г) сокращение ущерба, наносимого биосфере загрязнениями, истощением ресурсов, нарушением экологического равновесия; ее максимальное сохранение и улучшение ради ныне живущих и будущих поколений.

2. Сосуществование изобилия для одной третьей части населения с нищетой большинства человечества выдвигает вопрос о симметрии справедливости. В этой связи участники консультации подвергли исследованию три следующие проблемы:

(а) рост материального потребления обеспеченными индивидами и сообществами непроизводителен с точки зрения благополучия человека, поскольку он толкает общество к **агрессивной ориентации**, порождающей философию роста ради реализации тех или иных планов; возникающие при этом критерии прогресса в лучшем случае не имеют в виду неравенства, а в худшем — сочетаются с ним;

(б) ограниченность разведанных ресурсов, высокий и все возрастающий уровень потребления недостающих ресурсов привели к серьезным нехваткам и опасным воздействиям на природное окружение. Возникает вопрос, указывается в докладе, поскольку материалы, о которых идет речь, исходят из бедных стран и их извлечение способствует разрушению среды, каков может быть необходимый минимум большей части народов мира, который может быть удовлетворен в этой ситуации?

(в) каков, следовательно, трансцендентный идеал царства божия, включающий представление об обществе, концентрирующемся на социальной мотивировке производст-

ва и какова его связь с производственной системой, мотивированной прежде всего ограниченными интересами отдельных лиц или коллективных элит?

3. Эти соображения порождают, как считают авторы доклада, ряд других вопросов:

(а) каким является наилучшая институциональная **форма собственности** в условиях крупномасштабного производства — частная, государственно-корпоративная? Народное и общественно контролируемое предприятие?

(б) **какова будет концентрация власти**, в которой нуждается высокоразвитая техника и сложная организация производства и которая удовлетворяла бы народ и регулировалась бы им в общих интересах? Каким наилучшим образом можно организовать **общественный контроль** человеческого знания (включая науку и технику) и как поставить его на службу человечеству? Может ли быть сделан выбор в пользу сокращения использования сложной, развитой техники, если это позволит легче осуществлять ее социальный контроль?

(в) как добиться, чтобы экономика обеспечивала **полную занятость** и сделала ход инфляции управляемым, учитывая тот факт, что безработица и инфляции в возрастающей степени превращаются в эндемическое явление в системе рыночной экономики?

(г) как сделать, чтобы экономическая деятельность обеспечивала потребности всех, а не выбор роскоши для немногих? и т.д.

Все ценности, полагают теоретики ВСЦ, отображенные в этих вопросах, заложены в христианской концепции благоденствия человечества. Христианская позиция по этому вопросу состоит в том, что человеческое существование, как индивидуальное, так и коллективное, может быть обращено как во благо, так и во зло, и каждое поколение людей, являющихся споспешниками творения, ответственно перед богом за свой вклад в борьбу за большую справедливость в об-

шестве, за распознавание властителей и сил, которые в различных институциональных проявлениях противостоят всякому человеческому обществу, и за борьбу против них.

В экуменической дискуссии складываются три концепции, характеризующие будущее общество: **справедливость, участие в управлении и приемлемость общества для человека.**

Традиционное для христианства представление о справедливости, связанное с идеей милосердия и любви, следует, указывают участники консультации, рассматривать уже не как индивидуальное милосердие к нуждающимся в нем — оно должно быть дополнено исправлением структур, которые порождают эту нужду. В наше время это понятие приобретает политико-экономическое значение как добровольная помощь одной страны другой. Требование справедливости прилагается к структурам отношений между странами, внутри них, между регионами и группами стран и т.д.

Участие в принятии решений, включая решения о том, что и как должно производиться, непосредственно связано с борьбой за справедливость. Производство, основанное на современной высокоразвитой технике, исключительно сложно и требует организации в широких масштабах. Интересы высокой эффективности и широкого участия, как видно, противоречат друг другу. Поиски такой техники, которая допускала бы сочетание технологической эффективности с адекватным социальным контролем, связаны с задачей управляемости и понимания этой техники на местном общественном уровне. Возникающие при этом трудности могут быть преодолены даже там, где преобладает производство в широких масштабах. Сложная промышленная организация требует новых и более сложных методов, обеспечивающих участие масс в социальной организации. Власть капитала и техники должна быть уравновешена силой социальных и политических институтов контроля и регуляции. Новые структуры управления должны быть созданы с использованием механизмов голосования, наряду с системой выборов и социальной приемственности.

Приемлемость же включает такие признаки, как «право пользования конечными ресурсами, понимание взаимоотношений между человечеством и природой (естественным окружением, биосферой) и использование техники для покорения природы, а также овладение методами владения и сохранения природы, техническими средствами в целях освобождения человека и управления им».

Когда справедливость требует, ради обеспечения выживания, построения такого общества, в котором корректировалось бы неравное распределение и чрезмерный разрыв между богатыми и бедными, речь именно и идет о способности мирового сообщества организовать самое себя для развития, для пользования земными ресурсами, — указывается в докладе.

Элементы социальной критики в экуменической теории весьма существенно корректируются ее устремлениями на стабилизацию статус-кво, создание «устойчивого общества» в рамках нового порядка, но на неизменной социальной основе. Устойчивое общество представляется авторам доклада таким, в котором число людей, темпы использования ресурсов и уровень загрязнения биосферы отвечают способности Земли выдерживать их и в котором «терпимое качество жизни может поддерживаться безгранично для всего народа. Эта задача и требует коренной перестройки цивилизации, новой техники, нового применения ее и новой глобальной, экономической и политической системы».

Экуменизм не может не обратиться к традиционной христианской теме справедливости, разработка которой приводит к критике конкуренции и к предложению исключить ее из обновленного мира.

«Соревновательная индустриализация без социальных целей, определенных обществом», в возрастающей мере ведет к употреблению во зло науки и техники, стимулирует постоянное расширение спроса на потребительские «блага», который поддерживается бесконечным потоком новой продукции, отвечающей реальным и искусственно порожден-

ным потребностям. Горизонты общества, указывается в докладе, ограничиваются в результате экономическими ориентирами, и этот экономизм способствует росту отчуждения.

К справедливости экуменистическая теория предлагает идти через физическую устойчивость и «ограниченное неравенство». Справедливость связана с производством и распределением продуктов человеческих усилий. В то же время она требует устойчивости и надежности общества, которая, в свою очередь, обусловлена сохранением природы и ее ресурсов. Эта идея перекликается с экологическими теориями пределов роста и грозящей человечеству катастрофой и другими течениями катастрофизма.

Нынешнее давление на биосферу, указывает доклад, в целом и на ресурсы в частности производится, прежде всего, хотя и не исключительно, меньшинством человечества, которое стремится поддерживать морально неоправданный темп потребления. Суждения о демографическом давлении во всех обществах не могут быть отделены от оценок огромных различий между уровнями потребления различных народов. Оба эти фактора имеют несомненное значение для всех предложений предупредить эрозию конечной способности Земли поддерживать жизнь человека в будущем.

— Обеспечение прав человека.

— **Развитие как освободительный процесс.** Развитию, — говорится в докладе, — должна быть придана перспектива. Оно должно удовлетворять как материальные, так и нематериальные нужды народа. На центральный вопрос — кто развивает и для кого, должен быть дан недвусмысленный ответ. Только при этом условии развитие может рассматриваться как **освободительный** процесс, как процесс создания условий для обществ, особенно тех, что ныне не развиты и маргинальны, чтобы они могли осознать свои потребности, мобилизовать свои ресурсы и формировать свое будущее в соответствии со своими представлениями.

Как уже отмечалось, идеологи и теоретики нового порядка стремятся, в меру допустимого апологетикой, предусмотреть в его рамках изменения не только в развивающихся, но и

в развитых странах. Так же поступают и их теистические единомышленники. В докладе анализируются **структурные изменения индустриальных стран**. Они предусматривают:

1. **Необходимость сформулировать стратегию исследований и капиталовложений в развитие новой техники и использование ресурсов и предоставить развивающимся странам возможность участвовать в них. В частности, необходимо разработать альтернативные источники энергии и предоставить эти разработки нефтедобывающим странам для сбережения нефти.**

2. **Следует внедрить в международное сотрудничество во взаимных интересах практику перераспределения для поддержки оказавшихся в нужде (в настоящее время свыше 20% ВВП передается в западных странах малоимущим, тогда как только 0,2% мирового ВП передается бедным странам).**

3. **Перераспределение во всемирных масштабах требует создания новых стабильных политических средств и процессов. Создание и деятельность центральных плановых и административных учреждений должно быть контролируемо при участии заинтересованных народов.**

4. **Необходимо полностью обеспечить всех нуждающихся работой, обеспечить потребное качество жизни для всех, возродить покинутые сельские районы, оздоровить города — и т.п.**

5. **Перестройка промышленности и введение новой техники должны определяться прежде всего соображениями о целесообразности соответствующих социальных изменений и уже потом — их так называемой экономической выгоды.**

6. **Народ должен принимать участие в разработке методов и целей производства в свете его человеческой ценности.**

7. **Промышленные страны должны развивать практику самодостаточной экономической жизни и умерить их зависимость в отношении природных ресурсов и подвоза продовольствия.**

Третья сторона изменений — **международные структурные изменения**. Они формулируются в духе описания глобальных проблем современности. К ним докладчики относят ряд проблемных комплексов:

1. Продовольствие и ликвидацию голода.
2. Энергетику.
3. Модели глобального и национального производства.
4. Занятость.
5. Науку и технику.
6. Международную торговлю.
7. Финансы и валюту.
8. Общественный контроль над частным сектором (ТНК).
9. Равенство, справедливость, искоренение бедности.
10. Участие в глобальных и национальных решениях.
11. Мир и военные бюджеты.
12. Свободу от национального угнетения.

Если протестантские церкви и экуменическое движение сумели систематизировать свои взгляды на новый мировой порядок, то о католической церкви и ее социальной доктрине этого сказать нельзя. Однако и она предпринимает энергичные усилия для того, чтобы включиться в разработку идеи нового порядка и оказать на нее сильное влияние.

Существуют два направления этой деятельности — официальное, возглавляемое Ватиканом, и неофициальное, представленное религиозными теоретиками развивающегося мира, более радикальное и близкое к реальным нуждам народов бывших колоний и зависимых стран. 5–12 августа 1976 г. в Дар Эс-Саламе (Танзания) совещались 22 католических, протестантских и православных теологов из Латинской Америки, Африки и Азии. Они создали «теологическую ассоциацию «Третьего мира», которая ставит перед собой задачу «отдать отчет в вере в Христа в политическом, культурном и духовном контексте трудного рождения нового мира». Эту свою деятельность теологи Третьего мира рассматривают как «ренессанс Церкви, сознающей и сожалеющей, что она играла, часто невольно, из-за отсутствия критической мысли, роль, которая выпала ей в человеческой истории начиная с XV в. Более значительное, быть мо-

жет, чем когда-либо прежде, это историческое преобразование будет все более и более определять будущее церкви и человечества».

Активность этого направления позволяет говорить, как это делает Космао, что центры теологической деятельности сейчас перемещаются из Старого света в Новый, где рождаются местные церкви. Так или иначе официальная церковь вынуждена с ней считаться. Она, впрочем, использует сложившуюся ситуацию для пропаганды своего участия в организации нового порядка. Так в июле 1977 г. состоялась теологическая «неделя» в Киншасе (на тему «Освобождение во Христе»), в сентябре того же года — был коллоквиум Африканского общества культуры («Черная цивилизация и католическая церковь»), в декабре — панафриканская встреча теологов Третьего мира, посвященная современной роли христианства в Африке и др.

Ватикан представляет как бы правое крыло в разработке теологами идеи нового порядка, он ближе всего к традиции, и его наиболее существенные изложения позиции церкви по этому вопросу неизменно тяготеют к извечной и общеизвестной фразеологии, тем не менее и официальный католицизм заметно переориентировался в сторону обновления миропорядка. Весьма активна в этом плане и деятельность его организаций, в том числе и специально созданных в ответ на поиск нового порядка. Работой в этом направлении заняты:

- Международная благотворительная организация Каритас интернационалис, с отделениями в разных странах;
- Ватиканская конгрегация Пропаганды веры и ее организации;
- Экуменическая служба взаимопомощи, с отделениями во многих странах (например, во Франции, где действует Католический комитет борьбы с голодом и за развитие);
- Международная кооперация социоэкономического развития;

— Понтификальный совет, созданный в 1971 г.; его задача — координация организаций взаимопомощи и развития. Совет разрабатывает стратегию католической церкви «в борьбе за развитие»;

— сеть организаций, созданной в 1987 г. понтификальной комиссии «Жюстис э пэ» («справедливость и мир») с подчиненными ей национальными и региональными комиссиями, занятая проблемами международного обмена и внешней политики; ныне это секретариат по связи Ватикана с ВСЦ;

— Епископальная латиноамериканская комиссия;

— исследовательский Институт проблем развития (Париж) и др.

Деятельность Ватикана в области создания нового порядка столь обширна, что сами клерикальные круги испытывают потребность это объяснить.

Можно теперь сказать, что Церкви вкладывают столько энергии в организацию, до того, что они выглядят параллельными агентствами ООН, в ответ на ожидание по всему горизонту международной жизни их слова, несущего надежду и объяснение, пишет Космао.

Католицизм так же, как и светская теория, ждет всемирных потрясений, революции, приводящей к новому порядку, но связывает с ними и возрождение религии.

Перед этой перспективой церковь отвергает свое колониалистское прошлое. В течение веков «Запад» и «христианство» формировали мир по своему подобию, навязывая ему свои концепции и свои приемы, считая себя предназначенными богом или Разумом организовывать мир.

Прокламируя свою новую цель — построить совместно с миром новый мир равенства и братства, церковь претендует, как всегда, на руководящую роль или, по крайней мере, на долю ответственности и власти в этом мире. В колебаниях между чувством **вины** перед дурно скроенным миром, поскольку в нем умирают от голода, и **страхом** перед потрясениями, которых потребует преобразование этого мира. хри-

стиане готовы довериться церкви, которая решила помочь людям сделать, чтобы в мире было больше справедливости. Можно отныне поставить вопрос, не ждут ли эти христиане, столкнувшиеся с проблемами, которые решить им не под силу, что церковь, коллективная организация, возьмет на себя **политическую** ответственность за необходимую перестройку системы, порождающей несправедливость, неразвитость, нищету.

Папа Павел VI сформулировал в одном из высказываний некоторые идеи относительно перемен в развивающемся мире. «Вы хорошо знаете, — писал он, — что ни реформа международной торговли, ни улучшение помощи и сотрудничества не способны сами по себе обеспечить более солидарные и более человеческие отношения между народами. Во многих случаях именно сами структуры власти и принятия решений должны быть изменены так, чтобы осуществлять повсюду, как на политическом и экономическом, так и на социальном и культурном уровнях, лучшее распределение ответственности».

Две мысли особенно выделяются во взглядах католической теории на новый порядок: неадекватность социальных условий и структур власти в развивающихся странах требованиям развития и организация сотрудничества этих стран между собой и между ними и международными организациями.

Солидарное развитие народов «представляется Святому престолу важнейшей проблемой нашей эпохи...». Отсюда и призыв к искреннему диалогу, преодолению национального партикуляризма ради того, чтобы возобладало чувство общей ответственности, которое позволяет создать подлинное всемирное сообщество, в частности путем создания более справедливых торговых структур, ориентированных не одними торговыми интересами, но потребностями развития.

«Мы желаем, — говорил Павел VI, обращаясь к сотрудникам ФАО, — чтобы политическая воля государств была способна ориентироваться на некий международный инструмент, который включает реальное обязательство, спосо-

бен преодолеть случайность и непостоянство благородных побуждений. Таким путем возможно было бы прийти к определенным формам постоянных обязательств справедливости, отвечающих одновременно обязанностям народов обеспечивать свое благоденствие и потребностям менее обеспеченных стран; так могла бы быть создана и всемирная система обеспечения продовольствием».

Эти задачи, как неоднократно подчеркивали деятели католической церкви, выполнимы при условии адекватности структур самих освободившихся стран новым задачам — мысль, которая, как выше отмечалось, выделяется и светскими теоретиками.

* * *

Проблема нового порядка в мире сложна и неоднозначна. Ее решение в интересах прогресса. Интересы различных сил в современном мире сталкиваются при определении целей, путей и методов создания нового порядка в мире.

Современный Ватикан: проблемы культуры и духовных ценностей

Католицизм остается крупнейшей и весьма влиятельной христианской конфессией в крупнейших странах мира (Польше, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Германии и др.). Как и сама религиозность современного человека, так и его приобщение к церкви — достаточно условные понятия в наше время. Тем не менее следует считаться с официальной ватиканской статистикой, согласно которой из одного миллиона четырехсот христиан, живущих на планете, более восьмисот двадцати пяти миллионов лиц католического вероисповедания.

Вместе с тем, католицизм вынужден бороться за влияние в современном обществе в весьма сложной для религии политической и идеологической ситуации. Непосредственное участие в политической жизни Ватикана в настоящее время практически сведено к минимуму (оно ограничивается деятельностью немногих демохристианских партий в некоторых странах, таких, как Италия, ФРГ, отдельных странах Латинской Америки). Несмотря на постоянную полемику с наукой, религия в целом вытеснена из естественнонаучного знания. Значительно ослаблены ее позиции в сфере общественных наук и философии, хотя католическая церковь располагает кадрами высоко квалифицированных специалистов во всех этих областях знания, а ее социальная доктрина активно развивается в духе регулятивного вмешательства в отношения между трудом и капиталом (период с 1891 г., времени издания Львом XIII энциклики «Рерум новарум» и до Второго Ватиканского собора 1962–1965 гг.) и в направлении более открытого обращения к проблемам века, к социальным чаяниям и нуждам масс, к противоречиям эпохи (послесоборный период). Обращение к реальным общественным процессам и отказ прямого сотрудничества с капиталом, от безоговорочного выполнения охранительных функций, поиски социальных, политических, духовных основ для сотрудничества с массами, с прогрессивно настроенными силами общества потребовали от церкви заметной переориентации всей ее политико-идеологической, социальной и этической теории. Воздействие на мир ныне мыслится, как и прежде, в религиозно-учительском духе, проповеди истин христианского вероучения, но с более четкой ориентацией на наиболее острые противоречия действительности. В области научного познания и технико-экономической деятельности это предупреждение против посягательств на тайны бытия, на прерогативы бога обладать природой. В области общественных отношений — это призывы следовать учению о справедливости, любви и безгреховному соблюдению кодекса религиозной нравственности. В области повседневной

личной жизни человека — это внушение спасительных идей, которыми должно направляться регулирование семейных, межличностных отношений, поведение человека в обыденной жизни, духовные его интересы и художественные вкусы, выбор в сфере искусства. Речь идет, таким образом, в конечном счете о социальном выборе человека, который определяется широким спектром культуры. Отсюда и включение человека в центральную проблематику теоретической деятельности Ватикана и католических ученых, в наставническую практику церкви и обращение к темам политики, культуры, этики и морали. Именно эти темы теоретики и руководители современного католицизма считают и ключевыми для развития современного мира, и наиболее подверженными кризисным деформациям, и относительно автономным по отношению к классовым конфликтам, в которые теперь церковь предпочитает открыто не ввязываться, и наиболее открытым для проповеднической и нравоучительной деятельности.

Общая программа видоизменения идеологии церкви в духе антропоцентризма после II Ватиканского собора рельефно обозначена в словах Иоанна Павла II: «Человек в полноте истины его существования, его личностного и одновременно социального бытия — в сфере его семейной жизни, в условиях общества и различных социальных обстоятельств, в среде собственной нации или народа, возможно, также клана или рода и, наконец, в целостности всего человечества, — этот человек составляет первичный путь, по которому должна следовать церковь, выполняя свое предназначение: он — **наипервейший и основной путь церкви**, указанный самим Христом и неизменно ведущий через тайну становления и спасения».

Отправляясь от анализа специфики человеческого бытия, официальные теоретики церкви строят свои рассуждения о совокупности социальных и культурных проблем наших дней, об истории человечества и его будущем. Показательны в этом отношении воззрения нынешнего папы

Иоанна Павла II (К. Войтылы). Первоначальной, отправной точкой анализа человеческого существования К. Войтыла полагает действие. «Для нас действие выявляет личность, и мы смотрим на личность через призму ее действия», — пишет он. Действие, в котором личность движется по пути самореализации, Войтыла называет праксисом, стимулируемым в конечном итоге тяготением человека к божественному абсолюту; праксис противопоставляется марксистскому пониманию материально-практической деятельности людей.

Сущность человека, согласно Войтыле, заключается в духовном, трансцендентном, она не связана ни с его биологическими качествами как живого существа, ни с социальным окружением. Социальный мир значим лишь постольку, поскольку он являет собой порядок, в котором человеческая личность стремится к моральному тяготению человека к божественному абсолюту. Это традиционное **сотворчество** человека с богом особенно активно обсуждается в последние десятилетия. Церковь более не в силах отказать человеку в праве созидать и познавать без непосредственной санкции и опеки со стороны Провидения. Обращение к божественному покровительству пахаря или мореплавателя и ученого, исследующего структуры ДНК либо поведение элементарных частиц, — вещи настолько различные, что церковь вынуждена отныне признавать свободу познающей и созидательной творческой деятельности человека, возвышающегося до совместного творения с богом, до продолжения божественного творения. Церковь, однако, напоминает о границах дозволенного богом проникновения в сущность бытия и о существовании особой этики, которая не допускает чрезмерного приближения к этим границам. Двойственность результатов современной науки и материальной производственной деятельности, порождающих средства созидания и разрушения, служит теоретикам христианства действенным аргументом для **теистического** истолкования противоречий прогресса и для обвинений современной культуры в забвении спасительных предупреждений религии.

Другая тема теоретико-философских и практических папских действий церкви — проблема **труда и вознаграждения за труд**. В официальных документах Ватикана, папских энцикликах последнего времени (прежде всего, в энциклике «**Лабorem экзерценс**») настойчиво реализуется стратегия посредничества между трудом и капиталом в социальной сфере, задуманная Львом XIII. Если, однако, в первый период социальной наставнической деятельности Ватикана преобладало мало замаскированное стремление вмешиваться в классовые конфликты на стороне капитала, в рамках традиционного обсуждения темы «**труд и капитал**», то во втором периоде обновленческой деятельности церкви Ватикан стремится зарекомендовать себя сторонником человека-труженика, понимающего его ситуацию творца и объекта эксплуатации и идущего ему навстречу.

Ватиканские теоретики широко используют современные социологические и культурологические исследования, темы ответственного отношения к труду, роли человека в техническом и научном прогрессе, адекватного развития человека и создаваемого им мира вещей и особенно мира техники.

Церковь предупреждает (и Ватикан повторяет предупреждения своих теоретиков, среди которых и такие глубокие мыслители, как, например, Ж.Ладриер) о возможности утратить власть человека над его творениями, о самостоятельной жизни техники и о реальности ее господства над человеком. Речь идет, разумеется, не о наивных прогнозах о самодействующих и поработавших человечество машинах, а о действительно серьезной логике развития созданной человеком «второй природы» его вещного, технического окружения, о том, что техника развивается по своим законам, которые человек открывает, реализует и именно потому подчинен необходимости непрерывно следовать им. Безграничное же следование по этому пути и приводит в тупики ядерной и экологической катастроф.

В этой связи церковь обращается к фундаментальным проблемам современной культуры — к этике выживания, сотрудничества, взаимопонимания и к борьбе против опас-

ности глобальной ракетно-ядерной катастрофы. Миротворческая деятельность Ватикана — одно из значительных явлений обновленческой деятельности церкви и ее обращения к судьбам цивилизации и культуры. Это обращение (в отличие от обычных для христианства призывов к миролюбию) переходит рамки традиционной христианской этики индивидуального поведения — любви, милосердия, индивидуального спасения — и выходит на уровень вселенского спасения. Угроза гибели человечества и ее реальность чрезвычайно способствуют возрождению и оживлению эсхатологических, вселенских концепций конца света, искони присущих христианству.

В этом общем контексте важнейших и наиболее сложных проблем современного мира и его культуры теоретики и идеологи Ватикана рассматривают проблему самого человека. В истолковании человека и культуры видная роль принадлежит папе Иоанну Павлу II, ведущему автору многочисленных папских посланий, энцикликеских писем и других документов. Папа также активно выступает лично в Ватикане и во время частых поездок по всем континентам и многим странам мира. Во время своих путешествий папа обращается с речами об актуальных проблемах нашего времени к огромной аудитории. Его непосредственное общение с массами имеет немаловажное значение для пропаганды слова божия и идейно-теоретических установок современного католицизма. Социальность оказывается всецело производной от духовно-личностного начала, дарованному человеку свыше. Благодаря наличию духовно-личностного начала, человек как носитель сознания и воли покоряет внутреннюю и внешнюю природу, созидает мир культуры. Человеческая личность как бы распростерта в двух измерениях — вертикальном и горизонтальном. Первое из них определяющее, ибо в нем концентрируется взаимосвязь человека с богом; второе — горизонтальное — измерение человеческого бытия вторично, так все действия личности в мире питаются трансцендентным божественным источником.

В отличие от животного, человек способен к постоянному самопревосхождению, развитию собственных существенных сил — к трансцендированию. Войтыла считает трансцендирование, самопревосхождение одной из наиболее характерных черт личности. Возможность трансцендирования, по его мнению, обусловлена стремлением личности к полноте постижения божественного бытия с его ценностными аспектами — истиной, красотой, благом. Эта «вертикальная» трансценденция предстает основой любых проявлений культурно-исторического творчества и рассматривается как стимулирующая «горизонтальное» (земное) бытие человека: мир обладает ценностным измерением благодаря сопричастности с божественным бытием.

Взгляды ведущих теоретиков церкви на социокультурные проблемы всецело обусловлены в своих исходных основаниях только что представленной антропологической позицией. Образ «человека действующего» предполагает выведение многообразия социальных связей, культур из извечных констант человеческого бытия, которое мыслится неотрывным от божественного абсолюта. Эта сопряженность личности и бога выглядит в построениях католических теоретиков залогом постоянного исторического обновления, единства и многообразия культур.

Вместе с тем в сочинениях Иоанна Павла II и других католических деятелей, представляющих платформу церкви, настоятельно проводится мысль о взаимодополнительности сакрального и земного измерений человеческой истории. В одной из своих проповедей, посвященных толкованию божественного провидения в духе решений II Ватиканского собора, Иоанн Павел II говорил: «В реально постижимом мире мужчины и женщины являются главными действующими лицами исторического и культурного развития. Будучи созданными по образу и подобию божию, поддерживаемые им в их бытии и направляемыми его отцовской любовью в «осуществлении господства» над другими существами, они — в определенном смысле «провидение»

для самих себя. «Град земной» представлен множеством социальных и культурных сообществ и именно в них протекает деятельность церкви — «града божия».

Проблема культуры приобретает сегодня большое значение в учении католической церкви, поскольку притязания Ватикана на укрепление авторитета в современном мире сопряжены с программой привнесения «вечных» религиозно-нравственных ценностей, фермента «абсолютного» гуманизма христианства в жизнь общественных объединений, базирующихся на различных принципах, разделяющих порой несхожие ценностные ориентиры. Диалог с культурами современного мира и их «встреча с Евангелием» становятся важнейшей областью деятельности римско-католической церкви в конце XX века.

Эта программа приобрела институциональную форму в 1982 г., когда по инициативе главы Ватикана был образован Папский совет по делам культуры. Организаторы совета подчеркивают, что задачи, поставленные перед ним, отличаются широтой, универсализмом и подлинно духовной направленностью; деятельность совета не останавливается перед государственными и идеологическими границами, она призывает к достоинству каждого человека, к отдельным индивидам и целым коллективам, к их религиозному предназначению. По замыслу Иоанна Павла II, совет призван «в братском и экуменическом духе» способствовать диалогу церкви с нехристианскими религиями и нерелигиозными людьми в совместном поиске культурной коммуникации всех людей доброй воли. «Встреча культур, — по его убеждению, — является предпочтительной почвой диалога между людьми в поисках нового гуманизма для нашего времени за пределами того, что их разделяет»; однако конечным итогом диалога христианской и нехристианской культур признается «упорядочивание» последних в соответствии с евангелием и — шире — евангелизация всего человечества.

Католическая церковь на словах признает основные принципы культурной политики ЮНЕСКО — основополагающего значения культуры для всего общественного раз-

вития, культурной демократии, сохранения культурного наследия и самобытности народов, культурного взаимодействия на основе признания равноценности всех культур. Особое внимание Ватикан уделяет культурам народов «третьего мира», осуждая «культурный империализм» индустриального Запада.

Интерес католической церкви к проблемам культуры находится в общем русле роста внимания к вопросам культуры в современном мире в целом. Приоритетная роль культуры все более связывается сегодня с убеждением в том, что культура может оказать решающее воздействие на все современное общественное развитие. Католическая теология, оценивая состояние современного мира, трактует его как кризисное. Причина кризиса современного общества усматривается в углубляющемся разрыве между технологическим и морально-религиозным прогрессом человечества, обусловленном неспособностью отчужденного от религии человека подчинить развитие индустриальной цивилизации подлинно гуманистическим целям. Сторонники католицизма стремятся преодолеть драматическое расхождение между церковью и миром, загипнотизированным достижениями науки и техники и попавшим под влияние идеологий либо индифферентных по отношению к христианским ценностям, либо открыто противоположных им. Культура, согласно Иоанну Павлу II, должна обеспечить человеку противостояние разлагающей мощи науки и технологии, используемых в интересах удовлетворения алчности людей и усиления тиранической власти.

Научно-техническая революция действительно заметно подрывает основы религиозного мировоззрения. Но сегодня очевидно и другое: в условиях господства «вещных отношений» бесспорные достижения научно-технической революции оборачиваются питательной почвой для роста социального отчуждения, подавленности человека совокупностью обстоятельств его жизнедеятельности. Наличие глобальных проблем современности заставляет сегодня задуматься над

реальной угрозой уничтожения всего человечества. Отсюда вызревает и ностальгия по религиозным ценностям, уповая на которые человек жаждет обрести избавление от тягот и невзгод своего повседневного существования, уйти от возможности кошмара ядерного апокалипсиса. Этим обстоятельством умело пользуются католические теоретики, вызывающие к религиозной мудрости как средству спасения мирового сообщества.

Понимая культуру как сферу практики, в которой реализуются судьбы отдельного человека и человечества в целом, Иоанн Павел II призывает к дальновидному и осмыслительному подходу к ее проблемам. Одна из центральных идей современной «теологии культуры» Ватикана — это мысль о плюрализме культур, определяемом Иоанном Павлом II как «единство культуры во множественности культур». В этосе — иерархии ценностей данной культуры — абсолютные ценности представлены в исторически преходящей форме, и тем важнее заставить людей задуматься о вечном и непреходящем, строить свою жизнь, помня о бытийных определениях истины, красоты, блага. Хотя церковь, «град божий», и сопричастна надысторическому порядку, она, по мнению ее теоретиков, реализует свое влияние в условиях земной жизни людей, несет абсолютные ценности различным общественным объединениям, культурам. Иоанн Павел II следующим образом определяет ее миссию в мире: «Церковь являет собою видимую распространительницу святых символов, в то время как святой дух действует через них как невидимый распространитель жизни, обозначенной ими. Совместно с духом присутствует и действует Иисус Христос». Церковное сообщество предстает в подобной интерпретации сопрягающим надысторическое, трансреальное, «вечные ценности» с земной жизнью человека, народов, всего человечества. Таким образом бесспорная сама по себе и гуманистически ценная идея плюрализма культур практически уничтожается культурной политикой Ватикана, ориентированной на приобщение всех разнообразных культур совре-

менности к единой истине — истине откровения, хранительницей которой признается католическая церковь (Иоанн Павел II классифицирует культуры на истинные и ложные, и определяющим критерием здесь выступает вера в бога и признание за церковью абсолютного права определять состоятельность или несостоятельность той или иной культуры). Принцип плюрализма прилагается только к «формам» культуры, тогда как содержание истинной культуры может быть только христианским.

Наряду с общими проблемами культуры Ватикан сегодня широко обращается к вопросам нравственного облика современного человека и его духовных потребностей. «В современном мире, на его широких пространствах, пробудилось чувство справедливости, — говорит Иоанн Павел II. — Вне сомнения, это чувство касается всего того, что противостоит справедливости в отношениях между людьми, между социальными группами, или «классами», а также между государствами, целыми политическими системами и даже «мирами». Это глубинное и многообразное движение, в исток которого современное сознание поместило справедливость, требуя этической характеристики напряженности и борьбы, существующих в мире».

Другим обстоятельством, побуждающим теоретиков Ватикана обсуждать сегодня нравственные проблемы, является небывалый рост самосознания людей в мире, стремление человека к самостоятельности во всех сферах социальной и индивидуальной жизни, потребность в осмысленности каждодневного существования, в возвышении человеческого достоинства, вера в исторически новый способ бытия, основанный на демократии и братских отношениях людей друг к другу.

Отмеченные проблемы кристаллизуются, по меньшей мере, в три блока взаимосвязанных вопросов, где теоретики Ватикана стремятся соединить вечные ценности христианства и ценности земной жизни людей. Первый — это взаимоотношение между реальной борьбой народов за освобож-

дение и христианским учением о спасении. Связка: освобождение — спасение, по словам Иоанна Павла II, является для христианства «новым семантическим образованием», полностью или почти полностью не известным во времена II Ватиканского собора.

Во втором блоке вопросов теоретики Ватикана стремятся соединить ширящуюся в мире борьбу народов за справедливость с христианскими идеалами любви и милосердия.

Третий — возникает в процессе размышления идеологов католицизма над проблемой ответственности человека в современном мире, чрезвычайно обострившейся в связи с глобальными проблемами, и христианским учением о грехе и виновности.

Процесс расширения религиозного мировоззрения за счет включения в него актуальных и злободневных проблем современности, санкционированного ведущими католическими деятелями, совершается отнюдь не благодаря одному лишь их желанию «приспособиться» к современности, как об этом часто пишут.

Антропологическая проблематика вошла в арсенал церковной идеологии во многом благодаря теоретическим разработкам одного из ярких течений левого католицизма — французского персонализма, основоположника которого Э.Мунье сами христианские мыслители называют пророком соборного обновления. Концепция человеческой деятельности, учение о тесной связи земной истории и истории сверхземной, о необходимости переделки мира на гуманистической основе, о человеке как субъекте исторического процесса, об ответственности личности, ее достоинстве, самоценности, разработанные в рамках персонализма, легли в основу различных направлений социальной теологии: теологии труда, теологии политики, теологии революции, теологии освобождения. Левый католицизм и социальные теологи оказали мощное воздействие и на трансформацию религиозно-идеалистического учения Ватикана.

Официальный Ватикан, отмечая необходимость осмысления происходящих сегодня в мире освободительных процессов, тем не менее идет на размежевание с радикальными социальными теологиями, упрекая их в «обеднении» социальной доктрины католицизма, в сведении последней исключительно к обоснованию социально-политического освобождения. Христианство, интерпретируемое в земных, социально-политических и экономических понятиях, по мнению его идеологов, утрачивает свою универсальность: «не должно смешивать политику и спасение», в противном случае «освобождение от греха получает вторичное значение».

К традиционному религиозному понятию греха официальный католицизм апеллирует сегодня и при осмыслении глобальных проблем современности. Католические идеологи уверены в неразрешимости совокупности глобальных проблем наших дней, в невозможности предотвращения ядерной катастрофы без своеобразной «революции сознания» — люди, на их взгляд, могут прийти к заключению о единстве судьбы человечества только на религиозной основе. Иоанн Павел II подчеркивает, что церковь «старается укрепить единство в самой основе человеческого рода: в отношении связи, которой человек соединен с богом как творцом, господином и искупителем». Сопрягая понятие греха с понятием ответственности, занявшей сегодня одно из центральных мест в современном мышлении — политическом, экономическом, экологическом, философско-нравственном, — теоретики Ватикана настаивают на универсальности, всеобщности своего учения о греховности человека, и тем самым снимают ответственность за насилие и несправедливость в мире с режимов, правительств, классов и апеллируют к «отдельному человеку», поскольку, по утверждению Иоанна Павла II, «грех в строгом смысле слова — это всегда личностный акт, а отнюдь не результат действий группы людей или сообществ».

Идеям борьбы народов за социально-экономическое и национальное освобождение, за справедливость деятели католицизма противопоставляют и такие ценности, как любовь

и милосердие, будто бы также имеющие универсальное значение. «Любовь к ближнему, — говорится в «Инструкции о христианской свободе и освобождении» (1986 г.), — не знает пределов и включает в себя любовь к врагам и угнетателям»; Ватикан высказывается в пользу «пассивного сопротивления» насилию и угнетению, имеющего, по убеждению его теоретиков, не меньшие шансы на успех, чем революционная борьба. Глава Ватикана уповает на мистическое озарение, способное сообщить человеку дар любви к ближнему и тем самым спасти современный мир. В этом людям, по его мысли, призвана содействовать церковь: «И наслаждение приносит нам все более ясное сознание, что через деятельность церкви в истории спасения, являющейся частью истории человечества, дано присутствие святого духа в действии — того, который через дыхание божественной жизни проникает в мирское странствие людей и побуждает все творческие усилия, всю историю двигаться к финальному завершению — к бесконечному океану бога». Поскольку в подобной религиозно-идеалистической интерпретации мир — это конечный результат данной человеку свыше способности любви, то главные проблемы нашего столетия разрешимы только на базе «вечных» евангельских истин. Отсюда — притязания католической церкви на особую миссию в современном мире.

Из программы евангелизации вытекает идея христианского единства Европы, ревностно отстаиваемая сегодня ведущими католическими авторами; она постоянно проводится в сочинениях Иоанна Павла II. Нынешний глава католической церкви, а вслед за ним и другие ее видные деятели рассматривают реализацию идеала христианского единства европейского континента в качестве первого шага на пути укрепления поколебленного влияния церкви в современном мире, необходимого для осуществления ее универсалистских притязаний. Кардинал Ф.Кёниг отмечает, что «Европа стала первым континентом, который, обладая значительной дохристианской почвой, всецело был охвачен христианством,

и при этом создались условия для христианского единства и культуры»⁵⁷. Порицая гордыню «атомизированного разума» Нового времени, а именно он и объявляется источником всех бед современного человечества, покоряющего мир и забывшего о боге, — католические авторы полагают возможным реставрировать духовное единство Европы, налаживая диалог христианских церквей⁵⁸. Вне всякого сомнения в условиях ядерного века чрезвычайно важно осознание народами Европы взаимосвязи их исторических судеб. В этом отношении позитивный итог могут иметь и усилия религиозных деятелей.

РАЗДЕЛ IV. ОТ УБЕЖДЕНИЙ К ПРЕДУБЕЖДЕНИЯМ

Убеждение формируется в широких пределах между рациональными представлениями о действительности и иррациональными — об этом мы уже говорили, но не пытались определить пределы этих двух начал. Между тем, пределы эти определяют сам тип убеждений. Попробуем их наметить.

Прежде всего убеждение не может стать научным, хотя наука может включать чувственные, человеческие начала, интуитивные, эмоциональные и эмотивные состояние сознания. Зато путь убеждений в этом направлении широко открыт. По этому же пути вместе с убеждениями движется и политика. Движение сознания, как мы уже знаем, происходит между этими связанными формами. Однако иррациональный путь этого движения не знает пределов. Другой путь ведет к превращенным формам сознания, от них — к извращенным и к патологическим формам. Политическая утопия и мифология — только начало этого отрезка пути. За ним следуют политические предрассудки, многочисленные виды предубеждений, антипатий, ксенофобия, страхи, боязнь заговоров, устрашение всевозможными вымышленными конспирациями, враждебное отношение к инакомыслию и мн. др.

Главной проблемой извращенного сознания остается дефект самосознания — объективного самопонимания, критического отношения к действительности, и дефекты самого этого самопонимания. Отсюда поиски врагов, насыщение политики и питающего ее сознание враждой и иллюзиями.

Политическая жизнь на уровне извращенного сознания обречена на блуждание в мире сплетен, тайн, интриг, спекуляций, легко поддается манипулированию.

Причем все эти фантасмагории захватывают не только эту сферу сознания, которая именуется (совершенно напрасно) общественным мнением, но и сознание самих политиков (в этом одна из причин пресловутых политических ошибок), и аналитиков, и многих представителей пишущей братии, заинтригованных тайнами политических интриг.

Дефекты саморефлексий закономерно связаны с дефектами самого познания действительности. Кризисы политики, идеологии, морали и других систем обычно связаны со вспышками архаических и новоявленных извращений сознания, к их числу относятся и коррупция, и уголовная, и экономическая преступность. Все эти виды извращенного сознания и такого же по типу поведения отнюдь не новы в истории. Ее самые драматичные страницы отмечены своего рода триггерным эффектом: одно преступление влечет за собой другое (вспомним шекспировского Макбета), деградация одной системы (например, политики или экономики) увлекает в своем падении другие системы (мораль, идеологию, право) и знаменуют собой то, что именуется кризисом, эпохой реакции и застоя.

РАЗДЕЛ V. ЦЕННОСТИ И ПОЛИТИКА

Позволю себе, прежде чем приступить к анализу конкретных систем, остановиться на некоторых общих соображениях.

Ценности объективны не потому, что они независимы от человека, разума, истории, действительности, а потому именно, что они порождаются этими универсальными началами, которые обладают собственной объективностью: человек объективен по отношению к другим людям, сообщество людей объективно по отношению к индивиду; история объективна по отношению к действительности и к человеку, живущему в ней; действительность как нечто заданное, объективна по отношению к человеку, а он — к ней, потому что он задан ей и не может быть заменен. Иными словами, ценности возникают в совокупности объективных факторов и сами становятся объективными по отношению к нам.

Участие разума в функционировании ценностей не в их имманентности разуму, а в том, что они осмысливаются, причем осознаются в качестве норм сознания и поведения. Эта нормативность, в свою очередь, придает ценностям объективный смысл, ибо без общего признания, т.е. признания их объективности, они утрачивают смысл. В этом они подобны объективности закона, без признания которой невозможно единое для общества правосознание, а следовательно, и признанная обществом единая судебная власть.

К этому следует добавить, что структура ценностей включает не только нормативное начало, но и материальное, поскольку существует класс ценностей естественной и вто-

рой, искусственной природы мира вещей, процессов и событий, объективность которых не вызывает сомнения свет, воздух, вода, почва, климат, времена года, дни и ночи, растительный и животный мир, полезные ископаемые и т.д. Они образуют особый класс ценностей, но в то же время и они социальны, поскольку ими определяется жизнь человека и общества, и в предельной мере нормативны по всем своим свойствам.

Социальность ценностей состоит не только и не столько в их содержательном типе (политические, экономические, культурные и прочие ценности), но в их стадийном значении. Примером может служить анализ постиндустриального общества, произведенный таким авторитетным исследователем, как Д. Белл. «В чем, в самом деле состоит факт постиндустриального общества? — пишет он. — Постиндустриальное общество по самой своей логике есть меритократия. Различия в положении и доходе основаны в нем на техническом мастерстве и высшем образовании, и очень немногие высокие посты открыты людям, лишенным квалификации. В этом (т.е. ценностном — *И.К.*) постиндустриальном смысле общество отличается от общества на заре XX в. Исходное измерение несомненно начинается с профессий»⁵⁹.

Постиндустриальное общество изменяет классовую структуру общества, преобразуя новые технические элиты. Постиндустриальное общество представляет собой модификацию нового социального порядка, основанного на приоритете образованного таланта. «Так совершается полная социальная революция: изменение социальных основ статуса и власти и новый путь восхождения к должностям и привилегиям в обществе»⁶⁰.

Объективность и нормативность делают ценности всех классов универсальными. Однако в этом универсализме скрыто многообразие двух генетических типов — субъективного и конвенционального.

Относительно пространное толкование объективностей представляется оправданным для того, чтобы убедиться в том, что их субъективное восприятие («ценностное суждение о чем-либо») не делает ценности ни релятивными, ни конвенциональными, ни произвольными. Субъективность ценностей обнаруживает их существование, и восприятие: сам факт перцепций и оценку явления или вещи, процесса. Главное в субъективности ценности суждения — процесс открытия ценностей и их квалификации, движения сознания от полного рационального их осмысления до подсознания (чувство любви, ощущения комфорта или дискомфорта) вплоть до небытия ценности, неспособности ее осознать.

Ценности становятся фактом или достоянием индивидуального и коллективного сознания только в результате их субъективизации, в актах восприятия, осмысления, оценивающего суждения, признания. Только после этого они становятся **нормами**, приобретают общепризнанный смысл. Иначе говоря, системы ценностей образуются на двуединой основе: их объективности и универсальности. Однако оба эти начала лишь потенциальны и актуальны только в осознающем их сознании. К тому же они конвенциональны и определяются многими внешними факторами экологического типа — отношениями субъекта ценностных суждений и среды его обитания — природной, социальной, культурной и пр., а также программами его собственного сознания.

Таким образом, система ценностей — это потенциал эндогенного и экзогенного характера. Его актуализация — процесс, вполне подобный процессу познания, открытия норм (законов), индивидуальным сознанием, их коллективизацией, в итоге которой представления о ценностях становятся распространенными до пределов той или иной общественной среды, эпохи, территории.

Взаимодействие больших общественных систем определяется еще одним фактором, кроме рассмотренных. Все они связаны ценностными отношениями. Каждая система имеет ценностное значение для других систем как некая осо-

бая ценность, без которой (при соблюдении уже известных нам условий) они не могут функционировать — политика без экономики или права, идеологии и др., экономика без политики и т.д. Еще лучше было бы, пожалуй, сказать, что такие системы составляют совокупность ценностей различного содержания, но с общими универсальными свойствами. Они могут классифицироваться по тем или иным признакам, но могут и группироваться. Их общие принципиальные свойства прежде всего и позволяют большим ценностным системам совмещаться.

Не претендуя на разработку какой-либо аксиологической теории, кратко отмечу именно те признаки, которые позволяют системам ценностей взаимодействовать.

Сама универсальность организационных и регулятивно-контрольных систем свидетельствует об объективности их ценностного значения, как и об объективности конкретных составляющих ценностей, таких, например, как право, равенство, честь и т.п. Объективность их состоит, естественно, не в том, что равенство или честь, свобода действительно и независимо от каких-либо условий существуют в мире или в данном обществе, но в том, что существует представление о них, они могут быть целью, пусть даже недостижимой или осуществимой лишь отчасти, как потенциал, надежда или возможность, которую требуется открыть, подобно некоему «полезному ископаемому». Актуализация такого потенциала может и не наступить, а если и начинается, то требует времени и усилий — это исторический процесс. Такой диагноз не должен удивлять. Путь от потенциальной возможности к предположениям и идеалу, затем к реализации прошло, например, гражданское общество, открытое Гоббсом в XVII веке. Это открытие раскрыло социальную ценность высшего порядка, вызревавшую столетиями и даже добрых две — две с половиной тысячи лет.

Актуализация уже раскрытого ценностного потенциала — это исторический процесс, в который включено развитие больших общественных систем, процесс очевидного активирования ценностей.

Объективность ценностей подтверждает один аксиологический парадокс: наличие негативных ценностей, или, я бы сказал, ценностных антиформ: неравенства, бесправия, бесчестия, безобразия и т.п. и т.д. О них почему-то не говорят в связи с анализом позитивных ценностей. Между тем их существование очевидно и оно-то и наводит на мысль о существовании либо возможности их зеркального отражения — позитивных ценностей, может быть, в латентном состоянии, но таких же объективных. Это пары, такие же, как свет и тень, которые взаимно свидетельствуют о существовании друг друга.

Объективна и социальность политики, как и других систем, и их общественное окружение — общественные структуры, политическая, ассоциативная жизнь общества, и все они представляют собой ценностные образования.

Естественная природа и вторая, рукотворная природа вещей объективны в еще большей мере, чем социальные ценности, они так же имеют свои хотя и специфические негативные формы (день-ночь, тепло-холод, изделия из металла или дерева — отходы производства).

Как это свойственно виртуальным или мало изведанным объектам, объективность их существования не зависит от нашего о них знания. Мир ценностей, в котором живет человек, также раскрывается ему постепенно. Античный мир уже знал о преимущественных правах гражданина, свободного (не раба) и полноправного члена общества. Прошло, однако, более тысячи лет, прежде чем возникло учение о естественном праве и еще свыше ста лет, прежде чем появилась идея прав человека, реализация которых и по сей день еще очень далека от совершенства, а во многих регионах мира еще и не начиналась.

Человек не только открывает для себя ценности бытия, он и создает их. Само их открытие есть не только их осознание, но и их творение. Это очевидно в мире вещей искусственного окружения, но также и в мире культуры, политики, идеологии, в создании новых форм и условий жизни. Чело-

век открывает и создает и негативные ценности техногенного, экологического, культурного, политического и иного характера. Сама двойственность результатов его деятельности порождает эти два ряда ценностей.

Объективность ценностей определяется не их предзаданностью человеку; так же, как не предзадан ему мир идей, вещей и ход событий. Она проистекает из другого, противоположного начала. Оно состоит в том, что ценности всех категорий не только объективны, но и субъективны, их восприятие субъективно и по сути своей индивидуально. Однако в своей основной массе (может быть, исключая вкус, ощущения цвета, чувства, связывающие людей и т.п.) они коллективизируются в совместной жизни людей, массивизируются ходом истории и интернационализацией общественных процессов и явлений. Движение это крайне неравномерно, и сами ценности интегрируются общественным сознанием как функция разных эпох, культур, особенностей сознания и политических режимов.

Ценности постепенно эволюционируют и интернационализируются, сначала в пределах одного социального, культурного, политического или национального коллектива, затем могут, если получают признание, стать всеобщим достоянием.

Речь идет, таким образом, о развитии ценностей и их стабилизации. По-видимому, все ценности развиваются в разных смыслах:

1) количественный рост: появление новых ценностей (вещного окружения), включая и неоцененные прежде человеческие качества — правосознание свободы, самопонижение и др.; массивификацию редких человеческих качеств — знания, образования, и т.д.;

2) возвышение ценностных суждений;

3) интернационализация ценностей культуры, науки, техники и др.;

4) восхождение от первичных ко вторичным, производным и высшим ценностям (общее благо).

Развитие ценностей может привести к их существенной трансформации. Она очевидна, когда речь идет о материальных ценностях — научных исследованиях или технических устройствах, но также о многих политических ценностях. Возвращаясь к проблеме свободы, стоит отметить трансформацию свободы из коллективной в античном обществе (все граждане свободны; не свободны только рабы, но они не члены общества) к индивидуальной свободе в новое время. Она не противостоит коллективной свободе и не имеет своего зеркального отражения — коллективной несвободы. Ее назначение — формирование личности нового индустриального общества, без которой оно невозможно. Перестройка индивидуализма, индустриализация общества и связанные с ней социальные изменения (исследованные еще в 30-е годы Сорокиным, Парсонсом, Мертоном, Муром, Хаули, десятками других авторов), также ход демократического процесса привели к новой, но совсем иной трансформации ценностей свободы — она вновь коллективизировалась, стала интегральной и всеобщей, но не вытесняющей свобод личности.

По-видимому, не требуется лишних доказательств эволюции ценностей. Важнее теперь рассмотреть вопрос структурных отношений в системе ценностей, поскольку она сложна, а отношения ее элементов представляют несомненный политический интерес.

Такие политические и, естественно, социальные ценности, как свобода, равенство, права человека всегда были в числе наиболее популярных и чтимых политических идей и лозунгов Новейшей истории. Постепенно, однако, стало понятно, что реальность их весьма спорна. Опыт демократической перестройки в России подсказал вывод: заменить эти ценности одной, но, как казалось, решающей — идеей справедливости. Но что такое справедливость? Попробуем это понять.

Градации ценностей

Базисные ценности — концептуальная основа системы ценностей, необходимое условие ее формирования и функционирования. Базисные ценности включают: 1) природные и предметные ценности (воздух, вода, ландшафт, восход солнца, солнечный свет и т.п.; вешное окружение человека, рукотворный предметный мир); 2) собственно социальные ценности, порожденные сознанием, возникающие в общении между людьми и в процессе жизнедеятельности.

Совокупность социальных базисных ценностей образуют социально-политические и гражданские ценности (свобода, равенство, право и др.); моральные (совесть, честь, честность, порядочность и мн.др.); этические (активность, целеустремленность, деловитость, исполнительность и др. интенциональные идеонтологические качества), политические (способности управлять, решать, исполнять, договариваться и т.д.); познавательные (интеллектуальность, интуиция, инвентивность, критицизм и пр.); общественные (мир, порядок, стабильность, развитие и др.); ценности отдельных эпох, быта, культуры и мн.др. Мир людей, вещей и отношений между ними в целом может быть представлен как совокупность взаимосвязанных базисных ценностей.

Все базисные ценности социальные, поскольку они обусловлены интересами, потребностями, взглядами, интенциями человека и коллективов людей любой степени общности, однако второй класс базисных ценностей социален в собственном смысле слова, ибо ценности этого рода генерируются сознанием, являются средством рефлексивно-го отражения действительности, способом социальной ориентации, нормирования отношений к человеку и миру.

Базисные ценности также индивидуальны в основе, но их всеобщность позволяет им легко коллективизироваться, становиться фактом культуры и истории, приобретать об-

шественный смысл и общечеловеческое значение. Таким образом субъективная рациональность индивидуальной ценности становится объективной и общезначимой.

Базисные ценности образуют центр ценностной системы, из которого они ориентированы в двух направлениях: к непосредственному функционированию и к обобщению его результатов. Вне этих ориентаций базисные ценности абстрактны, дифференцируясь на конкретные формы, они объективируются: свобода как ценность функционирует как структура ценностей свободы — волевые (свобода воли), моральные (эмоций и чувств, поведения), политические (слова, печати, собраний), гражданские (совести, убеждений) и т.д. Право проявляется как совокупность прав (права человека) и т.д.

К этому классу базисных ценностей примыкают ценностные суждения, оценки, характеристики объектов (хорошо, плохо, красиво и т.д.), с той, однако, разницей, что эти оценки не дифференцируются на конкретные элементы. Они не структурны, хотя степенями сравнения (хорошо — лучше — превосходно и т.п.) они обладают, не являются базисными, но показывают, что ценности, даже и базисные, могут быть не самодостаточными и потому атрибутивны, допускают определения.

Другая ориентация базисных ценностей — трансцендирование, восхождение от первичных, фундаментальных ценностей к вторичным, производным, комплексным ценностям более высокого порядка, таким, как справедливость, долг, милосердие и др. Производные ценности, в отличие от первичных, не субстанциональны, не имеют собственных определений. Они ко-субстанциональны первичным ценностям и определяются через них. Справедливость обретает содержание как реализация свободы, равенства, права, чести, совести, согласия и т.д. и определяется через первичные ценности и их конкретные формы. Тогда вторичная ценность — это наименование: справедливость социальная, политическая, долг моральный, гражданский, сыновний и т.п.

Поэтому ценности этого класса и определяются как их соответствие первичным ценностям и оценивают эти последние с точки зрения более высоких категорий: свобода + право + равенство = справедливость. Таков же порядок отношений ценностей, например, моральных.

Само понятие моральности производно: мораль не субстанциональна и на всех уровнях — первичном и производном — она объективируется в фактах других функциональных систем (политике, праве, культуре и т.д.), в общении, работе сознания и в поведении человека.

Гегель о **совести** (Философия права, с. 178) как об одиночестве, наедине с самим собой, **погружении** в себя.

Ерго: погружение — а) процесс рефлексии, самопознания; б) сознание совести — результат осмысления событий, действий, слов, помыслов, т.е. — **выводное** из какой-то конкретики состояние или эмоционально-интеллектуальное решение приводит к конкретизации понятия совести; в) вывод в помыслах и действиях, справедливость. Предположение о подобном соответствии сделал Гегель, для которого справедливость — «действительность свободы»⁶¹. Показательна в этом смысле позиция Канта, который считал такую ценность, как долг, априорной и исходной, определяющей и в то же время указывал, что чувство долга возникает в результате воздействия на душу морального закона⁶² и определял долг через «поступок, который кто-либо обязан совершить»⁶³.

Восхождение к производным ценностям, их обобщение и сублимация не завершаются, они восходят к всеобщим и универсальным, образуя общую линию: свобода — равенство — право — честь — доброта и т.п. — справедливость — долг — счастье... — добродетель — добро — благо — общее благо...

Таким образом, справедливость возникает из ряда первичных ценностей как производная переменная форма, противоположная негативной форме (несправедливости, также производной), во-первых, и нового качества, возникающего из базисных форм, — во-вторых.

Та же ценностная категория может быть выведена из моральных ценностей и других, поэтому есть основание говорить о многих вторичных ценностях; они обобщают ценностные структуры ряда, если не всех общественных систем. К таким производным ценностям можно отнести, например, честность, ответственность, самосознание и т.п. Еще более сложными по генезису и содержанию оказываются такие ценности, как политический строй, политический режим, общественная система и высшая ценность — *общее благо*.

Некоторые замечания о первичных ценностях

Равенство — социальный идеал, проявляющийся на протяжении всей истории человечества и по-разному осмысливаемый в сменяющихся исторических эпохах; принцип, в соответствии с которым людям обеспечиваются социальные условия и возможности соблюдения их прав и свобод; ключевая ценность демократического общества, одна из высших политических ценностей. В доисторическую эпоху принцип равенства определялся скудостью естественных ресурсов и производимых продуктов, что вело к жесткой спецификации в племенных и родовых объединениях; «выбраковке»

слабых. В рабовладельческом обществе его действие распространялось лишь на свободных граждан, но не рабов, хотя в эпоху поздней античности стоики, а в Древнем Китае и Древней Индии даосизм и буддизм выдвигали положения о равенстве людей перед высшей силой и обосновывали необходимость социального равенства. Христианство также провозгласило равенство всех людей перед Богом, но церковь при этом санкционировала сословные и классовые перегородки и привилегии.

Идея равенства всех людей перед законом возникла с развитием товарного производства, но ее утопические трактовки (Мор, Кампанелла) связывались с необходимостью устранения частной собственности. Новый импульс к разработке идеала равенства — разработка принципа свободы, равенства и братства в период буржуазных революций. Первое положение Декларации прав человека и гражданина (1789) — ключевого документа этого периода — гласит: «1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах»; в пункте 6 говорится о равенстве всех перед законом (Ср. со ст. 1 Всеобщей декларации прав человека: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг к другу в духе братства» и ст. 7: «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона». Принцип равенства воплощался в дальнейшем в идее правового государства, в ценностях (буржуазного) демократизма. В XIX в. социальное равенство трактуется как отсутствие (минимизация) социально-классовых различий. Утопические социалисты и их последователи видели причину неравенства (не только имущественного) в частной собственности и доказывали (более умеренные — допускали), что с ее устранением воцарится равенство. Но часто взамен отвергаемого неравенства они ставили регламентацию в равенстве, главенство наперед изобретенного масштаба для развития каждого индивида. «Религия равенства» как трактовка, к примеру, Бабефа — а в

конечном счете любого из регламентаторов — когда она становилась «политическим манифестом», выявляла свою нравственную несостоятельность, а в политической практике могла выливаться в насилие. В марксизме трактовка равенства исключала механическую уравнивательность, ставился акцент на устранении всех видов социальной дискриминации; достижение полного равенства всех связывалось с выявлением возможностей каждого; в то же время конкретизаций понятия равенства, разработки его параметров в рамках марксизма в XX в. (особенно в последних двух его третях) практически не было. В XX в. в основном в США разрабатывается концепция равенства возможностей (присущая и другим странам и выражаемая афоризмом времен Наполеона «каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл»). Ее следствия: обеспечение политики социального равенства «стартовых» условий в образовании и «предфинишных» — в плане социальной защищенности; стимуляция вовлеченности в бизнес в плане экономики (ее базис — растущий средний класс, вносящий новые приоритеты в отношениях между корпорациями, социальными институтами и государством, с одной стороны, и с индивидами в сторону ограничения власти первых и системы гарантий для других — с другой); обеспечение подлинного равноправия расовым и этническим меньшинствам, женщинам — в плане политики.

В политико-психологическом плане равенство — побуждение и идеал; высшая общегуманистическая ценность и система конкретных гарантий правового, политического и социального порядка. Это ключевое понятие для оценки соответствия идеала и реальности, лозунгов и их осуществления, ибо неравенство в имущественном положении в наличии и объеме прав и гарантий, в контроле над ресурсами (в отношениях между государствами и регионами) — факт, уясняемый быстро и оцениваемый однозначно. Важным импульсом к разработке проблемы равенства явилась теория прав человека, как она воплотилась во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН 10 декабря 1948 г.

Они определяются «Британской энциклопедией» как «права, принадлежащие индивиду вследствие того, что он является человеком... И соотносятся с широким континуумом ценностей, которые универсальны по своему характеру и в некоторых смыслах равно потребны всем человеческим существам».

Французский юрист К. Васак, активно работавший в данном направлении, подразделил эти права на три категории: гражданские и политические, соотносимые со «свободой» (если опираться на формулу «свобода, равенство, братство»); экономические, социальные и культурные («равенство»); солидарные («братство»). Однако все три категории прав взаимно поддерживают друг друга, образуя констелляцию, где равенство занимает центральное, ключевое место. Так движения за социальное равенство неосуществимы без упрочения свободы и опираются на ценности братства (всечеловеческого); сплав всех прав особенно ярко проявляется в движении за мир. Равенство при этом получает новые трактовки, принципиальные обоснования его высшего статуса в иерархии социальных ценностей, обеспечение гарантий его осуществления. В то же время в русле англо-американской политологии проходит линия на противопоставление свободы и равенства, последнее трактуется как нивелирующее начало в социальной жизни. В трактовках равенства советскими обществоведами наличествовали скрытые мотивы уравнительности, но момент наполненности равенства социальными гарантиями, реальной системой заботы об образовании, здоровье, пенсионном обеспечении населения признавался значимым и интегрировался в других трактовках, равно как и в положениях основных документов ООН, касающихся равенства. В то же время опыт осуществления равенства в условиях социализма показал, что равенство прав и возможностей — это не унификация социальной структуры; в современном обществе оно достижимо через неравенство слоев по уровню образования, доходов, социального статуса; декларируемое чрезмерное упрощение социальной

структуры — до «двух дружественных классов и прослойки между ними» — может порождать демонов национализма, распределительства и т.п.

Опыт XX в. показал, что уравнительность, сопоставимая только с «тождественностью» интересов трудящихся классов, граждан единого государства, какой-либо национальности или этнической группы, уравнительность, освящаемая «единственно верными учениями», может служить для прикрытия репрессивных режимов в самых различных регионах мира. Несостоятельность трактовок равенства как полной (и примитивной) уравнительности не отменяет потребности в анализе истока таких побуждений (начиная от социобиологических факторов и заканчивая всеобщей «покорностью» какой-либо высшей силе). Часто призывы к ней могут служить толчком к разработке фундаментальных основ феномена равенства — при условии того, что обходится опасность «бесовщины» уравнительности (которая логически самопротиворечива, ибо предполагается наличие лидера или группы «выравнивателей», внешних, «более равных» (Оруэлл) по отношению к остальным). Вслед за идеалом равенства в истории человечества как тень следует идея неустранимости и оправданности неравенства людей; взгляд на раба как на «говорящее орудие»; уподобление общества человеческому организму с руководящей головой и исполняющими руками и ногами; освящение сословных перегородок и аристократизма; апологии закрепления имущественного неравенства; трактовки свободы как права на неравенство; наконец, известная метафора о «более равных» и «менее равных» — свидетельства сложности трактовок идеи социального равенства во все времена. Так Хайек, не без оснований утверждая, во-первых, что «формальное равенство перед законом несовместимо с любыми действиями правительства, нацеленными на обеспечение материального равенства различных людей, и всякий политический курс, основанный на идее справедливого распределения, однозначно ведет к разрушению правозаконности», а во-вторых,

отмечая, что «социализм обещал не равное, а лишь более равное, более справедливое распределение», подчеркивает затем невозможность сочетания задачи достижения «большого равенства» с опорой на принцип планирования. И все же обеспечение «большого равенства» — вектор движения большинства социальных (образовательных, пенсионных и т.п.) программ во всех цивилизованных обществах, а разработки теорий равенства ориентированы именно на «большее» равенство; идея равенства возможностей при расхождении результатов, право на демократический контроль за политическими процессами, участие в принятии управленческих решений все возрастающего числа трудящихся («занятых», по западной терминологии) (см. Харрингтон) — тому свидетельство.

Новейшие толкования идеи неравенства опираются на положения социобиологии, иногда трактуемых как «биология элиты» и обосновывающие — даже с экономической точки зрения, что неравенство неустранимо. Отрицая равенство возможностей, разработка и воплощение которой в США, на Западе, а в дальнейшем и во всем мире интенсифицировались в 60-е годы (борьба за гражданские права негров, молодежные движения с их приверженностью эгалитаризму и даже коммунизму, феминизм), защитники таких взглядов утверждают, что опыт 60-х годов показал принципиальную неосуществимость равенства.

В ходе XX в. идеал равенства все полнее истолковывался с опорой на философию (русский космизм, тейярдизм, «благоговение перед жизнью» А. Швейцера), социологию (теории «среднего класса»), политологию (идеи «равенства возможностей», полного равноправия и т.д.). Ощутимые импульсы к своему осуществлению он получает в рамках нового политического мышления с его признанием приоритета общечеловеческих ценностей, минимизацией классового подхода к реалиям современной жизни.

Равенство — первичная, базисная ценность, субстанциональная и конкретная, поддающаяся определению. Однако и оно не характеризуется *sui generis*, само по себе, ибо судить о нем можно лишь **относительно** какого-либо понятия, события или ситуации: равенство возможностей, равенство достижений, реализации возможностей, нумерическое (численное) равенство и пр., а во многих случаях и еще сложнее. Так равенство людей — ничего не говорящая фраза либо демагогическая фикция. Этой формуле не придают смысла эпитеты (социальное, материальное и т.п. равенство).

Подлинное равенство людей осмыслено как их отношение к природе: биологическое, физиологическое, конститутивное (наличие рук, ног, внутренних и внешних органов, системы перцепции и т.д.), т.е. всего того, что делает человека человеком. Вместе с тем именно природа делает людей принципиально неравными (не только различными): мужчинами и женщинами, умными или нет, одаренными и бездарными, красивыми или нет, и т.д. Это означает, что люди рождаются уже неравными, т.е. они не равны по природе. **Это неисправимое неравенство.**

Далее возникает культурное, экономическое, социальное, политическое и прочее неравенство, т.е. неравенство перед историей и обществом. Это, теоретически говоря, **исправимое неравенство**. Однако это **неравенство результатов** исправимо лишь отчасти и только тогда, когда оно опять-таки сопоставимо с каким-либо объективным критерием или фактом. Таким образом, возможно равенство **перед** законом, равенство прав человека, равенство как естественное право или равенство естественных прав. Большинство же видов природного и социального неравенства сопоставимо только друг с другом, как формы неравенства возможностей и неравенства результатов. Серьезная ошибка социалистических проектов как раз и состоит в попытке преодолеть это противоречие между возможностями, которые уже неравны, и результатами, которые не равны как следствие исходного неравенства. Попытка американского и советского истеблиш-

мента второй половины XX в. решить эту проблему созданием **равных условий**, т.е. включить **третий вид равенства**, соединительный, промежуточный, с добавлением равенства условий реализации равенства, неконструктивна по самой своей сути и ведет не далее самых примитивных форм **уравнительного равенства**, которые неосуществимы в силу всех прочих видов неравенства.

Право — это стремление рационализировать действительность иррациональными средствами, или, что то же, средствами в превращенных формах, которым придается облик рациональности («закон»), т.е. облик объективности — условия его общего признания, а значит, и легитимности.

В чем же ценность права и закона? В ранний период Нового времени оформилось особое представление о **естественном праве**, созданном природой и потому объективном и рациональном. Предполагалось, что силами природы эта объективная рациональность перейдет в сознание человека, мышление которого — тоже творение природы. Тем самым закон и право (т.е. естественный закон и естественное право) перестанут быть рационально построенным иррациональным произволом⁶⁴. Но объективизация, однако, оказалась весьма относительной.

Истина универсальна, однако, относительна. Например, та истина, что управлением всегда занимается меньшинство, — неоспоримый факт, но не существует определения этого меньшинства. Оно может доходить до **множества** (в демократическом режиме) и даже до ∞ .

Правда не универсальна, она конкретна, локальна и временна. Ее максимальное значение — точное соответствие данному факту. Правда конкретна, и потому преходяща. Сам факт может быть спорным, а следовательно, и правда может оказаться конвенциональной. Как и сам факт, она требует доказательств, то есть установления **истины**. Отсюда и возможность **прецедентного права**, т.е. универсализации этой конкретной истины. В сущности, именно таким путем сформулирован принцип объективности права и закона. В судо-

производстве этот принцип осуществляется как установление истинности факта (правды). Эта истина становится ценностью — как конкретной, так и универсальной.

Право и правовая культура в российской ментальности

О правовом самосознании, правовом менталитете нынешнего поколения россиян невозможно адекватно судить, если не подойти всесторонне и объективно к истории правового развития страны также в советский период. Ничего, кроме вреда, не принесли и не принесут инфантильно-патологические публицистические наскоки на советскую правовую систему, равно как и апологетические попытки обеления бесчисленных фактов преступного беззакония, особенно в 20-40-ые гг. нашего века.

При всей специфике советского права оно фактически представляет собой в некоторых отношениях один из исторических этапов в развитии российского права, которое способствовало не только сохранению, но и упрочению того правового менталитета народа, который сложился на протяжении предшествующих веков.

Сколь бы качественно ни отличалась советская правовая система от дореволюционной российской в силу того, что в ней был воплощен принцип диктатуры одной партии, переросшей чуть ли не на четверть века в фактическую диктатуру одного из ее вождей, на практике право в советской России заняло столь же скромное место, как и в дореволюционной России. Как и в дореволюционной России, в советское время право понималось как совокупность принудительных норм, единственным источником которых является государство. Как и в старой России, в советской России государство обладало безраздельной властью над обществом и отдельными индивидами, политика возвышалась над правом, законы фактически не отличались от декретов и ука-

зов, партийных постановлений и т.д. Отсюда суммарные следствия для веками складывавшегося правосознания россиян, их правового менталитета.

Вера во всемогущество и разумные действия государства и центральной власти, переходила нередко в культ не только доброго царя, но и вождей. Ни идеи классического либерализма о минимализации роли государства, ни анархистские движения, ни Марксово учение об отмирании государства, пропагандировавшееся В.И. Лениным в первые послеоктябрьские годы, не поколебали стихийный народный «этатизм», неизбежно приобретающий также формы великодержавности и имперского сознания. В России правосознание по преимуществу было вторичным по отношению к мировоззрению, религии, морали. Массы могли отказать в легитимности любой правовой форме, если она казалась противоречащей основным их идеологическим и политическим установкам, и признать легитимность любого неправового акта, если он казался соответствующим этим установкам. В общественном сознании россиян, равно как в российской общественной мысли, идея социальной справедливости, доходившая до эгалитаризма, уравнительности, всегда превалировала над идеей свободы и права. Отсутствие должного уважения к формальному праву и, наоборот, стремление оценивать в первую очередь дух, смысл, содержание правовых норм — еще одна характерная черта правосознания россиян, их правового менталитета. Отсюда такие распространенные в России явления, как правовой нигилизм и правовой утилитаризм. На правосознании и правовом менталитете россиян сказывается также широко укорененный в общественном сознании народа общинный инстинкт, который некоторые зарубежные наблюдатели еще в XIX в. прямо называли иногда коммунистическим. А это предопределяло слабое развитие в обществе сознания личности, индивидуальных прав и свобод и соответственно равнодушие к течениям, пропагандировавшим эти мысли. Нет никакого сомнения в том, что плачевное состояние права, правосознания, правовой

культуры в современной России определяется не только сегодняшними реалиями, но также правовым наследием прошлых веков, традиционным правовым самосознанием и менталитетом россиян.

Трудно что-нибудь добавить к широко распространенным описаниям состояния права, правосознания и правовой культуры в современной России. Говорят не только о политическом кризисе общества, но также о кризисе законности и правопорядка, о правовом беспределе, о падении престижа права, о невозможности с помощью правовых средств решать социальные конфликты. Одно из самых печальных явлений современности — это широкое распространение правонарушений в верхних эшелонах власти. Как если бы прав был Бенкендорф, считавший, что законы пишутся для подчиненных, а не для начальства. Примеров здесь немало: тут и так называемая война федеральных и республиканских законов, и парадоксы в «разрешении» проблемы разделения властей, вследствие чего законодательная власть в стране оказалась резко ограничена в пользу власти исполнительной, и неконституционный способ разрешения конституционного конфликта и так далее.

Достаточно широкую огласку получило массовое недовольство некоторыми государственными актами: предприниматели недовольны системой налогов, колхозники — ука-зом о реорганизации колхозов, либеральные деятели — акциями в Чечне и т.д. По сути дела речь идет о традиционной для российского менталитета форме отказа признать легитимность официальных правовых актов по мировоззренческим, моральным и иным соображениям.

На волнах резкого понижения до того более чем скромного жизненного уровня значительной части населения, при возросшем социальном расслоении в необозримых масштабах в обществе распространились правовой нигилизм и новые формы преступности. Как бы в подтверждение низкого статуса в российском правосознании личных прав и свобод широкое распространение получило уклонение от участия в

выборах во время избирательных кампаний и феномен голосования «назло». И если сейчас в статьях достаточно солидных авторов встречается формула: «Все мы — преступники, нарушители закона...», то даже с учетом публицистического увлечения в данном конкретном случае, но исходя из общей ситуации, вполне закономерно задаться вопросом: а есть ли в таком случае какой-либо смысл в начавшихся еще во время горбачевской перестройки разговорах о правовом государстве в России, под которым до сих пор понимают, как правило, либеральное правовое государство?

Говорят, что мы далеки от правового государства. Это действительно так. Но возможно ли в России такое государство в обозримом будущем, если отталкиваться от накопленного страной весьма скромного правового опыта, учитывая прошлый и современный уровень, очень далекий от принципов либерализма господствующей в обществе правовой культуры и характер правовой ментальности россиян?

Наряду с прошлым правовым опытом страны и знаниями о характере правосознания и правового менталитета в сценариях возможного будущего правового развития России необходимо учесть также многие современные как международные, так и внутренние факторы.

Перспективы правового развития

Коль скоро мы относим Россию к семье европейских, пусть периферийных, стран естественна ее также и правовая ориентация прежде всего на передовой западноевропейский опыт. Но ориентация на этот западноевропейский опыт отнюдь не означает необходимости именно в данный момент копировать строй современных либеральных правовых государств. Если России суждено жить в правовой системе западноевропейского типа, то должно быть соблюдено, по крайней мере, одно условие: необходимо обеспечить по возможности мягкое, через какие-то промежуточные этапы,

вхождение страны в правовую систему западноевропейского типа, систему, которая до сих пор ни в коей мере к российским условиям не прилагалась.

В последние годы в стране возродился чуть ли не весь спектр политических течений дооктябрьской и советской эпохи. Конкурируют разного рода идеалы от монархических и теократических до либерально-демократических и неосоветских. Лишь немногие из них выходят за рамки абстрактных и весьма смутных по содержанию лозунгов. Но некоторые общие политические тенденции в современном российском обществе уже проявились: достаточно определенно заявили о себе сторонники возрождения традиционных форм российской государственности и правопорядка и сторонники классически-либерального правового государства.

«Традиционалисты», требующие не считаться с интересами мирового сообщества и исходить только из национальных интересов, в духе традиционного российского этатизма ратуют за «могучую государственность», за возрождение «величия русского государства», соответствующего духу православия. Они выступают, в частности, за сильную законодательную власть, подотчетность ей исполнительной власти, против наделения органов исполнительной власти законодательными полномочиями, против принципа разделения властей, за регулируемую государством экономику. В других версиях этатизма за сильной государственной властью предполагается закрепить функции жесткого контроля и регулирования всей жизни общества.

На волне критики советской государственности и советского права сформировалась противоположная либеральная модель правового государства. Либералы исходят из необходимости соответствия отечественной системы права общецивилизационной модели правовой идеологии и приоритета общечеловеческих ценностей (права человека и гражданина, справедливость, гуманизм, свобода, равенство) и принципов международного права, ориентируют правовую систему на политические принципы плюра-

листической демократии и многопартийности. Но особенно классически-либеральный смысл концепции правового государства проявился в идее приоритета гражданского общества над государством.

Ценностные приоритеты

Обычный вопрос ценностных суждений — их содержательные характеристики, при том, однако, что сравнительно-сопоставительный отбор предпочтительных, более существенных ценностей весьма спорен, если вообще возможен (ср., например, ум, честь, совесть). Все они равно значительны и не исключают одна другую. Есть, однако, структурные различия между ними, часть которых уже отмечалась выше, а некоторые другие мы сейчас затронем.

Исследование ценностных систем побуждает ответить на ряд вопросов, связанных с их взаимоотношениями. Один из них — о вероятном характере ценностей различных порядков. Так, если первичные ценности конвенциональны, относительны и условны и безусловны лишь в некоторых конкретных случаях (равенство в правах, нумерическом равенстве, свободе воли и т.д.), то составленные из них производные ценности вероятностны в еще большей степени. Поэтому, в частности, идея какой-либо политической, социальной и иной справедливости реализуется не из нее самой, а в итоге существования слагающих ее первичных ценностей.

Следует также уточнить соотношение позитивных и негативных ценностей, таких парных категорий, как право—бесправие (и синонимичные ему понятия своеволия, самоуправства—беззакония и мн. др.), свобода и несвобода (неволя, принуждение и т.п.). Могут ли вообще негативные явления именоваться ценностями? Ответ, казалось бы напрашивается сам собой, однако мы уже говорили об относительном характере ценностей — он относителен и для негативных и для позитивных ценностей. Когда речь идет, напри-

мер, о свободе, тотчас возникают вопросы: для чего (позитивная свобода) и от чего (негативная свобода)? Переходы от позитивных к негативным ценностям и порождают вопросы: право как аксиологическая абстракция — это хорошо, но ее конкретизация сразу же порождает вопросы — чье право? какое право? право на что и для чего? и т.д. Кулачное право — это уже то же, что бесправие и далее, без конца. В конце же возникает одно и главное заключение: позитивные ценности приходится открывать, отстаивать, за них нужно бороться, они — будущее общества, политики и культуры, негативные же — это ценности прошлого, хотя стойкие, и вся система ценностей состоит в неизменном противостоянии и движении двух образующих ее начал — позитивного и негативного. Ценность этого последнего, по-видимому в том, что оно постигается, преодолевается и дает начало позитивным составляющим системы.

К этому следует добавить, что негативные составляющие системы и ценностей тоже могут представлять интерес и ценность для определенных лиц и политических режимов, и борьба может идти не только против них, но и за них и в противовес позитивным ценностям. Так, например, кризис общественной морали обычно и протекает в виде противостояния таким ценностям, как право, ум, честь, совесть и т.п. и в пользу их антиподов.

Классификация ценностей

Существует длинный ряд специфических политических ценностей, таких, например, как политические идеи, теории и взгляды, умение руководить и управлять, качества лидера, потенциал воли и характера и мн. другие. Однако их нелегко, да и нецелесообразно отделять от других социальных и даже природных ценностей — большинство из них имеет тот или иной политический смысл. Так пространство и время, даже в их конкретных формах — смены времен года, дня и

ночи, наличия или отсутствия ископаемых природных ресурсов и множество других естественных богатств — несомненные ценности политики. Большие общественные системы (политика, экономика, право, мораль, идеология, наука, культура, религия) с их конкретными свойствами, структурными элементами и отношениями, в том числе и негативными, также образуют ценностные системы с важнейшим политическим содержанием, при этом не только позитивного, но и негативного характера. Поэтому я не буду пытаться делить ценности на сугубо политические и неполитические. Есть ряд других принципов их классификации, в том числе уже затронутое выше деление их на исходные и производные. Это важнейший принцип, возводящий классификацию до уровня подлинной типологии, и к нему мы еще вернемся, но начнем с исходных базисных ценностей.

Можно выделить крупные группы ценностей по генетическому и функциональному признаку: этические (государство и его институты, включая конституционное право и пр.); публичные (общественные) ценности (возможность группировок, ассоциативной жизни, самоуправления и мн.др.) и ценности приватной деятельности и жизни (личной жизни и личных отношений). Такую группу ценностей можно назвать функциональной. Впрочем, разделять ценности по структурным, функциональным и им подобным признакам не всегда убедительно. Проще, как это обычно и делают, выделять ценности больших общественных систем, как мы уже и сделали, то есть собирать отдельно моральные, политические, экономические ценности, ценности культуры, науки и т.п. Это обычный путь, поэтому испробуем другой.

Итак, вслед за функциональными ценностями собираем ценности по субстанциональному признаку (по имени носителя). Вполне возможно, что одни и те же ценности могут оказаться в разных группах. Так государство и его институты могут рассматриваться и как ценности, и как их носители. Назовем тем не менее в этом разряде гражданские, международные и др.

Возможно совмещение сходных или антиномичных ценностей по принципу построения сетевых графиков (коллективные и индивидуальные, консенсусные и конфликтные, конвенциональные и безусловные и т.д.).

Ценности различаются по их качественным характеристикам, а еще точнее — по степени их приближения к представлению об общем благе в различных его воплощениях (экономическом, политическом, моральном, культурном и др.) и обобщенном, как качество жизни в открытом обществе, в котором реализуются в предельно возможной мере известные нам фундаментальные, а следовательно, и производные и высшие ценности, в том числе и сама ценность их всеобщности (по так называемому «принципу Парето»: благо не может быть общим, если не распространяется «на всех»).

Поскольку, однако, представление о благе конвенционально, эта конвенциональность переходит и на ценности. Можно было бы добавить, что и сами ценностные суждения конвенциональны. Во всяком случае эти суждения переходят в ранг общественного договора, которым улаживаются отношения между антиномичными ценностными суждениями и соответственно между различными уровнями сознания: сознательным и бессознательным, сознанием и под-сознанием.

Тем не менее, поскольку такой договор универсален, подтверждается и представление об универсальности самих ценностей и может решиться вопрос: ценность — сущность или явление?

В договоре (соглашении) о ценностях, как и во всяком общественном договоре, формируются несколько уровней: конкретный (свобода, равенство, право) как некие принципиальные начала, общественные сущности; этическое, не имеющее конкретных форм, идеальное начало — справедливость («это справедливо») утопическое по своей сути, так же, как и исходные ценности (базисные) и реализованные формы этих конкретных ценностей, то есть конкретные виды

позитивной и негативной свободы (свобода совести, слова, передвижения и мн.др., число которых с ходом истории может возрасть); уравнильное равенство перед законом, социальным обслуживанием и пр.; общие для всех экономические, политические, юридические и др. права. Таким образом, в ценностных системах происходит встречное движение: от абстрактных к конкретным формам и обратное — к абстракциям и идеалам. Все эти ценностные уровни строго функциональны с политической точки зрения. Идеальные утопические абстракции служат ориентиром финальных целей, конкретные ценности — предметом реальных частных ценностей.

Отмечу, в заключение, что в принципе проблема сознания актуальна для всех организационных и регулятивно-контрольных систем общества, не только для политики, а эта последняя сталкивается с ними не только в сфере науки, идеологии или религии. В этой работе собраны системы, однако, не случайные. Во-первых, они не вошли в книгу «Бытие политики», а во-вторых, и это главное, анализ трех отобранных здесь систем позволяет проследить смещение рационального сознания до бессознательных проявлений и подсознания, объединенных в ценностных суждениях. Отмечу, кстати, что нет основания выделять особую форму «политического сознания». Эта метафора, может быть, и применима, но позволяет предполагать существование в политике особого сознания (как и особой истины), которого на самом деле нет.

Примечания

- ¹ Напомню, что речь идет о больших организационных и регулятивно-контрольных общественных системах: экономической, правовой, культурной, моральной и других. См.: *Кравченко И.И.* Введение в исследование политики. М., 1998: *Его же.* Бытие политики. М., 2001.
- ² *Гоббс Т.* Соч.: В 2 т.
- ³ *Вико Дж.* Основание новой науки об общей природе наций. М., 1940.
- ⁴ См., например, статью *Galli C. Strauss, Voegelin, Arendt lettori di Thomas Hobbes: tre paradigmi interpretativi della forma politica nella modernità // Filosofia politica e pratica del pensiero.* Milano, 1988. P. 25–52.
- ⁵ *Гоббс Т.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1964. С. 114–115. См.: *Foucault M.* Surveiller et punir Naissance de la prison. P., 1975.
- ⁶ Или «политической общности», т.е. тех групп, слоев, частей общества, которые профессионально заняты политической деятельностью или в значительной степени вовлечены в политику.
- ⁷ См.: *Алюшин А.Л., Порус В.Н.* Власть и «политический реализм» (поведенческие концепции власти в политической науке США) // Власть. Очерки современной политической философии Запада. М., 1989. С. 95–127.
- ⁹ См.: *Веуте К.* von. Die politische Theorien der Gegenwart. München, 1984; *Apter D.E.* Introduction to political analysis. Cambridge (Mass.), 1977 e.a.
- ¹⁰ См.: *A.J. (Hallo H.), Adams H.* Comparative public policy. The politics of social choice in Europe and America. L., 1976.
- ¹¹ См., например, из числа более известных и доступных работ: *Голбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М., 1976; *Aron R.* Trois essais sur l'âge industriel. P., 1966; *Jones Th.E.* Option for the futures: A comparative analysis of policy-oriented forecasts. N. Y., 1980; *Bell D.* The coming of post-industrial society: A ventury in social forecasting. N.Y., 1973. См. подробнее об этом: *Кравченко И.И.* Экологическая проблема в современных теориях общественного развития. М., 1982.
- ¹² Сами наименования их характерны: «свершающее» общество (Д.Маклеланд), «зрелое» (Д.Габор), «новое» (П.Дракер), «благое» (У.Липпман), «рациональное» (Ю.Хабермас), «телематическое» (Дж.Мартин, Оувер Т.), «информационное» (Х.М.Мак-Люэн), «организационное» (Р.Претус) и т.д. (См.: *Кравченко И.И.* Концепции обновления современной цивилизации в западной социальной философии // Перспективы мирового развития в западной литературе. Ч. 1. М., 1990. С. 4–29.
- ¹³ Тема эта развивается во всех работах Блоха, посвященных утопии «Принцип надежды», «Дух утопии» и др. *Bloch E* Geist der Utopie. Frankfurt a/M., 1964, *Bloch F.* Philosophische Aufsätze zu objektiven Phantasie. Frankfurt a/M., 1969, etc.

- 14 См. об этом подробнее: *Алексеева Т.А., Кравченко И.И.* Политическая философия: к формированию концепции // *Вопр. Философии.* 1994. № 3. С. 13–14; *Кравченко И.И.* Политика, наука и утопия // *Драма об-новения.* М., 1990. С. 305–318 и сл.
- 15 См.: об этом одну из лучших работ по теории утопии: *Goodwin B. Taylor K.* The politics of utopia. A study in theory and practice. L., etc. 1982.
- 16 *Lasilo E.* The inner limits of mankind Heretical reflections on today's values, culture, and politics /With a comm. of A. Peccei. Oxford etc., 1978.
- 17 См.: например, работы: *Boughy A.S.* Ecology of populations. N. Y., 1973; *Boughy A.S.* Strategy for survival. An exploration of the limits to farther population and economic growth. Menio Park (Cal.), etc., 1976; *Daly H.E.* Steady-state economics: San Francisco, 1977, а также содержательную интерпретацию математического исследования предельности в работе *Неуёмкина Я.Г.* Модели в науке и технике. Л., 1984.
- 18 См.: the global predicament of Ecological perspectives on world order /Ed by D.W. Orr. M.S. Soroos. Chapel Hill, 1979. P. 313, а также *Arrow K.* The Limits of organization. N. Y., 1974; *Argyris Chr.* Management and organizational development. The path from XA to YB. N. Y., etc., 1971; *Blau P.M., Schoenherr R.A.* The structure of organizations. N. Y., 1971; *Systems theory for ogranizations development /Ed. by Th.G. Cumminsf.* Chichester etc., 1980 etc.
- 19 The global predicament. P. 315.
- 20 Анализ такого рода ограничений можно обнаружить в работах многих авторов: см.: *Deutsch K.* The nerves of government. N. Y., 1965. P. 92; *Wenk Ed.* Margins for survival. Overcoming political limits in steering technology. Oxford, 1979. P. 62–65, а также *Easton D.* A system analysis of political life. N. Y., 1967; *Elzioni A.* A sociological reader on complex organizations. N. Y., 1969 etc.
- 21 См. справедливые замечания на эту тему *Freund J.* Que veut dire prendre une decision? // *Freund J.* Politique et impolitique. P., 1987. P. 60–70.
- 22 Термин Н. Боббио (см.: *Bobbio N.* I e udeologie e il potere in crisi: pluralismo, democrazid e socialismo, comunismo. Firenze, 1981. P. 185. 186 e.a.).
- 23 Напомним гегелевский анализ средств и целей и его развитие Марксом: *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 271, 273, 271–272.
- 24 См.: *Lefebvere H.* De l'Etat. Т. 3. Le mode production etatique. P. 1977.
- 25 Даже легализация, т.е. юридическое обоснование законности власти, не исключает невольных или намеренных отклонений от адекватных представлений о ней либо, напротив, способна намеренно внушить их в интересах той же власти.
- 26 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 117.
- 27 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2 изд. Т. 1. С. 271.
- 28 Там же. С. 273.
- 29 Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 47.

- ³⁰ Гегель Г.Ф. Соч. Т. 6. М., 1939. С. 202.
- ³¹ Напомню, что классический либерализм исчез так же давно, как и классический консерватизм.
- ³² Обобщенной теории политического мифа пока нет не только в отечественной, но и в зарубежной литературе, несмотря на солидную традицию исследований архаической мифологии. Работа Э.Кассирера «Миф о государстве» в этом отношении выделяется и исключительной историко-философской эрудицией автора, и знанием предмета, но и она не полна и недостаточно последовательна. В современной отечественной литературе известны работы о проблемах античного мифа, например, книга Ф.Кессиди «От мифа к логосу», но к политическому мифу наши исследователи обратились совсем недавно: см. на эту тему интересную и злободневную работу Н.Г.Щербининой «Политический миф России» Томск. НБ ТГУ, 1997, 90 с., посвященную культу вождизма.
- ³³ Напомним деление утопий на три класса: 1) проектов, которые неосуществимы при наличных условиях, но осуществляются при изменении этих условий (проект гражданского общества Гоббса в XVII в.); 2) идей, которые осуществляются по мере создания условий в настоящем и в гипотетическом будущем (идеалы равенства, свободы, и т.п.); 3) абсолютные утопии, которые никогда не осуществляются (утопии абсолютной свободы, всеобщего равенства, личного бессмертия и т.п.). См.: Кравченко И.И. Политика, наука и утопия // Драма обновления. М., 1989. С. 305–329; Алексеева Т.А., Кравченко И.И. Политическая философия: к формированию концепции // Вопр. философии. 1994. С. 13 и сл.
- ³⁴ Cassirer E. Le myth de l'Etat. P.: Gallimard, 1993. P. 56.
- ³⁵ Ibid. P. 58.
- ³⁶ С той разницей, что французская антиреволюционная и реваншистская критика Ж.де Местра, Л.де Бональда, Р.де ла Тур дю Пина была предельно политизирована, а немецкий романтизм не был непосредственно ориентирован на политику и жил в «царстве Духа» — поэзии, искусстве, философии.
- ³⁷ Becker C.L. The Heavenly City of the Eighteenth Century Philosophers. New Haven, 1923. P. 95.
- ³⁸ Cassirer E. Op. cit. P. 246.
- ³⁹ См.: Cassirer. Op. cit. P. 247.
- ⁴⁰ «Магический идеализм» Новалиса, образец мифологической философии.
- ⁴¹ Novalis. Amour et Foi // Oeuvres completes. P., 1975. P. 341.
- ⁴² См. напр.: Viereck P. Metapolitics from Romanticism to Hitler. N. Y.: A.A. Knopf, 1941.
- ⁴³ Carlyle T. Le culte du héros. P., 1895. P. 318.
- ⁴⁴ Grinson H.F.C. Carlyle and Hitler. Cambridge: Grand Bretagne, 1933; Seilliere. Un précurseur du national-socialisme: l'actualité de Carlyle. P.: Ed. De la Nouvelle Revue critique, 1939.

- 45 Тем более, что героизация вождей, мифология политических предводителей и элит («правительство») отнюдь не только немецкое или советское достояние. Широчайшее распространение подобной мифологии стало одним из бедствий тоталитаризма. В XX в. активизировалась мифологическая героизация и подлинных героев века.
- 46 *Gobineau J.A. Essai sur l'inegalite des races.* P.: Gallimard, 1983.
- 47 См.: *Cassirer. Le myth de l'Etat.* P. 7–12.
- 48 Нельзя не вспомнить в этой связи представление о государстве как о машине, «чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы» (*Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 75*).
- 49 Гегель многогранен, и это дает основание и для иных трактовок его творчества в либеральном освещении (См.: *Pinson J.C. Hegel. Le droit et le liberalisme.* P.: PUF, 1989). Современный тоталитаризм избавился от этой многозначности.
- 50 См.: *Robertson Smith W. Lectures on the Religion of the Semithes.* Edinburg: A. and Black; 1889; *Harrison J.H. Prolegomena to the Study of Greek Religion.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1903; *Cassirer E. Op. cit.* P. 46 etc.
- 51 См.: *Cassirer Op. cit.* P. 378.
- 52 См.: *Cassirer. Op. cit.* P. 380-381.
- 53 От греч.-лат. — *crypta* — подземелье. См.: *Doddio N. Le ideologie e il protere in crisis: pluralismo, demmocrasiae socialismo.* Firenze, 1981. P. 186.
- 54 См.: *Cassirer. Op. cit.* P. 387.
- 55 Напомним, что речь идет о нормальных отношениях власти на короткой дистанции между непосредственно соприкасающимися людьми, в малых группах и между группами. Эти отношения (как и всякие отношения власти) всеобщи, универсальны и им придается абсолютный характер автономной общественной сущности.
- 56 *Cassirer E. Op. cit.* P. 72.
- 57 *Kunig F. Europa auf dem Wege zu sich selbst // Europa. Harizont der Hoffnung.* Wien; Kuln, 1983. S. 50.
- 58 *Ratzinger I. Europa — verpflichtendes Erbe für die Christen // Europa. Horizont der Hoffnung,* S. 73.
- 59 *Bell D. Meritocracy and equality // The new egalitarianims. Questions and challenges.* Port Washington (N. Y.) — L., 1979. P. 22.
- 60 Там же.
- 61 Соч. Т. 3. М., 1956. С. 317.
- 62 *Метафизика нравов.* Соч. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 333.
- 63 Там же. С. 130.
- 64 В этом совместном движении природы и человека, по-видимому, и состоит смысл просвещения.

Оглавление

Введение	3
РАЗДЕЛ I. ЗНАНИЕ И СОЗНАНИЕ В ПОЛИТИКЕ	5
Политика/власть и наука	5
Этатизация науки	9
Роль науки	10
Партнерство равных	11
Политическая наука и научная политика	15
Одна из самых древних и самых молодых наук	16
Предметная область политической науки: традиция и новые темы	21
Политическая наука сегодня	26
Наука, политика и общество XX-XXI вв.	34
РАЗДЕЛ II. ДВА УНИВЕРСАЛЬНЫХ НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ	39
Пределы возможного в политике	43
Новый взгляд на специфические пределы политики	50
Утопия и техника власти	60
Политика, наука и утопия в конкретном политическом процессе	67
РАЗДЕЛ III. ОТ ЗНАНИЯ К УБЕЖДЕНИЯМ	99
Глава 1. Политика и идеология	100
Истоки либерализма	107
Либерализм	110
Либерализм и демократия	116
От идеологии к мифологии	116
Политическая мифология и философия Нового времени	119
Конкретные виды политических мифов	126
Психология и теория мифомании	131
Миф — птица Феникс	142
Глава 2. Политика и религия	144
Религия и история. Христианство перед проблемами нового порядка	150

Современный Ватикан: проблемы культуры и духовных ценностей	166
РАЗДЕЛ IV. ОТ УБЕЖДЕНИЙ К ПРЕДУБЕЖДЕНИЯМ	181
РАЗДЕЛ V. ЦЕННОСТИ И ПОЛИТИКА	183
Градации ценностей	190
Некоторые замечания о первичных ценностях	193
Право и правовая культура в российской ментальности	201
Перспективы правового развития	204
Ценностные приоритеты	206
Классификация ценностей	207
Примечания	211

Научное издание

Кравченко Игорь Иванович

Политика и сознание

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник *В. К. Кузнецов*

Технический редактор *А. В. Сафонова*

Корректор *Т. М. Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 06.07.04.

Формат 70x100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 6,78. Уч.-изд. л. 9,86. Тираж 500 экз. Заказ № 028.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Т. В. Прохорова*

Компьютерная верстка *Ю. А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119992, Москва, Волхонка, 14